

*В Казанскую Бюродеканскую
Библиотечку*

О ЧЕРВИ

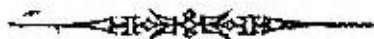
от автора

ДРЕВНѢЙ ВЪЗРАСТУ.

1877. Авг. 19

СОСТАВИЛЪ

Протоіерей Казанской Кремлевской во имя Спасителя
Церкви Платонъ Заринскій.

КАЗАНЬ.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1877.

Цензурою дозволено. 24 Мая 1877 г. И. д. Казанскаго Отдѣль
наго Цензора С. Шпилевскій.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ.

I.

Казань во второй половинѣ XVI вѣка.

Въ текущемъ году, 31 іюля въ Казани предполагается открыть четвертый Археологическій Съездъ. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на рѣшеніе предполагаемаго Съезда, поставлены слѣдующія три вопроса: «На сколько возможно возстановить слѣдующія подробности топографіи города Казани во время осады ея войсками царя Іоанна IV: а) мѣсто, гдѣ находилась татарская крѣпость, в) предѣлы городскихъ татарскихъ поселеній, г) мѣста, гдѣ стояли осаждающіе?» Предполагаемый нами рядъ статей имѣеть цѣлью прямо или косвенно рѣшить эти вопросы, на сколько возможно это сдѣлать на основаніи извѣстныхъ доселѣ письменныхъ документовъ и тѣхъ немногихъ указаній, которыя представляетъ современная топографія г. Казани. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поставленные выше вопросы имѣютъ большую важность. Значеніе ихъ не одно только мѣстное, но и общее, историческое. Всѣ доселѣ извѣстныя описанія послѣдней осады и взятія Казани, начиная съ художественнаго описанія Карамзина, которое такъ поражало насъ въ дѣтствѣ, грѣшатъ отсутствіемъ опредѣленности. Авторы при описаніи взятія Казани, идуть, какъ-будто, оцупью, ограничиваясь простою церефразировкою лѣтописи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ незамѣчая ея противорѣчій, происходящихъ отъ ошибокъ

переносчиковъ. ⁽¹⁾ При описаніи самого штурма Казанской крѣпости это смѣшеніе понятій, это отсутствіе яснаго пониманія плана старой татарской Казани еще болѣе замѣтно: наши и татарскія войска куда-то двигаются, гдѣ-то схватываются, и приступая другъ другу ни пиди земли, и все это вдругъ оказывается извѣстнымъ возгласомъ Воротынскаго, что Казань взята. Все доселѣ извѣстные намъ планы древней Казани поражаютъ насъ по-большей части явными противорѣчіями, отсутствіемъ достаточныхъ основаній, по которымъ тѣ или другія мѣстности внесены въ черту города. Такъ одинъ изъ составителей плана древней Казани, при восстановленіи очертанія древней городской стѣны, взялъ за единственное основаніе направленіе крестныхъ ходовъ, установленныхъ въ XVII вѣкѣ, по случаю моровой язвы, при которыхъ обходятъ городъ въ два раза съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимой ежегодно 26 іюня въ Казань изъ Седмезерной Пустыни. Еще доселѣ вопросъ: входилъ ли Булакъ въ черту древней Казанской крѣпости?—остается вопросомъ открытымъ. Доселѣ мы не можемъ опредѣлить вѣрно положеніе многихъ воротъ Казанской татарской крѣпости,—не въ состояніи указать вѣрно мѣста и направленіе подконовъ, которые были взорваны 2 Октября 1552 года. При существованіи такихъ пробѣловъ, ясное пониманіе осады и взятія Казани, очевидно, невозможно, и по неволѣ приходится повторять слово въ слово одинокіе сказанія, составленныя иногда въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Казани, по-слуху, а иногда спустя долгое время послѣ самой осады.

Приступая къ рѣшенію предложенныхъ Съѣзду вопросовъ, мы считаемъ необходимымъ составить прежде всего ясное представленіе о планѣ русской Казани, возникшей на развалинахъ татарской въ XVI вѣкѣ. Положеніе этой новой христіанской Казани было такъ же осадное, оборонительное, какъ и Казани татарской. Въ 1552 году Казань татарская пала, но этимъ далеко еще не окончилось при-

⁽¹⁾ Таково извѣстное смѣшваніе при описаніи Казанской осады Арскихъ воротъ съ Царскими, Тюменскихъ съ Ногайскими.

веденіе всей окрестной страны «подъ Русскую державу». Со взятіемъ Казани только перемѣнились роли: теперь не мы угрожали татарской столицѣ, а татары начали серьёзно угрожать русской Казани, которая такъ внезапно сдѣлалась твердымъ оплотомъ нашего поступательнаго движенія на востокъ, среди чуждаго и враждебнаго намъ инородческаго элемента бывшаго Казанскаго царства. И дѣйствительно, съ послѣдняго Казанскаго погрома, мы принуждены были подавить нѣсколько разъ возстанія въ побѣжденномъ краѣ. ⁽¹⁾ Такимъ образомъ въ первое время послѣ Казанскаго взятія положеніе Русской Казани было оборонительное. Древняя татарская Казань считалась сильною крѣпостью, по своему положенію на горѣ и среди болотистой мѣстности. Татары были твердо убѣждены, что ее нельзя взять посредствомъ правильной осады, а можно было захватить лишь въ расплохъ, что и удавалось не разъ русскимъ войскамъ до послѣдней осады. ⁽²⁾ Во время послѣдней осады татары твердо надѣялись, что и на этотъ разъ осада окончится ничѣмъ, что русскимъ ни въ какомъ случаѣ не удастся взять ихъ юрть. Такимъ образомъ русскіе, взявши Казань, по необходимости должны были воспользоваться точно такъ же, какъ и татары, выгодами казанской мѣстности и ограничить городъ тѣмъ же пространствомъ, какое занимала татарская Казань, какъ крѣпость. Въ слѣдствіе этого новое населеніе Казани должно было такъ же скученно размѣститься за казанскими стѣнами, и никакимъ образомъ не расширять стѣнъ, чтобы не увеличить линіи защиты. Вотъ почему мы думаемъ, что если бы намъ удалось восстановить планъ русской Казани въ началѣ 2-й половины XVI вѣка, то мы бы имѣли возможность почти

⁽¹⁾ Въ Исторіи Щербатова собраны все лѣтописныя сказанія о возмущеніяхъ народовъ бывшаго Казанскаго царства. См. Щербат. Іоаннъ V (Грозный) стр. 406 и далѣе.

⁽²⁾ Въ 1530 году, при Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, князя Иванъ Бѣльскій и Михайло Глинскій, захватили ночью Казанскій острогъ, благодаря оплошности татаръ. Каз. Ист. стр. 66....

достоверно опредѣлить планъ татарской Казани, по крайней мѣрѣ—имѣть весьма близкое понятіе о ея предѣлахъ.

Этому нашему желанію (возникшему въ началѣ 60-хъ годовъ, при первомъ ознакомленіи съ подлинными сказаніями о Казанской осадѣ)—имѣть подъ руками описаніе Казани 2-й половины XVI вѣка, пришлось осуществиться самымъ неожиданнымъ образомъ. По смерти покойнаго Капит. Иванов. Невоструева, было прислано въ Казанскую Духовную Академію обширное извлеченіе изъ Казанскихъ Писцовыхъ книгъ 1566—1568 годовъ, подъ заглавіемъ: «Выписка изъ Вотчиннаго III Архива. Писцовая книга г. Казани съ уѣздомъ 1566—1568 г. Общ. № 556. Части. № 404. Книга писана окольниковымъ Никитою Борисовымъ да Дмитриемъ Кикинымъ, 7074, 7075 и 7076 годовъ». Знакомство съ этой рукописью, которую предположено напечатать въ Казанскихъ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ, дало намъ довольно ясное понятіе о планѣ Казани шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, а равно и о внутренней жизни новаго русскаго города. Къ сожалѣнію, Писцовая книга подверглась значительной порчѣ: начало и конецъ ея потеряны и, какъ помѣчено въ позднѣйшее время на поляхъ рукописи, «*листы изотлели*». Равно въ срединѣ подлинной рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, наконецъ извлеченіе изъ книги сдѣлано съ извѣстной спеціальной цѣлью—показать мѣстоположеніе древнихъ Казанскихъ монастырей, соборовъ и церквей, опредѣлить ихъ украшенія, утвари, ризницу,—денежное довольство и натурой отъ казны состоявшему при нихъ духовенству,—различныя угодья и населенныя мѣстности, приписанныя къ церквамъ и монастырямъ. Не смотря на это, Писцовая книга даетъ много очень интересныхъ данныхъ, которыя мы и изложимъ въ настоящемъ очеркѣ.

II.

Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань.

Луговой берегъ Волги, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Казанка или, какъ ее прежде называли, Казань-рѣка,

представляетъ низменную равнину, длиною около 10-ти и шириною болѣе 6-ти верстѣ. Равнина эта съ сѣверо-востока ограничивается цѣпью невысокихъ горъ, которыя оканчиваются, достигнувъ, въ прямомъ направленіи, до лѣваго берега Казанки. Крайняя оконечность этой горной цѣпи въ сѣверу оканчивается горою, весьма значительной высоты, отдѣлявшеюся въ XVI вѣкѣ довольно глубокимъ оврагомъ. На этой горѣ стояла Казанская цитадель, а ближайшая къ этой цитадели, гористая мѣстность занята была городомъ Казанью. Вся Казанская горная цѣпь, не исключая горъ, занятыхъ городомъ, была изрѣзана оврагами, измѣнявшими свой видъ и направленіе ежегодно отъ весенняго таянія снѣговъ и отъ происходящихъ отъ этого таянія и отъ проливныхъ дождей потоковъ. Причиной промочъ и обваловъ была отчасти глинистая и отчасти песчаная почва самихъ горъ, удобряемая напоромъ весеннихъ и атмосферныхъ водъ. И до сихъ поръ ежегодно, послѣ каждаго ливня, мы бываемъ свидѣтелями разрушенія мостовой на Казанскихъ городскихыхъ спускахъ близъ Гостиного двора, на Петропавловской улицѣ и около Университета. Мы хорошо поймемъ характеръ Казанской мѣстности въ XVI в., которому незнакома была каменная мостовая, если присмотримся къ мѣстности Казанскихъ кварталовъ на 1, 2 и 3-й горахъ. Намъ понятно будетъ, почему въ Писцовой книгѣ г. Казани 1566 года нѣкоторые улицы и переулки характеризуются словами: *на горѣ, подъ горою, за врагомъ, на вымль, на щели, надъ боеракомъ* и т. п. ⁽¹⁾ Съ другой стороны эта глинистая почва, на которой расположилась Казань, въ слѣдствіе свойства глины—нескоро пропускать сквозь себя воду, была причиной того, что въ XVI вѣкѣ Казань плавала въ грязи. Въ ней существовали историческія лужи, никогда неперсыхавшія. Въ Писцовой книгѣ встрѣчаются выраженія: *да дома стоятъ противъ лужи...*

(1) Вотъ подлинныя слова Писцовой книги: «Да до боерака 9 дворовъ, да надъ боеракомъ два двора...да переулкомъ направо по обѣ стороны къ Вздвиженью 7 дворовъ, да противъ лужи 3 двора....да въ Арскую улицу, за врагомъ два двора».

Самая Казанская долина, въ большей своей части затопляемая разливомъ Волги и Казанки, состояла, какъ и нынѣ, изъ илистаго наноса, изрѣзана была протоками и ручьями, изъ которыхъ протокъ Ичка былъ настоящею рѣкою, и изобиловала топкими болотами. Послѣ весенняго разлива и въ осеннее время мѣстность къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Казани, за Казанкою, представляла сплошное болото. ⁽¹⁾ Точно такой же илистый наносъ представляла собою мѣстность, лежавшая около Чернаго Озера, какъ это обнаружили раскопки въ 1874 году, при прокладованіи по Казани водопроводныхъ и газовыхъ трубъ. Такою же почвой отличаются мѣстности, гдѣ нынѣ лежитъ Забулачье и Засыпкина улица. По всей вѣроятности, въ давнее время всѣ эти мѣстности понимались водою, и лишь съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе наносовъ во время половодья, сдѣлались возвышенными.

Гора, на которой стоитъ внѣшній Казанскій Кремль, отдѣлена была отъ остальнаго города глубокимъ оврагомъ. Это—знаменитый въ лѣтописяхъ взятія Казани Тезицкій оврагъ Царственной книги, называемый у Курбскаго Тешницкимъ рвомъ, «по нашему, добавляетъ Курбскій, «купецкимъ». ⁽²⁾ Названіе этого рва или оврага до сихъ поръ трудно поддается словопроизводству. *О тезикахъ* Казанскихъ говорится въ Казанской Исторіи: «И посылаетъ изъ града Казани храбрый стратилатъ, Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, глаголя: преславный великій царю! Божіею милостию и твоею храбростию побѣда уже совершилася; во градѣ Казани вси побіени быша, въ палатахъ и въ погребахъ несмѣтное и неисчетное богатство взято, такожде и плѣна княгинь и мурзинныхъ и тезичьихъ женъ и просто рещи, отъ великихъ до простыхъ много множество держимо бѣ. Что о сихъ размыслитъ твоя царская держава?» ⁽³⁾

⁽¹⁾ Курбскій, стоявшій съ своимъ отрядомъ за Казанкою, рассказываетъ о Казанской изменности такъ: «случилось намъ стоять на мѣстѣ, въ равнинѣ, налугу, между «великими блаты». Курб. 24 стр.

⁽²⁾ См. Царств. кн. 306; Сказ. Курб. 31.

⁽³⁾ Каз. Исторія стр. 245.

Производятъ это слово (напр. Вельяминовъ-Зерновъ) отъ слова *Таджикъ*, которое произносится и *Тазикъ*. Таджиками и нынѣ называются коренные жители Средней Азіи, сарты, говорящіе персидскимъ языкомъ, въ противоположность узбекамъ, позднѣйшимъ пришельцамъ, говорящимъ по-татарски. Можетъ быть, названіе Тезицкій «купеческій» происходитъ отъ испорченнаго слова *Тайд-жаръ*, купецъ?—⁽¹⁾ Тезицкій ровъ или оврагъ шелъ параллельно юго-восточному фаса нынѣшняго Казанскаго Кремля, гдѣ расположены Спасскіи ворота. Въ Писцовой книгѣ читаемъ, при поперечномъ измѣреніи Кремля: «а поперегъ межъ Преображенскихъ и Никольскихъ воротъ отъ городовой стѣны, отъ круглыя деревянныя башни, по Тезицкому врагу, до другія городоваыя деревянныя стѣны, до Дмитріевскихъ воротъ и т. д.» Съ этимъ совершенно согласно показаніе Курбскаго. ⁽²⁾ По соображенію съ указаніями Писцовой книги и по оставшимся слѣдамъ, этотъ оврагъ, начинаясь отъ Булака довольно узкимъ проходомъ, шелъ по Ивановской горѣ, между нынѣшнимъ домомъ Городскаго Общества и Кремлемъ, все болѣе и болѣе расширяясь и сливаясь съ низменностью, которая простиралась отъ мѣстности выше Чернаго озера и оканчивалась около мельницъ, позади Засыпкиной улицы. Въ этомъ мѣстѣ обѣ горы, на одной изъ которыхъ стоитъ Кремль, а на другой находится Пятницкая церковь, сходились очень близко и оканчивались узкой балкой, съ крутыми боками, которая доходила до Казанки. Это балка называлась «щелью» и здѣсь существовали въ XVI вѣкѣ потайныя ворота къ рѣкѣ Казанкѣ, называвшіяся «на щели». ⁽³⁾ Въ низменности, начинавшейся съ крайнихъ

⁽¹⁾ Въ арабскомъ лексиконѣ Менинскаго есть слово *tagir*, во множествѣ *tuggiar*, Mercator. Кто знаетъ, какъ русскіе коверкали татарскія слова, не удивится, что это слово у русскихъ перешло въ Тезикъ или Тешикъ.

⁽²⁾ «А поперегъ (Казани), аки въ половину мѣста (города), отъ стѣны Булака, ажъ до дольня части мѣста ровъ немалый.» Курб. 38. Курбскій говоритъ дѣсь, какъ видно по контексту, о Тезицкомъ оврагѣ.

⁽³⁾ На планѣ Фонъ-Каница, подлинникъ котораго

предѣловъ Черно-Озерскаго сада и оканчивавшейся около Казанки, существовала въ XVI вѣкѣ цѣлая система прудовъ или «озерковъ» съ весьма слабымъ теченіемъ, уровень которыхъ все болѣе и болѣе понижался. Выше всѣхъ лежало «Бѣлое озерко», находившееся въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ гостиница Ожегова. Еще во времена Императора Павла Петровича здѣсь существовало озерко съ проточною водою, годною для употребленія. Ниже этого озера лежало верхнее Поганое Озеро или Банное, гдѣ нынѣ находится небольшой садикъ, противъ Чернаго Озера. Еще ниже, противъ Пятницкой церкви (тогда называвшейся церковью Никола-Зарайскаго) было еще «нижнее Поганое Озерко». Въ Писцовой книгѣ мы читаемъ слѣдующее описаніе первыхъ острожныхъ воротъ. «Ворота острожныя (безъмянныя) выше Воскресенскихъ городскихъ воротъ, противъ нижняго Поганова Озера близко Никола Чудотворца Зарайскаго.....» (1)

При подобномъ представленіи Казанской мѣстности, понятно будетъ описаніе Казани очевидца и дѣятеля Казанской осады, Курбскаго, а именно: «того мѣста (т. е. города Казани) двѣ части, яко на равнинѣ, на горѣ «стоятъ, третья часть зѣло удольна, аки въ пропасти, а «поперегъ, аки въ половинѣ мѣста, отъ стѣны Булака «ажъ до дольна части мѣста ровъ немалый (т. е. Тезицкій)» (2)

При прежнихъ рѣзкихъ очертаніяхъ Казанской мѣстности, Курбскому, стоявшему съ отрядомъ за Казанкой, противъ нынѣшняго Кремля, часть города, около Чернаго Озера, Воздвиженской и Пятницкой церквей, должна была казаться «зѣло удольной» или какъ «въ пропасти» Мѣстность Казани съ того времени очень измѣнилась: наносы подняли низменныя части города, земля снята съ

хранится въ Главномъ Штабѣ и который, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, приложенъ къ Сказаніямъ Кн. Курбскаго, значатся на этомъ мѣстѣ ворота Щельскія.

(1) Чтопри взятіи Казани существовала цѣлая система озерковъ, видно и изъ Казанской Исторіи (изд. 1791 г.) «Изъ-за поганыхъ озерокъ пристуниша Ертаулъ, да передовой полкъ.» (Стр. 313, прим. 33-е).

(2) См. Сказ. Курбскаго стр. 31.

гористыхъ мѣстностей, для устройства спусковъ, при постройкѣ домовъ, при выравниваніи дворовъ. Примѣръ такого быстрого измѣненія мѣстности представляютъ намъ въ настоящее время—улица Рыбно-рядская, Собачій и Кошачій переулки. Напримѣръ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что много земли снято при устройствѣ Николаевской площади. Это видно по явному перерыву горной мѣстности между Клинической горой и горою, гдѣ находится домъ г. Юшкова. Старожилы еще помнили возвышенную мѣстность, находившуюся предъ фасадомъ Университетской клиники; эта возвышенность въ прошлой половинѣ настоящаго столѣтія была скрыта, для проложенія спуска на Николаевскую площадь. Такимъ образомъ мы должны возстановить въ своемъ воображеніи гористую мѣстность, ограждавшую съ сѣверо-востока Черное Озеро. Эта мѣстность, разумѣется, была не столько возвышенна, какъ мѣсто, нынѣ занимаемое Кремлемъ, Воскресенской улицей и Казанскимъ монастыремъ, но все-таки она ограждала Черное озеро, какъ-бы, валомъ и послѣднее представлялось, какъ бы, лежащимъ въ ямѣ.

Самое названіе *Поганыхъ озерокъ* могло происходить отъ стоячей воды, весьма мало освѣжаемой теченіемъ въ этихъ озерахъ, или—отъ заваленныхъ навозомъ, боковъ или крутостей Тезицкаго оврага, которые заражали воду озеръ, или же отъ нечистой банной воды, стекавшей сюда. Одно изъ этихъ озерокъ въ очень недавнее время называлось *баннымъ*, отъ стоявшей на мѣстѣ домовъ г.г. Крупеникова и Кремлева, торговой бани, очень древней постройки. Въ Писцовой книгѣ, упоминается объ этой банѣ «Отъ Церкви Николы-Зарайскаго (нынѣшней Пятницкой Церкви) направо, на большую улицу, къ бань, къ *Поганому озерку*, въ переулкѣ по обѣ стороны 24 двора.» Въ предположеніи, что въ нижнихъ озерахъ вода была негодна для питья, убѣждаетъ насъ и свидѣтельство Царственной книги, въ которой мы находимъ показаніе, что въ послѣднія недѣли ⁽¹⁾ Казанской осады,

(1) «И въ то время у нихъ подкопомъ воду отнято за двѣ, або за три недѣли до взятія» говоритъ Курбскій, Стр. 34. Царственная книга прямо указываетъ на 4-е

когда был взорванъ ходъ къ Тайницкому ключу, Казанцы «начали воду копать, но не нашли, а только докопались до небольшого смраднaго потока», и изъ него до штурма города брали воду съ нуждою: отъ употребленія этой воды была болѣзнь—«люди пухли и умирали». Это мѣсто Царственной книги чрезвычайно интересно: оно доказываетъ одно изъ двухъ: или, что вода въ озеркахъ и тогда вовсе негодилась для питья, что отчасти объясняетъ самое названіе Цоганыхъ озеръ, данное имъ въ противоположность *бълomu*, т. е. чистому, озеру, или же,— что защитники Казани должны были въ послѣдній періодъ осады сосредоточиться въ одной верхней части города. Это замѣчаніе мы постараемся выяснитъ въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ старой Казани, именно—въ той статьѣ которая будетъ посвящена послѣдней осадѣ Казани въ 1552 году.

Сѣверо-восточная сторона города представляла рядъ крутыхъ склоновъ къ р. Казанкѣ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами. Остатки этихъ овраговъ мы видимъ въ Кошачьемъ переулкѣ; по обѣ стороны узиды Поповой горы идетъ также рядъ продольныхъ глубокихъ овраговъ, часть которыхъ и теперь не засыпана. Одна часть этихъ гористыхъ склоновъ была занята Старымъ Казанскимъ Городищемъ, о которомъ упоминается въ Царственной книгѣ. Въ диспозиціи штурма, помѣщенной на стр. 298 и 299 этой книги, приказано «сверхъ по Казанкѣ, у Старога Городища» стоять стрѣльцкому Головѣ Михайлу Петрову Головину съ отрядомъ. Писцовая книга, описывающая городскія ворота въ Казанскомъ острогѣ (во 2-й Казанской вишней оградѣ), упоминаетъ о воротахъ Тульскихъ «противъ Старога Городища» и еще «противъ Старога же Городища» «долу, у боя»-башню безъ воротъ. Въ XVI столѣтіи Казанка шла сѣвернѣе въ той своей части, которая омываетъ подошву Феодоровскаго монастыря: слѣдовательно Тульскія ворота, находившіяся около теплой церкви вышшняго Казанскаго монастыря и башня, которая стояла «долу, у боя», т. е. помѣщалась въ мѣст-

Сентября, какъ на девъ взрыва подкоповъ подъ Тайникъ.
Стр. 285-я.

ности, около нынѣшняго Кошачьяго переулка,—были обращены своимъ фасадомъ по направлению къ Теодоровскому монастырю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гора, на которой нынѣ расположенъ Теодоровскій монастырь простиралась далѣе, чѣмъ нынѣ, по направлению къ сѣверу. Рѣка Казанка давно уже трудится надъ разрушеніемъ этой горы, и могучей работѣ природы не могли и не могутъ противиться свая и искусственныя сооруженія подъ горой, устрояемыя съ цѣлію укрѣпить ее и дать надлежащій отпоръ волнамъ весеннихъ разливовъ. Огромная масса земли, отрываемой и уносимой отъ этой горы ежегоднымъ разливомъ Казанки, даетъ намъ понятіе о результатѣ такой работы, совершавшейся въ теченіе трехъ столѣтій, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляеть предполагать, что Теодоровская гора и окружающіе ее горные спуски въ XVI вѣкѣ простирались гораздо далѣе на сѣверъ. Предположеніе наше подтверждаютъ планы прошлаго столѣтія, а именно—планъ Юлія Фонъ-Каница 1778 года ⁽¹⁾ и планъ Казани, составленный при Екатеринѣ II-й въ 1768 году, составляющій собственность Университетскаго Музея. На планахъ этихъ Казанка показана далеко отъ города на сѣверо-востокѣ и гора Теодоровская нанесена на планахъ въ видѣ довольно обширныхъ, пологихъ склоновъ, по направлению къ рѣкѣ Казанкѣ.

Самая Казанка, на сѣверо-восточной сторонѣ Казани настоящаго времени шла по другому руслу, слѣды котораго мы видимъ и нынѣ; русло это идетъ нѣсколько сѣвернѣе и рядомъ съ нынѣшнимъ ложемъ рѣки. На планѣ Фонъ-Каница рѣка здѣсь дѣлаетъ нѣсколько поворотовъ къ югу и юго-востоку; рядомъ съ ложемъ рѣки видно нѣсколько затоновъ. Около начала Засыпчивой

(1) Подлиннаго плана Фонъ-Каница нѣтъ въ Казани, но мы находимъ вѣрный списокъ съ него въ первомъ изданіи Сказаній Курбскаго—Устрялова, 1833 г., во 2-мъ томѣ. Устряловъ указываетъ и мѣсто нахождения подлиннаго плана—въ Дено картъ Главнаго Штаба; во второмъ изданіи Устрялова планъ, по историческимъ соображеніямъ, видоизмѣненъ. См. примѣч. въ концѣ 1 части Сказ. Курб. на стр. 310.

улицы, въ томъ пунктѣ гдѣ нынѣ находятся мельницы, подъ Кремлемъ, у Каница Казанка образуетъ нѣсколько отдѣльныхъ озеръ, которыя, вѣроятно, соединялись въ прежнее время съ системой *Поганыхъ озерокъ*, о которыхъ мы упоминали выше. Почти тоже самое представляетъ и планъ Казани 1768 года. Все это еще болѣе утверждаетъ насъ въ предположеніи, что между нынѣшнимъ Чернымъ Озеромъ и Казанкою существовала цѣлая водная система, состоявшая изъ маленькихъ прудовъ и что отсюда именно при штурмѣ Казани угрожалъ городу Эртоуль. Островковъ, которые существуютъ на Казанкѣ нынѣ въ верхнемъ ея теченіи, на обоихъ планахъ вовсе не показано. Подходя къ Зилантовой горѣ, Казанка въ XVI вѣкѣ гораздо круче, чѣмъ въ настоящее время, огибала ея; слѣды прежняго русла Казанки около Зилантовой горы, нѣсколько южнѣе нынѣшняго, видимъ мы и въ настоящее время: около подошвы этой горы съ сѣвера и сѣверо-востока есть нѣсколько глухихъ затоновъ, невысыхающихъ иногда и послѣ спада водъ, весной. Отъ Бакалдинской пристани тянулась рѣка, съ илистыми берегами, обильная заводами въ западной ея части, известная подъ именемъ «Ички». При настоящемъ возвышеніи почвы около Казани, эта рѣка представляетъ ручей или протокъ, впадающій въ Казанку. Въ Писцовыхъ книгахъ Ичка называется *рѣкою*. Озеро Нижній Кабанъ, какъ и нынѣ, сообщался съ Казанкой Булакомъ, въ настоящее время представляющимъ изъ себя грязный протокъ, иногда вовсе персыхающій. Въ XVI вѣкѣ Булакъ имѣлъ право называться рѣчкой. Курбскій говоритъ, что во время осады Казани «съ западу (Казани) протекала Булакъ, рѣчка зѣло тиновата и непроходима, она подъ самое мѣсто (городъ) текла и впадала подъ угольную вежу» (башню).¹⁾ Въ это время Булакъ долженъ былъ изобиловать водою, потому что оба Кабана были гораздо богаче водою, чѣмъ нынѣ; ручьи, которыми питаются Кабаны, по самому простому соображенію, должны были быть обильнѣе водою, такъ какъ мѣстность, лежащая на югъ отъ Казани:—тогдашнее Арское поле, начинавшееся

(¹⁾ Курбскій, 21 стр.

около нынѣшняго театра и простиравшееся далеко за городъ, и всѣ окрестности къ юго-востоку покрыты были густымъ лѣсомъ. Въ Писцовой книгѣ показаны части лѣса на Арскомъ полѣ, принадлежавшія Архіепископу Казанскому и городскимъ жителямъ. Этотъ лѣсъ между дорогами Шихалѣвской и Салмачской принадлежалъ Казанскимъ посадскимъ людямъ, «а налѣво лѣсъ и земля Архіепискупли». Самое направленіе Булака было неправильное. На планѣ Фонъ-Каница Булакъ около нынѣшняго Спасо-Преображенскаго монастыря дѣлаетъ два крутыхъ поворота на западъ и на востокъ, въ видѣ латинской буквы S, и впадаетъ въ Казанку въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и нынѣ. Старожилы Казани помнятъ, что при своемъ устьѣ Булакъ дѣлился на двѣ части, образуя дельту; восточнымъ протокомъ онъ впадалъ въ Казанку около Кремля, а другимъ западнымъ—около Успенскаго Собора. Это совершенно согласно съ показаніемъ Курбскаго и съ Писцовой книгою. «Зѣ Булакомъ, говорится въ этой рукописи, въ острогѣ Государева Царя и Великаго князя слобода Ямская, а въ Слободѣ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы... всего въ Ямской слободѣ охотничьихъ дворовъ 62... по другую сторону Ямскія слободы подлѣ Гнилой Булакъ Государевыхъ плотниковъ жалованныхъ дворы...» Такимъ образомъ этимъ мѣстомъ объясняется, что былъ особый протокъ Булака, называвшійся *Гнилымъ Булакомъ*. Что же касается до существованія праваго протока Булака, то оно подтверждается цѣлымъ рядомъ прудовъ съ стоячею водою, находящихся и нынѣ на дворахъ домовъ, стоящихъ на одной сторонкѣ, подлѣ Кремля съ западной стороны: эти пруды или ямы имѣютъ общее направленіе отъ Биржи къ Казанкѣ. Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ этихъ антигигіеническихъ вмѣстелищъ гнилой воды засыпаны.

За Казанкой, какъ видно изъ Писцовой книги, былъ другой «лѣсъ посадскихъ людей, за помѣстною землею дворцоваго села Ягодной Поляны, отъ Кадышевской дороги, по рѣкѣ Казани, вверхъ по лѣвому берегу Волги до рѣчки Яковъ⁽¹⁾ и къ Ковшагѣ». Остатки этого лѣса:

(1) О селѣ Якахъ упоминается у Щербатова, подлѣ

Квасическая роца и роца Пороховаго завода, состоящія изъ старыхъ сосевъ и совершенно новыхъ, возникшія по вырубкѣ старыхъ лѣсовъ, лѣсныя поросли, идущія къ Лебизьему Озеру и далѣе.

III.

Администрація города и края, административныя лица, суды, внутреннія полицейскія мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападений.

Въ шестидесятихъ годахъ XVI вѣка Казань состояла подъ управленіемъ «Государевыхъ Царя и Великаго Князя воеводъ: Боярина и Воеводы Большаго и четырехъ Воеводъ Меньшихъ» повѣствуетъ намъ Писцовая книга. Тотчасъ-же послѣ взятія Казани «Государь, выбралъ воеводъ, кого ему оставить послѣ себя въ Казани, Большаго Боярина и Воеводу Князя Александра Борисовича Горбатаго. Тому и Царево мѣсто управлять велѣлъ». Вторымъ Бояриномъ въ Казани остался Князь Василій Семеновичъ Серебряный. (1) Князь Александръ Горбатый-Суздальскій былъ замѣчательнымъ военачальникомъ того времени. При осадѣ Казани въ 1552 году онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ: подъ его начальствомъ русскіе разбили татаръ на Арскомъ полѣ, разрушили засѣку, устроенную непріателемъ въ лѣсахъ, на Арскомъ полѣ, взяли Арскъ и возвратились съ большою добычею въ лагерь, подъ Казанью. Горбатый недолго былъ въ Казани воеводою. Въ 1555 году мы встрѣчаемъ преемника ему въ Князь Михаилъ Глинскомъ. (2) Горбатые были князья древняго происхожденія и вели родъ свой отъ

1553 годомъ: «10 Октября 1552 года Луговые люди изъ Якъ и изъ многихъ мѣстъ къ Государю пріѣхали». . . . (Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № 9 стр. 373).

(1) См. Царств. книг. стр. 316.

(2) Щербатовъ стр. 409.

Владимира Святого; ближайшимъ своимъ родоначальникомъ они считали князя Андрея Ярославовича и затѣмъ находились въ родственныхъ связяхъ со всѣми знатными русскими родами. Дочь Александра Горбатаго была супругою Никиты Романова и матерью Патріарха Филарета. Грозный въ 1556 году, въ тотъ самый годъ, когда составлялась Писцовая книга въ Казани, казнилъ Горбатаго вмѣстѣ съ 17-ти лѣтнимъ сыномъ⁽¹⁾ Долѣе всѣхъ пробылъ на Казанскомъ воеводствѣ Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій. Вскорѣ послѣ взятія Казани, онъ назначенъ былъ командовать важнымъ военнымъ пунктомъ Нагорной стороны, укрѣпленнымъ городомъ Свіяжскомъ. Въ этой должности онъ оказалъ Россіи важныя услуги, сдерживая враждебное намъ населеніе Приволжскаго края. Въ 1556 году Петръ Ивановичъ сдѣланъ былъ воеводой въ Казани, гдѣ и начальствовалъ до 1560 года: въ этомъ году онъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Лифляндіи.⁽²⁾ Во время составленія Писцовыхъ книгъ Большимъ Бояриномъ и Воеводой въ Казани былъ Петръ Булгаковъ.

Для насъ интересно будетъ познакомиться, на основаніи показаній Писцовой книги и другихъ документовъ этой эпохи, съ бытомъ тогдашнихъ Правителей Казани, съ ихъ служебными обязанностями и съ ихъ заботами объ умиротвореніи новаго края.

Наша тогдашняя политика вѣрно понимала важность удержанія новопріобрѣтеннаго края въ своихъ рукахъ. Мѣры, съ этою цѣлью предпринимаемыя Правительствомъ, были предупредительны и сообразны съ разъ навсегда положеннымъ намѣреніемъ удержать за собой вновь покоренный край. Съ одной стороны къ этой цѣли вели мѣры, ближайшимъ образомъ направленные къ тому, чтобы какъ можно поспѣшнѣе привести только-что взятый непріятельскій городъ въ оборонительное положеніе. Съ другой стороны отъ Царя предписывалось воеводамъ строго карать непокорныхъ туземцевъ и награждать покорныхъ, обращаясь съ ними справедливо и милостиво.

⁽¹⁾ Таубе и Крузе, стр. 196.

⁽²⁾ См. Курб. I., стр. 78.

Впрочемъ не должны были воеводы безъ нужды и слишкомъ довѣряться наружной покорности туземцевъ. Когда первые Казанскіе воеводы—князья Петръ Шуйскій и Василій Серебряный впоследствии времени остались на воеводствѣ въ новопріобрѣтенномъ Іоанномъ IV гор. Полоцкѣ, то они получили тотчасъ же сѣдующаго рода наказъ: «укрѣплять городъ паспѣхъ, не мѣшкая, чтобъ было безстрашно; гдѣ будетъ нужно, рыи старыя вычистить и новыя покопать, чтобы были рыи глубокіе и крутые; и въ острогѣ, которое мѣсто выгорѣло, велѣтъ задѣлать накрѣпко, стѣны въ три или четыре.» Далѣе въ наказѣ предписываются нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ внезапнаго занятія крѣпости неприятелемъ: «тутошнихъ и пріѣзжихъ землянъ и черныхъ людей въ крѣпость не пускать, такъ что никто бы въ городъ безъ вѣдома боярскаго не входилъ; въ городѣ сдѣлать *свѣтлицу* и почевать въ ней каждую ночь воеводамъ съ своими полками по очереди; съ фонаремъ ходить по городу безпрестанно; судебно сдѣлать за городомъ, въ острогѣ.»⁽¹⁾

Тѣ же самыя мѣры предосторожности противъ неприятеля мы видимъ и въ Казани въ XVI вѣкѣ. Въ Писцовой книгѣ написано: «А въ городѣ бояринъ и воевода большой еженочей объѣзжаетъ городъ, ѣздитъ подлѣ городовую стѣну; а противъ его по городу ходятъ отъ него дѣти боярскія съ фонарями меньшихъ воеводъ, которому доведется *почевать* въ *свѣтлицѣ*, и отъ того дѣти боярскіе съ фонарями; дѣти боярскіе ходятъ жъ, перемѣнялись во всю ночь, а пересматриваютъ на сторожахъ людей.» Свѣтлица соотвѣтствовала главной гаубахтѣ настоящаго времени. По Писцовой книгѣ видно, что она находилась около церкви Петра и Павла. Обходъ ночью воеводы и дѣтей боярскихъ, повѣрившихъ посты, соотвѣтствуетъ въ нѣкоторой степени рунду и визитирь-рунду воинскаго устава. Казань дѣлилась на двѣ части: *городъ* или крѣпость—это нынѣшній кремль, обнесенный въ XVI вѣкѣ отчасти каменною, отчасти деревянною стѣною—и *посадъ* или *острогъ*, обнесенный деревянными стѣнами. О направленіи и размѣрѣ этихъ стѣнъ или острогѣ мы ска-

(1) См. Ист. Рос. Соловьева т. VI изд. 2 стр. 256.

жемъ въ послѣдствіи. Въ крѣпости или городѣ было пять воротъ; Казанскіе начальники «Государевы Цари и Великаго князя Воеводы: Бояринъ и воевода Большой, да четыре Воеводы Меньшихъ вѣдаютъ у города по однимъ воротамъ, а въ городѣ нарядъ городской, сторожи по всему городу; который воевода который ворота и сторожи вѣдаетъ *свѣтлишныя* изъ городской росписи». ⁽¹⁾ «А городовыи ворота», записано въ другомъ мѣстѣ Писцовой книги. «всѣ затворяютъ всегда городничіе на ночь, на послѣднемъ часу дни, а съ утра ко дни городовые ворота отмыкаютъ городничіе же на первомъ часу дни, а ключи всѣхъ городовыхъ воротъ съ утра и вечера городничіе относятъ къ Боярину и воеводѣ Большому».

Въ Казанскомъ острогѣ также было до 10-ти воротъ, на воротахъ были башни, а на башняхъ на сторожѣ стояли боярскіе дѣти съ небольшими отрядами отъ 4-хъ до 10-ти человекъ стрѣльцовъ, вооруженныхъ ружьями. На Арскихъ воротахъ находилось: «5 пищалей затинныхъ, да стрѣлецкихъ 10-ть ружьяцъ, да внутри острога была изба сторожевая». На другихъ башняхъ стояло отъ одной до четырехъ пищалей. ⁽²⁾ «А по тѣмъ острожнымъ воротамъ, говорится въ Писцовой Книгѣ, по всѣмъ сторонамъ около всего посаду всегда *на первомъ часу ночи* объѣзжаетъ воевода, да съ нимъ дѣти боярскіе его полку; а послѣ воеводы въ ту же ночь изъ свѣтлицъ вѣдаютъ головы и дѣти боярскіе по тѣмъ-же, сторожей досматриваютъ на сторожахъ людей. *А въ день* отъ Боярина Большаго Воеводы и отъ всѣхъ воеводъ по вся дни по всѣмъ острожнымъ сторожамъ около посаду объѣзжаютъ дѣти боярскіе, пересматриваютъ на сторожахъ людей. Да отъ Боярина же и Воеводы Большаго и отъ всѣхъ воеводъ всегда въ *день* и *ночь* на посадѣ-же по

⁽¹⁾ Здѣсь книга упоминаетъ объ особой росписи свѣтличной, въ которой, вѣроятно, означены были подробно обязанности воеводъ и предметы ихъ завѣдыванія, а равно—ихъ очередь и число караульныхъ и сторожей.

⁽²⁾ Пищалами назывались иныишія крѣпостныя ружья въ два или три раза болѣе калибра обыкновеннаго ружья, они становились на особыхъ станкахъ; а иногда—пушки.

всѣмъ улицамъ ѣздить дѣти боярскіе, для береженья, чтобы корчемнаго и некотораго лиха не было и сгневъ бы не во время на дворѣ не держали.»

Понятна цѣль военнаго объѣзда во время ночи. Объѣздъ повѣрялъ сторожей и оберегалъ городъ отъ внезапнаго нападенія непріятельскаго. Обязанности дневнаго *объѣзда* съ большою подробностью поясняются въ одномъ изъ памятниковъ начала XVII вѣка. Въ 1649 году Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ быть объѣзду по Москвѣ. На этотъ разъ въ документѣ такъ выясняются обязанности объѣзчиковъ: «а для береженья во всѣхъ улицахъ и переулкахъ ходить *рѣшеточнымъ* и беречь накрѣпко, чтобы въ улицахъ и переулкахъ и бою, и грабежа, и корчмы, и *табаку*, и иного никакого воровства не было. Да и того беречь накрѣпко, чтобы воры нигдѣ не зажгли и огня на хоромы не накинули, и у хоромъ и у заборовъ, съ улицы, ни у кого ни съ чѣмъ огня не подложили».⁽¹⁾

Такимъ образомъ по Писцовымъ книгамъ Казань XVI вѣка была вполне военнымъ городомъ: на башняхъ ея стояли стрѣльцы, вооруженные пищалями и ружьями, дено и ночью объѣзжали городъ воеводы, повѣряя посты, наблюдая порядокъ въ городѣ, оберегая городъ отъ покушенія окрестнаго враждебнаго населенія поджечь городъ. Въ окрестностяхъ Казани постоянно вспыхивали возстанія, особенно часты были эти бунты въ Арской землѣ, куда послѣ покоренія Казани перешли всѣ враждебные Москвѣ элементы. Самыя возстанія и подавленіе этихъ возстаній слѣдуютъ одно за другимъ въ Казанскомъ краѣ. Изъ Москвы присылаются постоянно свѣжія войска и опытные, храбрые полководцы. Населеніе бывшаго Казанскаго царства ведетъ себя съ вѣковѣчною азіатскою хитростью. При первомъ погромѣ жители униженно бьютъ Царю и воеводамъ челомъ, даютъ обѣщанія не дѣйствовать за-одно съ врагами Россіи, даже выдаютъ Русскимъ предводителей Татарскихъ шаекъ, но при первой попыткѣ къ возстанію въ краѣ, становятся на сторону татаръ: старыя преданія тѣсно связывали чу-

(1) Ср. Древн. Рос. Вивліоэвка т. XIX стр. 2.

вашъ и черемись съ ихъ прежними властителями, татарами. Правительство Московское старалось съ другой стороны внушать своимъ воеводамъ въ Казанскомъ краѣ мысль или убѣжденіе въ необходимости привлекать туземцевъ справедливостью, не притѣснять ихъ, но напротивъ всѣми мѣрами стараться оберегать ихъ интересы. Въ этомъ даетъ намъ вѣрное понятіе о постоянныхъ подобнаго рода внушеніяхъ одинъ наказъ XVII вѣка, данный Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Свіяжскому воеводѣ Новикову. Наказъ отличается политической вѣрностью и трезвостью взгляда. «И будучи въ Свіяжскомъ, къ Татаромъ и къ Чувашѣ и къ Черемисамъ и ко всякимъ иноземцемъ ласку и привѣтъ держати; и во всѣхъ дѣлѣхъ Татаръ и Чувашу и Черемису для своей корысти *отнюдь не жесточити*, приставы смотрѣти и беречи накрѣпко, чтобы они имъ *продажъ и убытковъ и насильствъ*, и налоговъ никакихъ ни въ чемъ *не чинили*,... при сборѣ налоговъ обидъ и тѣсноты никакія не дѣлали... и дѣлати всякія Государевы дѣла въ правду и во всемъ Государю искати прибыли, а посуловъ и поминковъ ни у кого ни отъ чего не имати... и во дворѣ у себя Русскимъ людямъ и Татаромъ и Черемисѣ никакого издѣлья не дѣлати и на посадѣ и уѣздѣ всякихъ людей отъ всякаго дурна унимати и беречи того накрѣпко, чтобы и «въ Свіяжскомъ на посадѣ и уѣздѣ всякое строеніе было впредь стоятельно и крѣпко, а Государю прибыльно.» (1)

Съ такими, вѣролатно, инструкціями посылались Грознымъ воеводы и въ Казань; но исполнялись ли эти инструкціи, покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы знаемъ отзывъ Грознаго о русскихъ людяхъ тогдашняго времени и не имѣемъ надобности повторять его. Черезъ столѣтіе послѣ Грознаго, Григорій Котошихинъ имѣлъ право писать «А судити указано болрамъ въ правду... другу не дружити, недругу не мстити... по посуломъ и поминкомъ не дѣлати,—однакоже, хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинятъ бояре о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проявленіемъ, но ни

(1) См. Древ. Рос Визлюевка XIX т., стр. 9.

во что ихъ вѣра и заклипательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ...» (1). Но во всякомъ случаѣ мы едва ли можемъ предполагать особенно большое развитіе этихъ темныхъ сторонъ въ управленіи вновь завоеваннаго края. За это можетъ, во-первыхъ, ручаться то, что тотчасъ по завоеванію края въ Казанскіе воеводы назначались люди изъ первостатейныхъ боярскихъ родовъ, люди знатные и богатые, принадлежавшіе къ той плеядѣ *мудрыхъ Сиклитовъ*, по словамъ Курбскаго, «мужей вѣку еще отцовъ нашихъ, сестарѣвшихся въ добродѣтелѣхъ и во всѣхъ искусствахъ ратныхъ» (2) и, большая часть которыхъ пала жертвою подозрительности и тиранніи Іоанна IV, въ послѣдніе годы его царствованія. Во-вторыхъ, злоупотребленія и произволъ администраціи не могли быстро развиваться, подъ угрозой смутъ и кровавыхъ возстаній и возмездій, которые долгое время волновали вновь покоренный край.

Тотчасъ-же послѣ взятія Казани въ ней были устроены суды и всѣ иные порядки Московскаго Государства. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится военно-тюремный замокъ былъ устроенъ Государевъ дворецъ. Вотъ мѣсто его, по Писцовой Книгѣ. «Внутри города, у Спаскихъ воротъ, въ городъ идучи, на правой сторонѣ, у городовныя стѣны дворъ Государя Царя и Великаго Князя.» Въ Государевомъ Дворѣ жилъ Бояринъ Воевода Большой. Въ этомъ Дворѣ Государевомъ и въ Государевой Свѣтлицѣ выѣздной, которая была какъ мы сказали, выстроена «на посадѣ у верховныхъ Апостолъ Петра и Павла, за торгомъ, на площади» сосредоточивалось управленіе Казани и всего Казанскаго края. Близъ Спасскихъ воротъ, съ лѣвой стороны стояла канцелярія воеводы или, какъ тогда называли, «дьячья изба». Для вершенія уголовныхъ дѣлъ были избраны изъ населенія особы *Губныя Старосты*, которые вершили дѣла по особеннымъ губнымъ грамотамъ. (3)

(1) Котошихинъ. Изд. 1859 г. стр. 96, 97.

(2) Курб. стр. 39-я.

(3) См. I т. Рус. Достопр. Изд. Общ. Ист. и Древн. Росс., стр. 45.

Въ указанной выше грамотѣ Грознаго Полоцкимъ воеводамъ предписано выбрать головъ добрыхъ изъ дворянъ, кому можно вѣрить и приказать имъ судить въ судебнѣ всякіи дѣла, а записывать у нихъ земскимъ дьякамъ; выбравъ изъ земскихъ людей, на судѣ быть съ ними бурмистромъ.» За Спасопреображенскимъ монастыремъ, около городской стѣны стояли тюрьмы: татинная, женская и др. По всей вѣроятности, недалеко отъ этихъ тюремъ была знаменитая пыточная или застѣнокъ, гдѣ поднимали преступниковъ на виску. По тогдашнимъ юридическимъ понятіямъ, пытка считалась единственнымъ и законнымъ средствомъ къ открытію истины. «Злочинцевъ, говоритъ Котошихинъ, пытаются въ праздники и въ иные дни и мучать безъ милосердія для того, что воръ и самъ, не избирая дней, воровства свои и убійства дѣлаеть.» Впрочемъ Судебникъ повелѣваетъ обращаться къ пыткѣ въ крайнихъ случаяхъ: «приведуть ли кого съ поличнымъ въ первый разъ и будетъ запираеться въ татьбѣ, то послать обыскати о немъ, и если съ обыску скажутъ, что онъ злой человекъ, то пытать его.» (Судеб. ст. 52). Если воры не винулись съ первыхъ пытокъ, то, спустя недѣлю, пытали ихъ въ другой и третій разъ. Кто не винулся послѣ пытки на вискѣ, того жгли на медленномъ огнѣ или же, разжегши желѣзные клещи нарасно, ломали тому ребра.⁽¹⁾ Въ томъ случаѣ, если преступникъ былъ человекъ закаленный и выдерживалъ твердо пытку, то его держали въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь бралъ его на поруки. Писцовая Книга представляетъ одну изъ такихъ личностей. Въ общей переписи домовъ Казанскаго посада значится, что около Зеленаго двора находились дома: Сеньки бочарина, Ивашки накрачей (бубеника, игравшаго на бубнахъ или на накрахъ) и Гришки разбойника. Рядомъ поселились два разгульных молодца. Если мы припомнимъ старыя порядки, намъ не трудно будетъ нарисовать и картину тогдашней Казанской тюрьмы. Эта картина будетъ не веселая: Тѣснота, мракъ, холодъ, грязь, полное отсутствіе надзора, пропитаніе тюремныхъ сидѣльцевъ посредствомъ

(1) См. Котоших., стр. 94 и 95.

милостыни—вотъ крупныя черты этой картины. Счастливы были тотъ заключенникъ, кто имѣлъ родственниковъ—онъ получалъ содержаніе отъ своей сердобольной семьи, остальное тюремное братство, собранное преступленіями и скученное въ тѣсной избѣ, ежедневно посылало отъ себя сборщиковъ милостыни. Тѣ, которые посажены были въ тюрьму за малыя вины, на всякій день изъ тюрьмы выпущались по два человѣка, «скованные вмѣстѣ съ сторожами, собирать по людямъ, по торгамъ, и по дворамъ милостыню деньгами и хлѣбомъ» (1) И вотъ каждый день по Казани раздавался звукъ цѣпей, разносилась за душу хватающая, жалобная арестанская пѣсня «Отцы наши милостивцы!» Она заставляла вздрогнуть не одинъ только черныи тяглой людъ, — она напоминала и гордому своимъ родомъ боярину вѣковѣчную пословицу, что не нужно отказываться отъ тюрьмы, да отъ сумы. Эта пословица особенно шла къ тому времени, когда Грозный чинилъ свою кровавую расправу съ боярами на Москвѣ: когда слухи о кровавыхъ казняхъ, волновавшихъ строгаго пустынножителя Св. Филиппа, ежедневно приносились молвою въ далекую, лежавшую на восточной окраинѣ, Казань.

По всей вѣроятности въ Казани XVI в. правосудіе давало о себѣ грозную вѣсть кровавыми расправами надъ преступниками или торговыми казнями. По тогдашнему судебному уставу о наказаніяхъ, казни эти были разнобразны и отличались средневѣковою жестокостью. Людей—преступниковъ иногда жгли живыхъ, инымъ заливали горло оловомъ и свинцомъ, другимъ же рубили головы, отсѣкали руки, ноги, пальцы, рѣзали языкъ и т. п. «А которые люди воруютъ съ чужими женами, говоритъ Котошихинъ, тѣхъ водятъ по торгамъ и улицамъ били кнутомъ.» (2) Понятно, что подобныя торговыя казни для мало-развитаго люда тогдашняго времени были даровымъ спектаклемъ точно такъ-же, какъ смертныя казни и теперь служатъ любопытнымъ зрѣлищемъ для населенія европейскихъ столицъ. Иногда самая казнь про-

(1) Тамъ-же 100 и 101.

(2) Котом. стр. 100.

*В Карачинскую Библиотеку
в Библиотеку*

ОЧЕРКИ
от автора
ДРЕВНЕЙ КАЗАНИ.
№ 1. стр. 19

СОСТАВИТЕЛЬ

Протоиерей Казанской Кремлевской во имя Спасаителя
Церкви Платонъ Заринский.

—*—

КАЗАНЬ.
ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1877.

должалась до двух и трех дней. Таковы были—посажение на кол и зарытие живых в землю, прагматичная и досель не постыж. Бамбери были свидетелем покаянной казни в Бухарь. Преступницу-женщину (это—женская казнь) зарывали в землю по грудь, утаптывали кругом землю и оставляли умирать медленной смертью, которая следовала рѣдко въ тотъ-же день, а иногда на другой и на третій. Въ числѣ чиновнаго люда тогдашняго судебнаго персонала Писцовая книга упоминаетъ о *Лобозвѣ Подвѣлчмѣ*, которому данъ былъ на посадь пустой дворъ, для житья, за который онъ платилъ оброкъ въ казну 3 гривны, да пошлннхъ 4-ра денги. Весьма естественно, что Казанцы XVI вѣка могли имѣть и другое судебное зрѣлище—это судебные поединки, при которыхъ дрались «ослами и дубинами» и о которыхъ говоритъ Судебникъ Пролого. Съ большимъ боевоймъ управлениемъ и судъ дѣлалъ одинъ изъ меньшихъ воеводъ, Олсарій, посѣтившій Казань въ 1636 году въ своемъ описаніи города говоритъ, что Великій князь помѣсткамъ въ Казани не только воювалъ въ крѣпости, но и особеннаго начальника въ городѣ; они управляютъ жителями и чинятъ надъ ними судъ и расправу. (1) Въ Писцовой книгѣ мы находимъ въ Кремлѣ дома повоеводствъ: Мих. Матв. Лыцова, князя Фед. Ив. Троеуркова, княз. Григ. Андр. Булгакова и князя Андр. Иванова Чернаго-Засѣвья. Это были четверо меньшихъ Казанскихъ воеводъ. Дома трехъ воеводъ тянулись отъ Царскаго двора къ Дмитриевскимъ воротамъ или въ Собору. Домъ Троеуркова стоялъ въ первую, противъ Благовѣщенскаго Собора, подлѣ городской стѣны, у Сергія-Чудотворца (на мѣстѣ бывшавшихъ казармъ мѣстн. баталіона). Въ послѣдствіи времени, вѣроятно, по умиротвореніи края, Казанскіе воеводы назначались, вмѣстѣ четырехъ, лишь по два, какъ свидѣлствуютъ Петрей и Олсарій, путешественники XVII вѣка.

— За Соборною Церковью стояли дворы дьяковъ Казанскихъ, числомъ 11-ти. Роль дьяковъ въ царствованіи

(1) См. Olcarius. Vermehrte new. Beischreib. der Moskowitsch. u. Pers. Reise, стр. 41.

Грозного начинают сильно подыматься. Иоанну, съ малолѣтства озлобленнѣи на вельможъ, доверять болѣе дьякамъ, какъ людямъ пошлымъ, безъ старинныхъ преданій о родѣ, безъ притязаній на почести и отличія. При немъ дьяки заведуютъ не только письменными и правительственными дѣлами, но являются даже военными, въ городахъ, какъ Ржевскій и Вязоковъ. Курбскій уверяетъ Иоанна, что онъ вѣрять всарамъ «не изъ шляхетскаго рода, а изъ поповчей и простаго всенародства». Въ Синодѣ въ Спаскаго монастыря, въ Казани, значительны роды многихъ дьяковъ: Иосифова, Феодорова, Назубина, Патрафѣева и др. Въ грамотахъ царскихъ дьяки, находившіеся при Воеводахъ, означались по титулѣ Царскомъ. Въ этой же части вѣрности были также дворы боярскихъ дѣтей, которые посылались по волею государя, въ помощь военнымъ, для еменованія и сискиныхъ дѣлъ и дворы жалцовъ, которые исправляли должность полицейскихъ начальниковъ и офицеровъ въ войскахъ.^(*) Между дѣтьми боярскими, по Царской волѣ, были *чюморомы*, т. е. такіе, которые жили помѣстями не въ Казанскомъ воеводствѣ, а въ другихъ областяхъ тогдашняго Московскаго Государства. Боярскіе дѣти за свою службу государству пользовались въ это время известнымъ земельнымъ наделомъ, который былъ изъ собственности лишь до того времени, пока они могли отправлять службу государству, пока они могли быть действительными служилыми людьми. Казанскіе боярскіе дѣти были вѣрными и сильными. Тутъ же были дворы городовыхъ сторожей и горюмныхъ, а также дворы часовниковъ. Кто эти были «часовники»? По лѣвую сторону Спаскихъ воротъ стоялъ «поддѣи городской стѣны, часовни, рублена на стѣбѣ, а на часовѣ висѣтъ большой колоколъ ратный; а часъ бить въ тотъ-же колоколъ; а другой колоколъ меншой старе часовни, а звонятъ въ тотъ колоколъ къ городскимъ воротамъ.» Такимъ образомъ набатный колоколъ, висѣвшій нѣтъ ли Спаской башнѣ, имѣетъ свою исторію. Наказаніе «ратный» показываетъ, что въ него били тревогу, вѣроятно, сначала въ лагерѣ, подъ Казанью, а по-

(*) См. у Котова. 24 стр.

тогда—по завоеваніи ея—въ самомъ городѣ, въ случай ка-
кого-нибудь нежданнаго нападенія, въ обыкновенное время
особые сторожа били въ этотъ колоколъ часа, а въ ма-
лый колоколъ ударили, когда нужно было запереть во-
рота въ городѣ. До 1712 года, по свидѣтельству Тати-
щева, или до 1699, по свидѣтельству Барона Гизена, (*)
русскіе считали дневные часы отъ восхожденія до за-
хожденія солнца, а часы ночи—отъ захожденія до вос-
хода солнца. При этомъ о правильномъ раздѣленіи вре-
мени не могло быть и рѣчи: зимю ночные часы были
продолжительнѣе, дневныя—короче, лѣтомъ наоборотъ.
Въ Русскомъ лѣтоисчислѣ есть показаніе, что Язарь Сер-
бичъ устроилъ въ 1404 году первые металлическіе часы
у Церкви Благовѣщенія, въ Москвѣ.

Налочекъ при Казанской администраціи тогдашнего
времени находились и переводчики, которые назывались
толмачами. „Около Поганого Оверна лежала Толмачья
улица, напоминающая мѣстность «Толмача» въ Москвѣ.

Говоря о полнѣйшихъ вѣтрахъ тогдашняго времени,
нельзя не отмѣтить еще одну мѣру, довольно оригиналь-
ную по современнымъ понятіямъ. Въ наказѣ 1649 года,
дѣляется слѣдующее распоряженіе по Москвѣ: «Да Ивану
и подкаменю Волгуѣ приказать всѣмъ чинамъ людемъ
наверхню, чтобы нѣтъ осеномъ и во все лѣто и въ осень,
въ жареніе въ жаркіе дни нѣтъ и мнѣнь никто не
тонать... вѣять же печи подблатъ въ поварняхъ и на
печи въ мѣстахъ и варить кашъ есть (пищу) и хлѣбы
печь.» (†) Можно думать, что одно изъ предупредитель-
ныхъ противопожарныхъ мѣръ было устройство въ XVI
вѣкѣ въ Казани казенныхъ бань и поварень (т. е. пи-
варень). Бань было три и онѣ были устроены, по всей
вѣроятности, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были бани старин-
на татарскія. Царственная книга упоминаетъ о «Дарной
банѣ», которая стояла подъ городской стѣной, бани эта
была каменная: въ нее въ началѣ осады засѣли казаки,
переправившись чрезъ Буякъ: отъ этой бани былъ въ

(*) См. Татищ. Рос. Ист. II, 456 и Записк. Туманскаго
III, 113.

(†) Древ. Рос. Вѣствов. Ч. XIX стр. 2.

послѣдствіи сѣбѣмъ подкопъ подѣ Муралеви ворота, которымъ взорванъ былъ тайникъ къ ключу, гдѣ брали охлажденіе воду. (1) Писковъ никакъ упоминаетъ о двухъ баняхъ на Булакѣ: о верхней и нижней. Третья баня была на Поганомъ Оверѣ въ Воздвиженской улицѣ. Въ этихъ баняхъ сидѣли чюмаляки на воря, отдавалъ отчетъ Государовику дьякамъ въ полученныхъ отъ посетителей деньгахъ. Чюмалякинами назывались особые выборные люди изъ черныхъ сотенъ или молодыхъ людей, которымъ сначала давали цѣловать крестъ, т. е. приводили къ присягѣ, а потомъ представляли въ казначейство либо оброчнымъ замѣненнымъ (банямъ, привоарникамъ) или статьямъ (къ продажѣ вина, соли). Привоаренъ было три, онѣ были такъ-же оброчные, какъ и бани, и стояли одна возлѣ другой на Булакѣ соотъ верхней бани къ устью Булацкому. Въ этихъ баняхъ кипали пиво и «давали чюмалякинамъ счету по 4 денги».

Чинамъ мѣстной администраціи и всѣмъ служивымъ Казанскимъ людямъ шло Царское жалованье денежное и хлѣбомъ. Въ 1555 году «Царь боръ и велможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ и праведными уроки, а городовыхъ въ четвертый годъ, иныхъ же въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ.» (2) Мѣстное управленіе Казанскаго царства жило и содержалось изъ мѣстныхъ средствъ. По показанію Котошихина, съ Казани и Астрахани въ Привацъ Казанскаго Дворца, которому подвѣдомо было Казанское Царство, денежнымъ доходѣ не поступило никакихъ, потому что она назначалась на жалованье служивымъ и разнымъ людямъ тѣмъ царствъ. (3) Главнымъ источникомъ содержанія воеводъ городовыхъ, дьяковъ и подьячыхъ были судебныя пошлины. Пошлины эти не превышали 10 коп. съ рубля и шли въ раздѣлъ. При Царѣ Борисѣ эти пошлины обращены въ казну, судьямъ позволено брать за труды добровольную плату. Довольствія натурой шли изъ казенныхъ магазиновъ. Эти *жетиме ажбары* въ Казани

(1) См. Цар. кн. стр. 269 и 294.

(2) Шербат. стр. 440.

(3) Котош. 75 стр.

стояли по обе стороны Воскресенских ворот; отчего и сама Церковь на воротах еще в XVIII вѣкѣ, по словам Губовскаго Пестркова, называлась «близъ житныхъ амбаровъ.»⁽¹⁾ Хлѣбъ изъ житныхъ амбаровъ получало также духовенство ружныхъ церквей и стрѣльцы. Писцовая книга показываетъ, гдѣ жилъ рядбеевъ должностныхъ лицъ, снабжавшихъ хлѣбомъ служилые полевые жулды. На посадѣ, около Преображенскихъ воротъ, близъ городова стѣны давнѣе бароажій дворъ, похъ оброкъ со льготноу, житному подьячому: онъ платилъ оброкъ столько же, сколько и подьячей Лобинъ, о которыхъ была рѣчь выше. Для пополненія житныхъ магазановъ, вѣроятно, былъ назначенъ сборъ съ крестьянъ Казанскаго Царства, которые и записывали особия поды и записывали изъ хлѣбовъ на класныя потребности. Очень можетъ быть, что при первоначальномъ встроеніи царства хлѣбъ этойю отчасти доставался изъ верховныхъ областей. Въ послѣдствіи времени, когда Повнзовый край значительно населенъ, не было особой нужды обрывать висколой хлѣба прочи области Россіи. У Котонихна есть замѣтка, что въ его время на Московскій житный дворъ хлѣбъ доставлялся изъ «Повнзовыхъ городовъ.»⁽²⁾ Хлѣбъ заготовлялся въ магазаннахъ на три года, съ такимъ размеченомъ, чтобы ежегодно продавать одну треть стараго хлѣба, а вмѣсто него покупать, для пополненія магазана, повнй хлѣбъ на торгу.⁽³⁾ Въ чьей состояло довольствіе войскъ провіантомъ въ тогдашнее время? На это отвѣчать нѣтъ документовъ тогдашняго времени. Во время одного изъ предшествующихъ покоренію Казани военныхъ походовъ, въ 1535 году, по повелѣнію Псковскаго лѣтописца, Псковитине должны были выставить на содержаніе войска: 3000 четвертей овсяной закваси на полоноу, столько же четвертей солода, 360 четвертей гороха и столькоже льнянаго семени.⁽⁴⁾

⁽²³⁾ Каз. Вѣдом. 1844 г. № 43.

⁽²⁴⁾ См. Котоних. стр. 66-я.

⁽²⁵⁾ См. Опытъ нов. о древ. Рос. Проф. Успенскаго Харьк. 1818 стр. 303.

⁽⁴⁾ См. Ист. Рос. Соловьева. т. VII, стр. 29.

Кроме хлебного жалованья, стрельцы получали по полтину в год денежного жалованья. Наравне с стрельцами пользовались хлебной дачей и получали по рублю в год жалованья: пушкари, пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники. Казенные куницы находились в посаде Гостяного Двора, около Петропавловской Церкви. Ружной хлеб выдавался духовенству в обиходную и в *большую жору*. Не была ли эта большая жора истинной Казанской жорой или пудовой, или же жорой хозяйственной, которая предполагалась больше казенной?

IV.

Население города Казани в XVI веке: Казанские аристократы того времени, Казанские оналые и переселенцы иногородные: черны и духовенство, стрельцы, пушкари, железники, нонокрепцы.

Для нас, жителей Казани, весьма интересно знать, переселенцы каких городов России положили основание населению Казани, какие элементы вошли в его состав. Самая простая, но истинная политика требовала того, чтобы из покоренной Казани выслать татар и заселить вновь приобретенный город новыми и преимущественно русскими жителями. «Великий князь Иванъ Васильевичъ Московскій Грозный, говоритъ Котловкинъ, «вожелемъ населенъ планъ Казанское, Астраханское и Сибирское Царства и поселить въ тѣхъ государствахъ и земляхъ живущихъ людей христіанъ, для укрѣпленія.» (*) Этими словами вѣрно опредѣляется государственная политика Московскаго царства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. У Петра мы находимъ тоже вѣдѣніе. «По началу Казанскъ, говоритъ онъ, «Великій князь велѣлъ снова выстроить, улучшить и поправить всѣ разрушенныя и поврежденныя жилища въ городѣ. Городъ приказалъ съ трехъ сторонъ обнести кирпичною и толстою стѣною и валомъ, а съ чет-

(*) Котлових. стр. 1.

вертой выстроить сильное укрѣпленіе и наполнить его пескомъ, камнемъ и глинной. (?) Внутри города построена прекрасная кирпичная Церковь. Въ ней служатъ Архіерей, живущій въ крѣпости съ двумя Русскими Намѣстниками и нѣсколькими сотнями солдатъ, назначенныхъ Великимъ Княземъ въ караулъ туда. Городъ *открытъ и не очень крѣпокъ*; въ немъ *не позволено жить ни одному татарину*, а только русскимъ, которымъ предписалъ Великій Князь явиться туда изъ всѣхъ областей и владѣть тамъ поместьями.^(*) Показанія обоихъ писателей вполне достоверны, гдѣ дѣло идетъ относительно новаго заселенія *«Казанскаго края»*. Можно предположить съ достовѣрностью, что земли около Казани и вѣнчъ по Волгѣ Грозный Покоритель Казани жаловалъ своимъ сподвижникамъ въ Казанскомъ походѣ. Что касается до населенія города *иногородними переведенцами*, то въ этомъ отношеніи Писцовая Книга даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ. Во-первыхъ, Писцовая Книга сообщаетъ намъ способы водворенія въ Казани новыхъ поселенцевъ. «На посады дворянъ князей, дѣтей боярскихъ, которымъ повелѣлъ Государь быть въ Казани въ 1565 году, означено въ книгѣ, отобранны отъ посадскихъ людей, по оффицѣ воеводы. А ниже дворянъ князей и дѣтей боярскихъ, старшихъ Казанскихъ жильцовъ, у дѣтей боярскихъ и архіепископскихъ людей и всякихъ дворянскихъ мѣста негилые, а у посадскихъ людей мѣста татяге покушали полюбиво».

Итакъ первыми, по званію и общественному положенію, переведенцами въ Казань были князья и бояре. Писцовая книга показываетъ на посады дворянъ: на Воскресенской улицѣ Князя Семена Месяцкаго, Князя Андрея князь Иванова сына Стригина; последнему достался дворъ, по оффицѣ воеводы, за пять рублей отъ Архіепископскаго подьячаго Семена Ушака. Около втораго моста чрезъ Булакъ (съ толчка) стояли дворы: князя Вас. Андр. Московскаго, Князя Данила Ушатого, а около Преоб-

(*) См. Исторія о Вел. Княж. Москов. Петра Петрел. Чт. въ Имп. Общ. ист. и древн. Рос. 1865 г. кн. IV, стр. 61.

раженскихъ воротъ — Князя Ивана Шастунова. На самомъ Булакѣ отъ башни стоялъ домъ боярина Булгакова, а въ вышней улицѣ дворъ Князя Гатарина. Здѣсь же былъ дворянскій дворъ Овчкова Строганова. Отъ Петрицкой Церкви къ Погоному озеру находились дворы: Князя Ноздрякова Засѣкина, Князей Ив. Юрьева и Мих. Феофанова Засѣкиныхъ. На Арской улицѣ были дома: Князей—Дан. Темкина, Ивана Ермана Темкина и Василия Григорьева Чеснокова. У самой Церкви Покрова Пресв. Богородицы стояли дворы: Князей—Дан. Спицкаго, Льва Засѣкина, Ивана Ушатого, Вадимира Гатарина, Ивана Засѣкина. Около Иконы Можайскаго былъ дворъ Князя Ивана Семеновна Гатарина. Въ Синодикѣ⁽¹⁾ Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря XVI и XVII вѣковъ записаны роды: Князей—Шуйскаго, Петра Ушатого, Бориса Романовскаго, Петра Булгакова, Василия Шереметьева, Юрия Темкина, Дмитр. Палецкаго, Михаила Нагаго, Феодора Троекурова, Дмитрия Засѣкина, Ивана Шаховскаго, Мих. Хворостинина, Семена Ушатого, Андрея Засѣкина, Андрея Клепнина, Луки Щербатого, Семена Гатарина, Никиты Гатарина; бояръ—Семена Головинна, Михаила Лыкова, Саввы Аристова, Стоябина, Вельяминова, воеводы Казанскаго Петра Апраксина, Князей—Никиты Одолевскаго и Петра Урсова. Также же записаны роды: Оболенскихъ, Клементьевыхъ, Хованскихъ, воеводы Яков. Гим. Хитрово, боярина Мих. Пронскаго, окольничихъ—Грешнева, Лыкова, Болтина. Принимая во вниманіе порядокъ этихъ записей, нельзя не убѣдиться, что многие изъ родовъ, записанныхъ въ Синодиль, принадлежали къ Казанскимъ жидовцамъ XVI вѣка. Такимъ образомъ, предъ нами весь списокъ Казанскихъ аристократовъ XVI вѣка. При первомъ знакомствѣ съ составомъ этой аристократіи, легко угадать, что большая часть ея представителей были люди опытные и даже переживавшіе кануны своей славы: потому что для многихъ

(1) Синодиль Спасо-Преображенскаго монастыря писанъ при Алексѣй. Михайловичѣ, но, какъ кажется, списанъ съ болѣе древняго синодика: нѣз этого стараго синодика многие листы вшиты въ этотъ новый синодиль.

изъ бояръ Грозного опять означивался мучительными казнями, на которых такъ изобрѣтатель былъ убитъ Иоаннъ IV. Между Казанскими вельможами встрѣчается имена: Князя Ушатого, происходящаго отъ рода Князей Ярославскихъ; родъ этихъ Князей былъ истребленъ Иоанномъ около 1573 года ⁽¹⁾; Князей Ивана и Михаила Заславскихъ, которые упоминаются, вмѣстѣ съ Владимиромъ Темкинскимъ, въ числѣ казенныхъ въ Синодикѣ Карла-Възнесенскаго монастыря ⁽²⁾; Князя Давида Сидкаго,—онъ, какъ видно изъ отбитаго письма Иоаннова къ Курбскому, былъ княземъ до дѣлу о сестрѣ Анастаси царичѣ, ⁽³⁾ съ которою Сидкихи связывало родство: одна изъ Сидкихи Василией была жената на сестрѣ Анастаси. Что касается до Князя Владимира Гагарина, то и его имя упоминано въ Карла-Възнесенскомъ Синодикѣ подъ числ. 19-мъ, въ числѣ казенныхъ. Изъ Казанскихъ воеводъ Феодоръ Ивановичъ Треружковъ точно также упоминаютъ въ томъ-же Синодикѣ подъ числомъ 22-мъ. Въ Спасскомъ Синодикѣ есть цѣлая страница именъ подлѣ обихъ казенныхъ: овиановъ и убиенныхъ, но въ сужалѣннѣ, здѣсь не указаны прованья и званія убиенныхъ, а одни только имена ихъ.

Можно было бы предположить, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ Казанскихъ аристократовъ прозядали въ Казани потому, что владѣли значительною земельною собственностью въ край. Дѣйствительно, имена Князей Шестуновыхъ, Лыковыхъ, Мецекихъ встрѣчаются въ похвальной грамотѣ на Феодора Юлианова и Михаила Феодоровича въ царскихъ грамотахъ, какъ имена Воеводъ и Намѣстниковъ Казанскаго края, что говоритъ о прочномъ водвореніи ихъ родовъ въ новооблагодѣланномъ край. ⁽⁴⁾ Что же касается до большинства вышеназванныхъ именъ Казанскихъ аристократовъ XVI вѣка, то это предпо-

⁽¹⁾ Курбс. I, 226.

⁽²⁾ См. Прологъ, въ 2 т. Связ. Курбс. Устрялова.

⁽³⁾ Курбс. II, 61.

⁽⁴⁾ См. Акты. Истор. и Юридич. и др.в. Цар. грам. Казан. и др. сос. губери. Степ. Мельникова, изд. 1859 г. въ первыхъ шести N.N.

жение потерять значительную долю своей достойности, если им припомним, что Московские Цари не любили, чтобы люди знатных родов, по своей воле, оставляли Москву и Двор. По свидетельству Котошихина, при царевиче Царь Алексий Михайлович все тогдашняя аристократия обязана была ежедневно, по два раза в день, являться во дворец: «если же которые бояре въ приходъ ко двору запаздывали, то Царь или тыкался на нихъ словами, или посылалъ изъ палаты высылать коня, или же посылалъ въ тюрьму». Такому ревнивому надзору подвергались бояре. Если кто изъ нихъ желалъ отлучиться въ свою вотчину, то долженъ былъ проситься въ отпускъ у самого Царя, и получалъ отпускъ на опредѣленный срокъ. «А безъ отпуска съ Москвы съѣхать не смѣлъ никто на одинъ день.»⁽¹⁾ Если такъ строго наблюдалось за Московскою знатнью при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то почему же должно было быть положене аристократовъ при подозрительномъ Иоаннѣ IV? Вѣрнѣе предположить, при извѣстной подозрительности Грознаго, что одна лишь онада удаляла Князей и бояръ въ ихъ шатры или на отдаленныя воеводства и въ дальнѣе города, болѣе же частно они должны были постоянно находиться подъ строгимъ надзореиъ Царскаго глаза, и окружены были стѣною доносчиковъ, всегда готовыхъ перетолковать въ худую сторону самый невинный поступокъ, всякому неосторожному слову придать ложное толкованіе и на этомъ основаніи составить извѣстный доносъ. Положеніе знатныхъ бояръ, сосланныхъ въ отдаленные города или удаленныхъ въ помяты, еще было хуже, чѣмъ положеніе оставшихся въ Москвѣ. Вдали отъ Москвы надзоръ былъ еще строже, еще докучливѣе, и несчастный опальный ждалъ ежедневно посылки за нимъ изъ Москвы. Въ Москвѣ по крайней мѣрѣ опасность стояла лицомъ въ лицу, ее можно было призо и предусмотрительно встрѣтить, если совсѣмъ нельзя было предотвратить. Загаданная опасность всегда страннѣе, враги, въ отсутствіе изъ Москвы опальнаго боярина, могли сочинить самыя небытыя извѣстия, самыя ужасныя обвиненія... А потомъ ничка, отъ од-

(1) Котош. стр. 26.

ной мысли о которой леденела кровь, сатѣвъ въ мѣсте мучительная казнь. У всякаго боярина могъ найтись свой домашній *бояръ*, поубившій своимъ доносомъ князя Владимира Андреевича, свой *Вильмочъ*, поубившій своимъ доносомъ не только лучшихъ гражданъ Новгородца, но и цѣлый Новгородъ. Нужно припомнить, что перемена, совершившаяся въ Иоаннѣ IV, падая на тѣ самое года (1566—1568), когда писана была Борисовымъ и Климкинымъ Казанская Писцовая книга. Боязнь Иоанна, во время которой совершилось известное разочарование его въ своихъ приближенныхъ, последовало въ 1553 г. вскоре по возвращении изъ-подъ Казани: въ 1559 году умерла Царьня Анастасія, и съ этого времени Иоаннъ, не сдерживаемый своими прежними советниками, мало по малу начинаетъ свою расправу съ боярами. Въ томъ-же году удаленъ Алексѣй Адашевъ и унесенъ въ монастырь Сильвестръ, каменъ, пившій въ Казанскомъ краю по быстрому по давлению востаній, Данило Адашевъ съ 17-лѣтнимъ сыномъ; наконецъ въ 1564 г. 3-го Декабря послѣдовало престоупное удаление Иоанна въ Александровскую слободу, и затѣмъ, чрезъ мѣсяць, знаменитое посланіе Царя къ митрополиту Афанасію, положившее начало опричнѣнью. Известно намъ, какою послѣдовала распродажа въ Русской землѣ постѣ учрежденія опричнины. На Цари были отобраны особые города и даже уѣзды въ столицѣ—Москвѣ, въ которыхъ вѣчно было жить только тѣмъ боярамъ, дворянамъ и приказникамъ, которые были отобраны въ опричнину; всѣ же земли были переведены въ другіе города и уѣзды. У Соловьева подл. 1362 годоу есть известіе, взятое изъ рукописнаго лѣтописца Александровско-Невской Лавры, (*) что въ этотъ годъ *мнози бояре, князья и дѣти боярскіе были сосланы въ Казань*. Изъ Писцовой книги мы видимъ, въ какомъ порядкѣ давались опричниннымъ боярамъ въ Казани (напр. князю Андрею Стругину): но большая часть бояръ и прочихъ ссыльныхъ предпочитали, впрочемъ, вступать въ добровольныя сдѣлки съ жителями при лопучьихъ довахъ.

(*) См. Ист. Рос. Соловьева. Томъ VI изд. 2-е. страни. 223, прим. 83-е.

Такое переселение в Казань многих ссыльных лишь разном вызвало особую административную меру: Казанский посаде принуждены были расширить и прибавить острожных стѣны. Отъ Церкви Петра и Павла внизъ къ Булаку лежала прямая улица къ Проломнымъ воротамъ. При наплывѣ въ городъ массы сосланныхъ, воевода убѣдился, заселити или часть поля, прилегающего къ этимъ Проломнымъ и лежащимъ выше ихъ Нугайскимъ воротамъ. Вотъ помѣтка Писцовой книги. «Къ Казанскому посаду прибавлено за острогомъ противъ Проломныхъ воротъ въ Арсеной сторонѣ мѣсто Булаковъ и мѣсто горы, что съ Арсеного поля подъ горю по Булаку вверхъ по дорожку, что дорожка отъ Арсеного поля отъ Нугайскихъ воротъ съ горы, прямо къ Булаку, ниже Кабана-озера были огорода... архіепискупы на 2 десятины, да огородъ Преображенскаго монастыря на 3 десятины. Да огороды же были воеводскіе и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей пустыя мѣста и сарай старые, всего на 10 десятины. И тѣ огороды и всѣ мѣста помѣчены подъ дворы въ новой острогѣ, а острогъ новый поставити отъ *Нанайскихъ* воротъ, съ Арсеного поля, съ горы, подѣль дорожки и до Булака противъ Татарской слободы, для пространства посаду всякихъ людей, потому Государь Царь и Великій Князь прислалъ въ свое отечество, въ Казань на жительство *Казаней и оныхъ боярскихъ и посадскихъ* людей и велѣлъ воевода въ Казани давать тѣмъ людямъ дворы и мѣста порожіе, подъ дворы, въ Казани на посадѣ дворовъ порожіихъ и мѣстъ пустыихъ не было.» Далѣе въ Писцовой книгѣ выписано распоряженіе Казанскаго воеводы «не захити поманутыхъ огородовъ впередъ, на мѣсто же ихъ отвести поименованнымъ лицамъ оброчные же огороды за *новыми острогами*, за дорогомъ, къ Кабану озеру, и къ Булакову, по другой сторонѣ, за *старыми острогами*». Изъ этого опредѣленія мѣстоположенія огородовъ нельзя не видѣть, что городская стѣна Казанскаго посада (острогъ) шла на юго-востокъ отъ тогдашняго Арсеного поля къ Булаку, отъѣла Вешнякову слободу (тѣхъ назвѣй Церковь Николая Нового) и здѣсь переходила чрезъ Булакъ къ Куранинскимъ воротамъ (къ Свѣной площади). Въ этой слободѣ существовала уже во время составленія Писцовой книги Церковь Николая Чу-

договора. В Писцовой книге есть пометка об одном оборочном дворе, что он «стоит на старых военн-ских острогах, в новых острогах от старого острога против Николая Чудотворца, что в Великаковой слободы.» Церковь эта по соображению с другим местом Писцовой книги, называлась Церковью Николая Можайского. «Да от Буздак людей острогу к Николаю Можайскому двор князь Иванов князь Семенов сына Гасарина.» Постановление о распространении от Проломных ворот городской стены под новые дворы Казанских иеревиденцев, впрочем, было сделано прежде, чем оно появилось в Писцовую Книгу, именно—в то время, когда новый острог начал строиться, а местность, очерченная им, начала уже застраиваться домами. Проломныя ворота были недалеко от Нисоло-Вещняковской Церкви и лежали с нею на одной линии.

Кроме Князей и бояр, в Казани в 1365 году было сослано несколько детей боярских. Между этими посыланными Писцовой книге упоминаются о дворах боярских детей—Феодора Терентьев, Зболодцкого, Григория, Булгака и Андрея Онуциных, Павла Онучина, Казанского жильца. Дворы Онуциных показаны около Никола Тульского. В истории Казани известен Данило Онучин, у которого в доме, после пожара 23 июня, 1579 года, обретаема была чудотворная икона Богоматери. Не был ли этот Онучин сыном одного из этих записанных в Писцовой книге Онуциных? В рукописном описании иконы чудотворной иконы Казанской Богоматери Матр. Герасова Онучин назван «мужик, изумивший мудрость на войне стрельбою.» Верно ли называют Онучина стрельцом? Не был ли он боярский сын, мелкий начальник стрельцев, искусный в стрельбе? На Казанских башиях стояли на стороже по 4 стрельца, под начальством боярского сына, как видно из Писцовой Книги.

В числе переселенных на жительство в Казань Писцовая книга упоминает об именных людях других городов. Около нынешнего второго моста чрез Буздак, в Пушкарской улице был двор Царьфедота из Константина Шуховых детей, большого перебежца Псковского. Как видно из описи Казанского торго, помещенной в Писцовой книге, Шуховы были купцы из Пскова.

Псковские переделки засели особую Псковскую уездную, которая шла издравле от Спасской улицы въ Церковь Ап. Петра и Павла. Къ этимъ переделкамъ изъ Пскова Писцовая книга причисляетъ гостей: Деу Сиробстна, Третьяка (1) Васильева сына, Федота Балотникова, Тимофея Ступина, Ероху да Михалку Родионовыхъ, дѣтей Псковитина. Царская Московская политика не могла до вѣрнѣе относиться къ жителямъ древнихъ свободныхъ городовъ—Новгорода и Пскова, и еще до погрома Грознымъ этихъ городовъ въ 1669 году, по повелѣнью Царя, вѣроятно много жителей Пскова были переведены на житье въ Казань. Мы знаемъ, что въ древнемъ Псковѣ, благодаря его торговымъ сношеніямъ съ Европою, въ XVI вѣкѣ развились особенно ремесла и искусства. (2) Такимъ образомъ переселеніе въ Казань Псковскихъ ремесленниковъ, мастеровъ и торговыхъ людей сдѣлано было Иоанномъ, можетъ быть, и съ культурными цѣлями,—съ цѣлю цивилизовать новый край. Большая часть вышепоименованныхъ Псковскихъ свободныхъ были искусные серебряныхъ дѣлъ мастера, сообщаютъ Писцовая книга. Что кромѣ Псковитанъ были въ числѣ переделочныхъ люди изъ другихъ верхнихъ городовъ, поазнаваетъ замѣтка Писцовой

(1) Въ Писцовой книгѣ, какъ и въ другихъ памятникѣхъ XVI и XVII вѣка поражаютъ насъ странныя имена людей того времени: Черныи, Пискии, Третьяки, Бояльаки и т. п. Это объясняется тѣмъ, что въ древней Руси долгое время, разомъ съ христіанскими именами, у нашихъ предковъ шли древнія языческія имена (напр. Суга и Кручина), которыми люди и назывались и писались. Иногда этии при погребеніи указывали христіанское или какою-либо божицеи или служилому лицу. Иногда измѣняли самымъ страннымъ образомъ христіанскія имена. Иванъ, празднованій свои имянни въ день Юліана Постыгаго, превращался въ Пискина, первый сынъ въ семьѣ въ Бояльаки, третій въ Третьяки а одинокій—въ Одинокіи, послѣдній въ Постыдики. Николай, празднованій свои имянни въ день Венянго Николаи—въ Вейника и т. д.

(2) См. статью объ этомъ предметѣ въ Журн. Мин. Нар. Просв. Декабрь 1843 г.

кини: «да гостинных изъ верховихъ городов, переведенныхъ въ Казань на житье, и у тѣхъ въ Казани на посадѣ 20 дворовъ.» На Казанскомъ посадѣ около имениншаго Гостиннаго двора была также Вологодская улица, получившая, вѣроятно, это названіе отъ Вологодскихъ свепенцевъ. Съ другой стороны названіе Церкви Николы-Можайскаго, Николы-Боронскаго не даютъ ли права сдѣлать заключеніе о происхожденіи другихъ перевенцевъ Казанскихъ? Намъ извѣстна удѣльная роль древнихъ областей, доходившая до того, что каждая изъ областей почтала одиѣ свои мѣстныя святини, какъ бы, первоначальныя и исключительныя. На новомъ мѣстѣ своего поселенія русскіе перевенцы предпочитали сооружать храмы въ честь тѣхъ же святыхъ, какіе особенно чтлвсь на ихъ родинѣ: въ такомъ случаѣ, готчасъ по устройствѣ на новомъ мѣстѣ, перевенцами на родину посылался вѣрный человѣкъ за спискомъ мѣстной иконы и новосооруженная Церковь получала названіе Николы Зарайскаго, Тульскаго и т. п., смотря по тому, изъ какого города происходилъ перевенецъ. Очень можно быть, что, кромѣ Пскова, города Рязанской и Московской областей, города—Туза, Можайскъ, Зарайскъ выслали своихъ поселенцевъ въ Казань. Что же касается до Псковскихъ поселенцевъ, то они, вѣроятно, сосредоточивались около Церкви, построенной недалеко отъ Кремля стрѣльцкимъ атаманомъ Липуномъ, какъ показано въ Писцовой книгѣ. Вблизи этой Церкви находилъ дворъ Истомы Липунова, свепенца Псковскаго. Былъ ли это дворъ этого самого Липуна или же его ближайшаго родственника? Если даже предположить, что самъ строитель Церкви былъ перевенецъ изъ Казани, съ своими стрѣльцами, въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, то наша догадка о происхожденіи изъ Пскова Истомы Липунова всетаки не потеряетъ своего правдоподобія. (*) Писцовая Книга, переписавъ посадскихъ людей города Казани, дѣлитъ ихъ на три разряда. «Казанскихъ вельныхъ торговыхъ мастеровыхъ людей *добрыхъ*—8 дворовъ,

(*) Рубковъ, въ Рус. Церк. Ист. Пр. Заменскаго 1870 г. стр. 36.

да *средних*—40, да *молодших* (младших) 552 двора.» В XVI вѣкѣ, для правильного размѣненія податей съ земли и съ дворовъ, были установлены *соха*, *вита* или *обса*. Въ земледѣльческой населенной дреней Руси единичною цѣна служили, во-первыхъ, *соха*, крупная и общественная единица, для распредѣленія сборовъ по территоріи. Соха была добрый (т. е. доброй земли) отъ 600 до 860 десег. въ одною полѣ, а въ третъ 2000—2400, *средняя* 700—1000 и *двуря* 800—1200. Въ городахъ *соха* считалась по домамъ: на одну *соху* полагалось, при разверсткѣ податей или *тягла*, лучшихъ дворовъ 40, среднихъ—80 и молодыхъ—160. (1) Другою такою единицею считались въ селахъ и деревняхъ *вита* или *обса*, мѣра частная, хозяйственная, для надѣла и владѣнія частныхъ хозяевъ. Соха имѣла до 71-й виты, а въ виты считалось около 10-ти четвертей или 3-ти десятковъ. Что въ уѣздахъ была *вита*, то въ городахъ *дворы*. Дворы разнѣшались не по величинѣ строеній, какъ и вытк не по величинѣ участка, а по *жечоткамъ* и *промысламъ*. Отсюда дѣленіе дворовъ на *добрые*, *средне* и *молодые*. Писцовы книги не говорятъ намъ, въ переведеніи въ какихъ городовъ оставалось право считать себя самими жечоточными гражданами Казани и сколько въ какомъ разрядѣ было переселенцевъ изъ той или другой мѣстности, или изъ какихъ мѣстностей переселенцы были болѣе промышленныя и зажиточныя другія жители Казани. Очень можетъ быть, что находящеся у насъ подъ рукою извлеченіе изъ Казанскихъ Писцовыхъ книгъ слѣдуетъ воротко и потому не можетъ отвѣчать на эти полные интереса вопросы. При описаніи Казанскаго города мы съблѣземъ попытку рѣшить эти вопросы. Что касается до иногороднихъ переселенцевъ въ Казань изъ верховыхъ городовъ, то въ Писцовой Книгѣ упоминается о лавѣ серебрянаго мастера Гуала Бороса сына *Костромичина*, (т. е. уроженца Костромскаго). Были ли въ частѣ

(1) Въ соч. Кн. Васильчикова «Землевлѣдѣніе и земледѣліе въ Россіи и др. Евр. Государств.» Изд. 1876 г. Тожъ I, стр. 425 и дал. находится прекрасное изложеніе податной системы XVI и XVII в. въ Россіи.

переведенцев в Казань жителями Великого Новгорода? На этот вопрос ответить трудно. В Казанском Спасо-Смолянском монастыре есть захороненный древний крест, совершенно сходный по фигуре с Новгородскими *Чудными Крестами*: не намать ли это Новгородских переведенцев? В Сиваском Синодикѣ записаны роды Казанских жителей с прованьями: Усольцы, Балхонцы, Бранчевиты, Юрьевцы, Уженины, Вятчинны, Ржевтинны, Тверитавны, Суздаляцы, Борисоглебцы, из Великого Новгорода, Нижегородцы, Володимирецы. Иностранцы прованья повторяются несколько раз.

Одною из рѣдко бросившихся въ глаза особенностей наших старинныхъ городовъ была скученность жилищъ строений и множество Церквей. Такая многочисленность Церквей въ старинныхъ русскихъ городахъ объясняется тѣмъ, что въ древней Руси построение церкви считалось особенно богоугоднымъ дѣломъ и многие изъ зажиточныхъ горожанъ строили церкви, по обычу, безъ особой необходимости для христіанскаго населенія. Г. Маргитовъ,⁽¹⁾ описывая Москву XVI вѣка, приводитъ рядъ современныхъ свидѣтельствъ о существованіи въ нашей столицѣ при Іоаннѣ III и Грозномъ множество деревянныхъ церквей. Большая часть изъ этихъ церквей были «обделены» строившимся въ одинъ день, но обыкновенно другіе строили церкви на мѣстѣ казенныхъ родственниковъ. — Онѣ назывались «на кровнѣ» и ими во время террора царствованія Грознаго была буквально покрыта вся Москва, находившаяся прѣкъ Флоренскимъ (Спаскимъ) воротами Московскаго Кремля, гдѣ Любое мѣсто. Церкви эти являлись десятками такъ, что Столпный Соборъ въ 1551 году принужденъ былъ ограничить въ этомъ случаѣ благотворное усердіе народа къ строенію церквей. Въ духовной литературѣ XV и XVI вѣковъ находимъ наставленія о томъ, что лучше помогать бѣднымъ, чѣмъ строить и украшать церкви.⁽²⁾

Въ Казани XVI вѣка также поражаетъ насъ значи-

⁽¹⁾ «Москва» изд. 1865 г. стр. XII.

⁽²⁾ Руков. къ Рус. Церк. Исторіи. Знаменскаго. 1870 г. стр. 159.

тельное количество церквей, в сравнении с народонаселением. В городѣ или нынѣшнемъ Кремлѣ, часть городскихъ стѣнъ которыхъ сохранилась доселѣ отъ времени Иоанна IV, было до 16-ти церквей, считая въ томъ числѣ придѣльными церквами: и у каждой изъ нихъ были особые причты. Придѣльными церквами, по всей вѣроятности, строились (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) отдѣльно отъ главной церкви. Такъ при Благовѣщенномъ Соборѣ стояли въ XVI в. двѣ придѣльные церкви. Исходя изъ архитектуры Собора настоящаго времени, мы не можемъ никакъ открыть слѣдовъ древнихъ пристроекъ къ Собору, въ видѣ приделовъ, какъ мы ихъ поименовываемъ теперь; приходившія при Соборѣ въ настоящее время приделы, равно какъ и Соборная трансса, носятъ на себѣ явные слѣды позднѣйшей архитектуры. Устройство придѣльныхъ церквей послѣ Отчизны не хотѣли ли наши предки обойти постановленіе этого Собора о неуничтоженіи церквей, при несомнѣнно существовавшихъ благочестивыхъ стремленіяхъ тогдашнихъ обществъ къ постройкѣ новыхъ церквей?

Перечисливъ церкви, существовавшія въ Казани въ XVI вѣкѣ. Необходимо замѣтить, что большая часть этихъ церквей была деревянными и, по всей вѣроятности, самой простой архитектуры. Изъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ XVI вѣка и изъ сохранившихся въ Псковѣ и Новгородѣ старинныхъ церквей, можно заключить, (*) что деревянная церковь тогдашняго времени состояла изъ двухъ простыхъ срубовъ—изъ одного большаго и другаго меньшаго и назначеннаго для главной церкви и для олгара; половина сѣбѣжныхъ стѣнъ вынамалялась и замѣнялась простою деревянною перегородкою, съ 2-ми дверями; перегородка эта и составляла иконостасъ, который обивался *бисмою* или *бисменою*,

(*) Форму такой Церкви можно видѣть въ деревянной церкви, принадлежавшей Иоанну Васильевичу IV, въ Свѣтлогорскомъ Яблоскомъ монастырѣ. Рисунокъ деревянной церкви, близъ Новгорода, построенной также при Царѣ Иоаннѣ Грозномъ, былъ помѣщенъ въ Памятной книгѣ 1860 года.

т. е. медными или оловянными, позолоченными листовымъ золотомъ, узорчатыми пластинками,⁽¹⁾ и за тѣмъ иконостасъ убитыиши обисовоими доюмии иконои, вину которихъ на иконостасъ прѣвѣнялись разнообразна иелени. Этими простыми и недорочимъ устройствомъ тогдашнихъ церквей объясняется ихъ многочисленность. Что касается стварей церковныхъ, то и онѣ не составляли предмета значительныхъ расходовъ. Въ Писцовыхъ книгахъ сохранились описи тогдашнихъ Каз. церквей, изъ которыхъ оказывается, что только очень немногія изъ нихъ были снабжены дорогимъ серебрянымъ утварью и парчевою ризницею. Даже Царские мѣщны въ Казанскія церкви ограничивались мѣдныи «олочными» (выпеченыи) напрестольными крестами, деревянными точеныи сосудами и желѣзными завѣздцами и лѣвцами: большая часть ризъ и стварей дѣлалась изъ бѣлы (хлопчатого-букажной матеріи), *книжаны* и *выбойны*.

Въ XVI вѣкѣ въ Казанскомъ Кремлѣ были: Соборъ Благовѣщенскій, съ двумя прѣдѣльными церквами, Церковь на Спасскихъ воротахъ во имя Спасъ-Перукотверснаго, Церковь на Воскресенскихъ воротахъ во имя Воскресенія Христова, Церковь Св. Кириана и Устини, Церковь Дмитрія Солунскаго, съ прѣдѣломъ у Дмитріевскихъ воротъ, Церковь Введенія Пресв. Богородицы, съ прѣдѣломъ, у Царскомъ дворѣ, Церковь Пр. Сергія у Топенскихъ воротъ, съ прѣдѣломъ. Въ Преображенскомъ монастырѣ были двѣ церкви: Церковь Преображенія Господня, деревянная, и Николая Чудотворца—каменная.

Въ Казанскомъ окрѣстѣ стояли слѣдующіи церкви: Церковь Ап. Петра и Павла, стоящая на сѣ настоящецкѣ мѣстѣ, — Николаи Боровскаго (иная Николаи-Магистрат-

⁽¹⁾ Слово «басма» значитъ «форма», въ которую выливали пластикъ или басмевъ. См. Зап. Имп. Арх. Общ. 1833. т. V О метал. производствѣ въ Россіи. Образецъ прекрасно сдѣланнаго золотого басмена можно видѣть на образѣ Св. Алексія, XVI вѣка, въ Казанской Боговиленской Церкви. Серебряникъ басменомъ обитъ Деиусъ надъ вратами лѣтней церкви въ Казанскомъ Ивановскомъ монастырѣ.

ская).—Никои Чудотворца, съ придѣломъ Зосимы и Савватія, построенная Стрѣлецкимъ атаманомъ Липуновъ (имѣвъ Николю-Липуновскую) Никои Гостиннаго, посреди Рыбнаго ряда, въ Гостинномъ дворѣ (недавно выстроенная вновь купц. Поставновымъ и Саватѣвичемъ).—Никои Зарайскаго, съ придѣломъ во имя Параскевы—Натанци (называлась Патюскаго Церковь), Церковь Воздвиженія Креста Господня (на мѣстѣ нынѣшняго остатка храма Казанскаго монастыря), Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, Церковь Николая Можайскаго, въ Вешняковской слободѣ или Николая Попова, *Первоначальное Евангеліе, на мосткахъ на лѣвой сторонѣ стояли: Церковь Ярославскихъ Чудотворцевъ: Феодора, Давида и Константина и Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, въ Дикой слободѣ. Всѣ церкви въ Казанской Крѣпости, кромѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, Церкви Введенія Пресвятыя Богородицы и Церкви Сергіевской, были выстроены Государемъ и состояли на рубли, т. е. притчи ихъ пользовались денежною и хлѣбнымъ жалованьемъ отъ казенъ, а церкви деньгами на расходы. Изъ Посадскихъ церквей ружскими считались только три церкви: Покровская, Никои Гостиннаго и Ярославскихъ Чудотворцевъ. Остальныя церкви были выстроены приказными и содержались ими же. Нельзя не замѣтить при постройкѣ послѣднихъ церквей въ которыхъ особенностей. Тогдашняя Казанская аристократія, не смотря на большое число городскихъ церквей, хотѣла имѣть свою церковь и построила въ Крѣпости у Парскаго двора Церковь Евлеискую. Объ этой Церкви въ Писемной книгѣ сдѣлана слѣдующая помятка: «Поставленъ (постройка) и строенье (снабженіе утварью) повоеводское и голоуальничиковъ: жалованья и рубли понаму итѣ.» Церковь Сергія Чудотворца въ Крѣпости построена была на суммы Сергіевской Лавры, «Архимандрита съ братіею: кивей Государева приклада: деревянные сосуды и дѣбъ вибойны.» О некоторыхъ изъ церквей Казанскаго посада въ Писемной книгѣ сдѣлана приписка: «поставленъ все мѣрское (напримѣръ, о Церкви Никои Чудотворца Борюскаго и о Церкви Успенской). О Церкви Никольской, называемой нынѣ Стрѣлцою или Липуновою, замѣчено, что она поставлена и строена Липуновъ, а другая при-*

дѣлалъ при ней «Церковь Косма и Демьянъ поставленъ все и строенье мирское.» О Церкви Николаи Гостиннаго сказано, что поставленъ все и первоное строенье пона Григория и мирское. О Церкви Николаи Зарайскаго (Пятницкой) замѣчено: «поставленъ и все церковное строенье бывшего пона Феодора, да приходское. Такимъ образомъ въ сооруженіи церкви причислено дѣльное участие, наравнѣ съ прихожанами, и духовенство своимъ достаткомъ. Это участие духовенства въ строеніи церквей сдѣлается повѣстнымъ, если мы вспомнимъ, что въ XVI вѣкѣ духовное званіе было открыто для лицъ всѣхъ сословій и въ священники поступали иногда благородные зажиточные миряне, нередко изъ купцовъ, которые и употребили свой достатокъ на нужды Церкви. Описание Казанскихъ церквей, помѣщенное въ Писцовой книгѣ, имѣетъ для исторіи Казани весьма большое значеніе. Въ «Исторіи Казани» Рычкова помѣщено описаніе Казанскихъ церквей Пестрикова, сдѣланное въ XVIII стол. Въ этомъ описаніи построенье Церкви Николаи Гостиннаго отнесено къ 1634 году, Покровской Церкви—къ 1682 г. Воздвиженской Церкви—къ 1686 г. Петропавловской Церкви—къ 1726 году, Церкви Николаи Вешнякова къ 1674 году, Воскресенской—къ 1671 и 1734, Николаи Лавровской—къ 1695 году, Церкви Ярославскихъ Чудотворцевъ—къ 1737 году. По Писцовой книгѣ всѣ эти Церкви существовали въ Казани въ XVI вѣкѣ. По всей вѣроятности, записанные Пестриковымъ годы построения Казанскихъ церквей означаютъ время, когда въѣзжо деревянныхъ церквей построены были, по словамъ прежнихъ вѣтхихъ, каменные. (1)

При нѣкоторыхъ церквяхъ были богадѣльни, при нѣкоторыхъ, были кельи старцевъ убогихъ. При Церкви Николаи Гостиннаго было 2 кельи, изъ которыхъ живутъ старики, нѣтъся отъ Церкви показано въ Писцовой книгѣ. При Церкви Николаи Лаврова, вѣроятно, хрономателемъ также была устроена богадѣльня. У Церкви Ни-

(1) Сравн. а Писц. по Казанск. Епарх. за 1871 г. № 182-й съ кнѣгомъ Рычкова «Опытъ Казанской Исторіи» 1767 г. стр. 174—186.

коли Зарайского стояло несколько богатств. При Церкви Успенской стояло 11-ть домов старцев и старух и инок. О Церквах Водьянской, Николы Тульского и Николы Можайского в Писцовой книге нет никаких изъятий. Одно место в Писцовой книге заставляет предполагать о существовании в 1566 году Воскресенской Церкви. При кемлепий дворцов на посаде в Писцовой книге сказано: «Съ большой Спаской улицы Едучи къ Воскресеню въ переулокъ называю Спаская улица, начиналася около Спаскихъ воротъ, оканчивалась у конца называннаго Госпяного ряда переулокъ называю въ Воскресенскую улицу. Въ 1873 году, при прокладывании водопроводныхъ трубъ, при Церкви Воскресенія Христова открыто было значительное количество погребенныхъ дубовыхъ гробовъ и человеческихъ костей. Недалеко отъ этой церкви, стоявшей на краю Клязьмы, Убогаго дома или Скудельницы, гдѣ въ древности хоронились утопленіе, замерзшіе, казненные и т. п. Пряхожане другихъ приходскихъ церквей, вѣроятно, погребались при своихъ приходскихъ церквахъ, какъ это было въ Москвѣ въ XVI столѣтіи (1) При постройкахъ въ Преображенскомъ монастырѣ въ 1866 году открыто было въ землѣ много человеческихъ костей; это показываетъ, что въ ограды этого монастыря также было кладбище. Предположеніе это подтверждается открытіемъ въ этомъ монастырѣ въ 1869 г. двухъ могильныхъ склеповъ. Впрочемъ по Писцовой книгѣ Звлятовской монастырь показанъ въ 2-хъ верстахъ отъ Клязьмы за Русенскою кладбищемъ. Это русское кладбище, вѣроятно, находилось гдѣ-либо въ Адмиралтейской Слободѣ и непрерывно на мѣстѣ сухомъ и возвышенномъ, и ни въ какомъ случаѣ на мѣстѣ, заливаемомъ водою весенняго разлива. Въ этомъ отношеніи рассматриваемая нами Писцовая книга не даетъ намъ никакихъ указаній на то, почему мѣстность, запимемая въ

(1) См. Москва, Мартинова, стр. XXI. Въ старинныхъ городахъ не рѣдко при перестройкѣ первой напасть на кладбище. Въ сороковыхъ годахъ нашли цѣлое кладбище или убогій домъ въ Нижнемъ Новгородѣ у Претеческой церкви, стоявшей недалеко отъ кремля.

настоящее время Казанским памятником, почитается истинным потребителем русских войнов, навиних под Казанью въ 1552 г.

Любопытно было бы решить вопрос, изъ какихъ городовъ или областей Россіи было, по своему происхожденію, городское духовенство Казани въ XVI вѣкѣ. Источная книга не даетъ намъ никакого указанія по этому предмету; она сообщаетъ намъ лишь имена священниковъ, состоявшихъ въ 1566—68 годахъ при вѣкоторыхъ церквяхъ въ Посадѣ. При Петропавловской церкви былъ священникомъ строитель этой церкви о. Василій, при этой Церкви былъ и дьяконъ между тѣмъ, какъ дьяконовъ не было ни при одной изъ кремлевскихъ церквей, кромѣ Собора. У Николая Боронскаго числился священникомъ о. Симеонъ, также съ дьякономъ. У Церкви Николая Гостиннаго о. Уригорій, также строитель своей церкви. При Церкви Ярославскихъ Чудотворцевъ священникомъ былъ о. Пётръ. Церковь Петницкая была построена о. Феодоромъ, но онъ уже въ 1566 г. оставилъ службу и явилъ въ своемъ дождѣ при церкви за штатомъ, наконецъ у Церкви Покрова Пр. Богородицы былъ священникомъ о. Феодоръ, а у Успеніа—о. Тихонъ. По всей вѣроятности, большая часть Казанскаго духовенства пробывъ въ Казани со Свят. Гуриемъ, перешъ Архіепископомъ Казанскимъ. Изъ житія Святителя Казанскихъ, составленнаго Патр. Гермономъ, видно, что свят. Гурій пришелъ въ Казань «со Архимандрити, и со священными мужи, и съ честными мощами, и съ прочими складомъ: въ первый же день по прибытіи онъ служалъ Литургію «со архимандрити и со всемъ священнымъ соборомъ и носилъ службу посылалъ тотчасъ же грамоту къ Самодержцу и къ Митрополиту о своемъ благополучномъ прибытіи въ Казань.»⁽¹⁾ Такимъ образомъ первое начало Казанскому духовенству положили священниками и прочими людьми, прибывшими съ св. Гуриемъ въ Казань, вѣроятно, въ надеждѣ получить священный санъ. Изъ отцѣннаго письма Грознаго Свят.

⁽¹⁾ Житіе и жизнь иже во св. отецъ нашъ Гурія и Варсонофія и проч. У Арх. П. Л. Любарск. гл. 8 стр. 18.

Гурю 1557 года. Апр. 5-го ⁽¹⁾ видно, что Святитель просил несадогю прещь тѣмъ Матр. Мазаря о висельнѣ къ себѣ людей, по всей вѣроятности, духовнаго сана, и Матронолнть готова была этихъ людей висѣти. Что это были люди не мірскіе и не ремесленники, это видно изъ того, что распоряженіе о висельнѣ въ Казань, такихъ людей дѣлалось. Черезъ локно духовной власти, а чрезъ власть гражданскую. Таково известное распоряженіе 1555 г. Декабря 15-го Новгородскимъ дьякамъ Еремееву и Дубровскому о висельнѣ въ Казань. Псковскихъ мастеровъ. ⁽²⁾ Замѣтка Писковой книги о некоторыхъ изъ городскихъ Казанскихъ церквей, что онѣ построены священниками вмѣстѣ съ мірянами, можетъ быть объяснена и въ смыслѣ общаго радѣнія, общихъ заботъ о построеніи приходскаго храма—прихожане доверили своему мѣрному, камабонному священнику построене церкви и онъ строилъ ее на добровольные пожертвованія благочестивыхъ людей или же на опредѣленную приходомъ денежную сумму для церковной постройкн. Чтобы пользоваться полнѣе доверіемъ прихожанъ или же своей должности посвящать церкви, для всего этого нужно было своимъ человѣкомъ приходу. Потому легко предположить, что священники некоторыхъ Казанскихъ церквей были по происхожденію своему, тѣже переводчики, которые смотри потому, изъ какого города пришли, сосредоточивались въ извѣстныхъ частяхъ Казани, строили себѣ церкви во имя святцаго, своего прежняго Повронтеля. Выборное начало въ XVI вѣкѣ относительно приходскаго духовенства практиковалось въ обширномъ размѣрѣ. Въ Столѣтій мы находимъ описаніе того, какъ въ Новгородѣ, каждая улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала изъ среды своихъ жителей кандидата на Церковное мѣсто и шла въ владыкѣ посвящать новоизбраннаго. Если владыка, вопреки желанію прихожанъ, посылалъ къ церкви своего кандидата, такому Новгородцу неделя отъавивалъ. Въ историческихъ памятникахъ древней Руси очень часто встрѣчаются прнрѣтры

⁽¹⁾ См. Прод. Древн. Рос. Визанов. части V-г.
⁽²⁾ Доп. къ Истор. Акт. т. I № 82.

подобных договоров выборных священников с прихожанами: договорами этими определялась мера денежного вознаграждения священнику и канонически стороны прихода обещали не отказывать ему от места по канону, без вины со стороны священно-служителя. В конце XVI века Московское Государство, ввиду того, чтобы «его служба и чина никто не лишала» начало стеснять поставление в священники сановных людей служивых и татящих, отчего первыми и потом единственными кандидатами на священство остались исключительно люди из духовного сословия.— Несмотря на то, что в XVI веке в России повсеместно существовало это выборное духовенство, положение его было далеко не завидное. Большинство приходов получало от Правительства рубли, но в такомъ маломъ количестве, что они могли иметь значение, какъ одно изъ средствъ къ содержанию, лишь наряду съ другими доходами. В большинстве приходовъ содержание причта вполне зависело отъ прихожанъ. Все это можно приравнять къ содержанию Кавказскаго духовенства. Изъ Псковой книги видно, что изъ всего Кавказскаго духовенства хоронимымъ содержаниемъ пользовалось лишь одно лицо изъ благаго духовенства, именно—Протопопъ Соборный. Онъ получалъ годового жалованья 15 р., на стужу для расы ему давалось отъ казны 2 рубля и хлебной руги 50 четвертей хлѣба и 50 четв. овса въ большую мѣру, да 30 пудовъ соли. (стр. 17 и 18) Чтобы понять мѣру вознагражденія, нужно вспомнить тогдашнее значеніе этихъ духовныхъ сановниковъ, которымъ избиралась значительная часть епарціальнаго духовнаго управленія. Въ значительныхъ городахъ въ протопопы назначались люди, по большей части лично известные Царю. Значеніе этихъ духовныхъ сановниковъ увеличивается еще, если мы вспомнимъ, что всѣ русскіе соборы, даже при рѣшеніи какихъ-либо вопросовъ, какъ избраніе Архіепископовъ въ известные и почему-либо важныя города приглашались засѣдать и протопопы. При избраніи св. Гурия въ Казань на архіепископство 3-го февраля, 1555 г. входились протопопы—Ивановскій и Новосергійскій. (1)

(1) Татищевъ, стр. 413.

Въ XVII вѣкѣ протопоиы Московскіи и иногородныя вѣриво было патріархомъ великое дѣло исправленія божеслужебныхъ книгъ. Протопоиы разговоръ Алексѣй Михайловича съ о. Авакумомъ Петровичемъ, изъ которыхъ видно, какъ протопоиы банко стоятъ къ Государю. (См. Житіе Авакума.) Казанское соборное духовенство состояло, по той протопоиы, изъ 5-ти священниковъ и протопоиы, которымъ шло Государеву жалованья только по 5 рубл. и по 11 четвертей хлѣба и ося, да 3 пуда соли; по содержанию и положенію Капедральнаго духовенства было довольно сносно: оно получало свою долю изъ архіерейской помысли. При Грозномъ была опредѣлена денежная сумма, которую приходское духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій подѣлъ (т. е. на оборотѣ архіерейскія епархіальныхъ церквей), хотя бы архіерей и не вѣдѣлъ по епархіи. Сверхъ того собраніе получали отъ приходскаго духовенства и некоторую часть изъ ихъ праздничнаго дохода, что называлось «правдинною гривною.» Кромѣ того по Писцовой книгѣ (стр. 48) значится «на протопоиы соборныя съ братіею, сверхъ годовые руги Государева жалованья на Волгѣ, въ Тетюшевскихъ водахъ рыбныя лови, 15 связокъ пашинныхъ, а сѣмьтъ со связки по 2 рубл. да пошлякъ съ рубля по 10-ти денегъ.» При Соборѣ числилось 4-ре дьякона, съ жалованьемъ по 4 руб., по 30 алт. на сукуно и съ хлѣбнымъ священническимъ жалованьемъ. Остальное духовенство ружинскихъ, кремлевскихъ церквей получало жалованья отъ 3 рубл. до 3-хъ въ годъ и отъ 11-ти до 9-ти четвертей въ годъ ося и столько-же хлѣба, да по 3 пуда соли. Въ Спасской Кремлевской Церкви, надѣ вратныя, было два священника, получавшихъ выспій окладъ по 2-мъ рублемъ. Что же касается до духовенства церквей, стоявшихъ на посадѣ, въ кремлѣ (въ острогѣ), то жалованья священнику шло по 4-ре, по 3-ри и по 2-ва рубл., а хлѣба и ося отъ 6 до 4 четвертей съ осминою въ годъ. Это увеличеніе жалованья и хлѣбно осяска на духовенство послѣ ихъ сравненія съ духовенствомъ города, конечно, сдѣлано было въ виду содержанія отъ прихожанъ, которое приписано было къ каждой церкви. Иностранцы вѣриво вносили на хлѣбной руги, на денежнаго жалованья. Содержаніе писцаго клера было

весьма мало — дьячок получал полтора рубля, а пономарь лишь 30 копейек в год; жалованья при приходской и по 2 рубля при соборной церкви; хлебное жалование шло им также в весьма ограниченном размере: пономари получали в год хлеба и овса по 4-ре четверти с осминой, а при Соборѣ по 6-ти четей; дьячки, которые полагались штатомъ, лишь у неволокъ Казанскихъ персей. (Писма, книга упоминаетъ объ одномъ лишь штатномъ дьячкѣ при Церкви Спаса Перуготовленнаго) давалось по 6-ти четверт. хлеба и постольку же осы. Наконецъ при тѣхъ горныхъ церквяхъ полагались въ числѣ причта просвирни (просвирница, просвирникъ). Это были, вѣроятно, духовныя, если не мірскія вдовы, положение которыхъ тогда было не лучше нищенскаго. Въ Писм. книгѣ онѣ составляются на ряду съ нищими, отставившимися отъ церкви: «у Церкви Николая Гостина въ сельцахъ живутъ пономари да просвирница, да въ двухъ сельцахъ живутъ старцы, *нишалея отъ черони.*» (стр. 38). Положение вдовъ въ древней Русѣ было самое убогое и лишенное всякой самостоятельности. «Вдова бѣда горчае всѣхъ людей» говорятъ современные документы. Вдова должна была носить платье *смирнаго одеянья* цѣлостью: сукна матерія, употребленная на платье сданами, получала названіе *вдовныхъ* и еще въ XVII ст. было въ продажѣ *вдови табанъ*.⁽¹⁾ Вдова бездѣтная, у которой со смертію мужа разрушалась семья, по убѣжденію XVI вѣка, равнялась въ своемъ значеніи съ *сиротою*, т. е. ивранѣ съ убогими, калѣками и другими беззакатными личностями, поступила подъ покровительство Церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *благотѣлимъ*, забота объ участи которыхъ была дѣломъ Божиимъ, а не мірскимъ. Такимъ образомъ бездѣтныя вдовы находили законное приближеніе около церкви и, приобщившись къ ней, иногда въ видѣ просвирницы, получали подаяніе отъ міра. Казна смотрѣла на вдовъ такъ-же, какъ на сиротъ, и потому просвирни по штату пользовались самымъ мизернымъ содержаниемъ. Писемная книга замѣчаетъ при перечисленіи жалованья причтамъ, что на просвирни и на вдовы

⁽¹⁾ Забѣлина. Довашъ бытъ рус. Царица, стр. 58.

просвиры выдается въ годъ по 15 алтынъ. Лишь при соборной Боговиценой церкви просвирыцѣ (Писц. книга, стран. 18) нѣко «чюдныя руга за странню по алтыну денегъ, да хлѣба по 5 чети ржи, да полаты чети осы въ большую мѣру, да на просвиры и суглоу за 6 четей шестиди 20 алт. денегъ». Обычай смотрѣть на приходскую церковь, какъ на пріютъ людей немощныхъ и сиротъ, еще доселѣ глубоко укорененъ въ русскомъ народѣ. Мы помнимъ то время, когда при сельскихъ церквахъ стоялъ длинный рядъ лѣзвй для вдовъ и сиротъ и какъ усердно сельскія люди при горѣ и на радостяхъ питали этихъ келейныхъ старухъ. Этотъ обычай сохраняется во многихъ мѣстахъ и доселѣ. Въ журналѣ обзорннн Ею Высочайшимъ повелѣніемъ, Антономъ, Архипископомъ Казанскимъ своей викаріи въ 1876 году сказано, что въ Сибирскѣ, послѣ окончанія Литургіи въ женскомъ монастырѣ, одна старушка обратилась къ Владикѣ съ словесной просьбой о дозволеніи ей устроить при церкви подгороднаго села, Введенской Слободы, келью.⁽¹⁾

Таково было матеріальное обезпеченіе Казанскаго духовенства XVI вѣка: какъ мы видѣли выше, это обезпеченіе было довольно скромныхъ размѣровъ. Что касается до поддержанія причтовъ приходами, то и въ этомъ случаѣ нельзя было считать причты Казани болѣе или менѣе обезпеченными. Мы будемъ видѣть ниже, что Казань, заселившись жителями другихъ городовъ, бѣгачи, такъ сказать, волонеры русскихъ областей, и сами при постепенномъ завоеваніи Поволжья крѣп русскими войсками и поселенцами, дѣлалась мало по малу метрополіею и амбулала свои волонеры все далѣе на востокъ. Поэтому Казанское населеніе постоянно убавилось и убывало. Къ этому прибавляхъ еще мѣстоимые монастыри Казанскихъ дворянъ, неимѣвнн систематическаго бѣгства жителей ея изъ города на земдо, отъ городскихъ промысловъ, представлявшихъ мало обезпеченія, въ земледѣльческому труду. Наконецъ, бизнесъ повсемѣстнымъ въ Россіи XVI и XVII столѣтіи.

Когда дѣло касается обезпеченія Казанскаго духовен-

⁽¹⁾ См. Каз. Епарх. Извѣстія за 1877 г., стр. 94-я.

ства XVI вѣка, невольно является предположение: подтверждается отчасти и письменными памятниками: не видно ли оно еще крошечка записанных в Писцовой книгѣ жалованья и хлѣбныхъ даней или отпусковъ, особаго источника содержания? Въ лѣтописяхъ тогдашняго времени есть слѣдующее извѣстіе, помѣщенное при опредѣленіи Архіепископа Гурія въ Казань, «И гложалъ благочестный Царь, говорить это любезнѣе, и Великій Князь Иванъ Владыкъ (Гурію) и всѣмъ первоямъ (Казанскаго края) обещанное Богу, изъ доходовъ Казанскіе земли десятое. А сперва Митрополитъ (Макарий) и всѣ Владыки и монастыри да побѣждаютъ Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ.»⁽¹⁾ Было-ли жалованье духовенству, упоминаемое въ Писцовой книгѣ, этою десятиною или же кромѣ этого казеннаго содержания десятина изъ доходовъ Казанскихъ передавалась прямо воеводами Казани въ руки Архіепископа, изъ его распоряженія, — вопросъ этотъ не поддается прямому рѣшенію. Изъ письма Грознаго къ Св. Гурію въ 1557 году, Апр. 5-го дня видно, что изъ казенныхъ сборовъ иногда выдавались Казанскимъ воеводамъ Архіепископу, съ разрѣшенія Царя, особия (сверхсбытныя) суммы на дѣло похворенія Христіанства въ новомъ краѣ и устройства Казанскаго духовенства. «И на дѣло доброе, пишетъ Царь, не пожажду, не откажу... а болѣе что надобно, три цени ломитъ и я прищю»⁽²⁾. При такой готовности Царя помогать нуждамъ новой архіепископіи, при христіанскомъ, благомъ настроеніи первыхъ трехъ Архіепископовъ Казани, которыхъ Апостольскіе труды и до сихъ поръ живутъ въ преданіяхъ краѣ, нѣтъ сомнѣнія, что обещанная Грознымъ десятина изъ доходовъ Казанскаго края шла на обезпеченіе духовенства въ краѣ, тѣмъ болѣе что это духовенство имѣло право на обезпеченіе, обращая себя на трудовую и опасную жизнь въ новомъ краѣ.

Казань XVI вѣка, не смотря на свое важное значеніе центра русской колонизаціи среди инородческаго населенія, была все-таки прежде всего важнымъ военнымъ

⁽¹⁾ Щербатовъ стр. 414 и 415-я.

⁽²⁾ Прозр. Древн. Рос. Визаіюв., ч. V.

пунктом. Потому главным элементом населения было военное сословие: *бояре, стрельцы, пушкары, литвиники, ярыги и татары-новокрестьяне*. Стрельцы составляли регулярную пехоту, пушкары, драги и затинная служба при *наряде* или артиллерии, боярские дети составляли регулярную, а татары иррегулярную конницу. Иоанн IV приписывает⁽¹⁾ устройство у нас в России первого регулярного войска—стрельцов. Стрельцы были первыми ниями опытом постоянного войска: это были солдаты, воспитанные и содержимые Государством для войны. Но первый опыт постоянного войска из России показали и его негодная сторона. Стрельцкая войска не занималась земледелием, а получая готовое содержание от казны и проводя праздную жизнь, отличалась буйством, своеволием и склонностью к насилию над мирными жителями. Лучшие и трудолюбивые из стрельцов, занимаясь беспошлинно торговлей, подрывали торговлю и причиняли убыток другим купцам: стрельцы-торговцы не редко отказывались от уплаты законных пошлин за торговлю, занимались контрабандой, корчемством и т. п. Власти должны были смотреть на эти провамы сквозь пальцы, потому что стрельцы составляли хорошо снаряженную вооруженную силу, которая впоследствии становилась чужд от часу грозой. При указанной нами негодности или опасности жить стрельцкие полки, содержание их падало тяжелым бременем на государственный ежегодный бюджет. В конце царствования Алексея Михайловича, по свидетельству Корба⁽²⁾, жалование рядового стрельца доходило до 7-ми рубл. в год, а хлебное годовое довольствие или провиант до 12-ти четвертей ржи и столько же овса. Сверх того казна должна была содержать стрельцов, почему-либо выбывших из строя (по увечью, за болезнью, за старостью) и массу стрельцких жен, детей,

⁽¹⁾ Герберштейн, впрочем, говорит, что еще при Василии Ивановиче было учреждено два корпуса стрельцов, из коих один был пехоты, а другой конный. *Рос. Москвит.* р. 50.

⁽²⁾ Девин. *Корба*, стр. 189-и.

ловья и сироты. Кажется, что прощательный умъ Грознаго самбѣталъ эти непогоды постоянного войска, но крайней мѣрѣ въ концу его царствованія стрѣльцкой войско не только не увеличилось, но какъ-будто уменьшилось. Увеличеніе корпуса стрѣльцовъ происходило въ послѣдствіи, при Государяхъ дома Романовыхъ.

Учрежденіе стрѣльцовъ было вызвано обстоятельствами. Въ періодъ татарскаго ита русскіе усюмди отъ татаръ обыкновеніе наносить ударъ въ бою неприятелю конницею—тактика чисто-татарская⁽¹⁾—и потому Правительство старалось составлять войска преимущественно изъ казаковъ. Чтобы содержать значительную массу казаковъ, необходимо затрачивать много денегъ; поэтому Московскіе князья обратились къ довольно вѣрному средству комплектовать армию преимущественно казачьими, а именно—къ преобразованію корпуса боярскихъ дѣтей. При Іоаннѣ III русское правительство начало раздавать земли или *помѣстья* боярскимъ дѣтямъ⁽²⁾, обязавъ ихъ, въ случаѣ войны, выставлять известное число ратниковъ, преимущественно конныхъ и съ ними лаваться на войну лично на конѣ, а иногда и съ запасными лошадыи. Дѣти боярскіе назывались такъ не потому, чтобы они набирались изъ дѣтей бояръ. Очень можетъ быть, что сначала въ ряды ихъ поступали одни только люди знатныхъ родовъ, но впоследствии имъ явились въ этомъ служиломъ сословіи люди различнаго происхожденія, даже дѣтей духовенства⁽³⁾, оказавшихъ какую-либо услугу государству, преимущественно въ бою. При Василѣ Іоанновичѣ корпусъ дѣтей боярскихъ былъ очень многочисленъ,—число ихъ простиралось до 300.000. Содержаніе этого корпуса ничего не стоило Государству, потому что каждый боярскій

⁽¹⁾ Татары сражались, не стоя на мѣстѣ, а на скаку дѣйствуя стрѣлами и копьями.

⁽²⁾ Въ первый разъ упоминается о дѣтяхъ боярскихъ въ 1259 году.

⁽³⁾ Есть очень любопытное извѣстіе, что въ 1681 году въ сословіи дѣтей боярскихъ поступилъ поповъ сынъ и получилъ земли помѣстной 200 четвертей и денегъ 6 руб. Рус. Древн. Успенскаго, стр. 177.

силъ съ строевъ отрядохъ брать изъ дома провиантъ и фуражъ при выступленіи въ походъ. Надѣясь помирить дѣтей боярскихъ, русское Правительство заставило ихъ вкусить благъ мирной жизни, отчего воинственность ихъ быстро начала унадевать, явилася вредившій классъ *кличковъ* или *кличей* (отъ слова «кличъ»), т. е. такихъ бойскихъ дѣтей, которые уходили отъ службы, скрывались въ своихъ помѣстьяхъ и не являлись на сборные военные пункты по мнимои болѣзни. На *кличей* владалъ Государь, онази, по *кличей* посылались чиновники, которые представлялись, когда они слыжутъ *кличей*, быть его нечаянно батоги и кнутомъ, но *кличей* благополучно избѣгали всѣхъ этихъ золъ посредствомъ подарковъ и посуловъ, противъ которыхъ не могли устоять надія на корысть сердца царскихъ слугаковъ. Безпорядки въ служиломъ сословіи увеличились особенно въ дѣтствѣ Проложа, въ периодъ самозащиты бояръ. Такіе безпорядки, въ связи съ другими причинами, заставили царя Иоанна IV подумать о заведеніи въ Россіи постоянного войска. Однимъ побочнымъ причинами были — недостаточность воинскаго искусства въ корпусѣ дѣтей боярскихъ, жалъ людей непривыкшихъ къ дисциплинѣ и къ строю, а также и новыя успѣхи воинскаго искусства въ Европѣ. Но и при расширеніи предѣловъ Россіи, какъ доводилось сражаться не съ одними нестройными полчищами татаръ, а съ регулярными войсками Германіи, Литвы, Польши, Ливоніи. Главною заботою благообразнаго Вел. Кн. Иоанна III было введеніе въ войскахъ строгой дисциплины, но есо-го и не хватало у дѣтей боярскихъ. Послѣ Смоленскаго похода силъ Иоанновъ, Дмитрій, жаловался отцу, что многие изъ боярскихъ дѣтей, безъ его вѣдома, подступали подъ города, отъбирали изъ стада и грабили выюсти. Конная войска, состоявшая изъ дѣтей боярскихъ, отличались въ дѣлѣ стремительностію натиска, но не стойкію, они дѣйствовали совершенно по вкусу златской конницы. Иностранцые путешественники очень хорошо понимали эту слабую сторону нашихъ войскъ. Панады на неприятеля, по замѣчанію иностранцевъ, русскіе, какъ будто, говорили ему: «бѣги скорѣе, а иначе мы сама тучахъ побѣдимъ.» Въ 1541 году, послѣ Лявонскаго маршала Плетенберга писали въ нему изъ Москвы, что

русские не имьютъ хорошаго войска. Тосдашна русская нѣхота, довольно малочисленна, преимущественно употреблялась для защиты крѣпостей, располагалась въ засадахъ и только въ нѣкоторыхъ битвахъ удерживала сомкнутому строемъ натискъ неприятеля: но сомкнутой строй, при плохомъ обученіи войска, въ время войны кѣтъхъ отъ соки, былъ очень слабъ, и неприятелю было легко разстроитъ нѣхоту: потому битву обыкновенно оканчивалась не стойкостью нѣхоты, не удачна ея атака на неприятеля, а болышею частью внезапное появленіе войска, поставленнаго въ засаду. Принимая обстоятельства Куликовской битвы и сравнивая съ ними описаніе влѣти Казани. Тамъ влѣаетъ на битву засадный корпусъ, здѣсь неожиданной вырвуть городскихъ стѣны. Чувствуя потребность имѣть дисциплинованную, хорошо обученную нѣхоту, Иоаннъ III посылалъ нѣхоту пострелной иностранной дружины, поселить ее въ слободахъ за Москва-рѣкою. Видно, что Иоаннъ IV въ началѣ своего царствованія особенно хорошо относился къ этимъ иностраннымъ войскамъ. Въ близости къ Вильяновку и Балабелли въ Угмѣ находится рукопись, подъ заглавіемъ: «Извѣстіе объ обширныхъ земляхъ, богатствѣхъ, могуществѣхъ и проч. сильнаго Императора и Великаго князя Московскаго», (*) принадлежащаго неизвестному автору, жившему въ Россіи и служившему въ войскахъ Иоанна IV, окомъ 1653 года. Авторъ пишетъ: «нашъ Императоръ (Иоаннъ IV), будучи юнъ, читалъ много исторію Римскаго и другихъ Государствъ, бесѣдовать часто съ умными иностранцами, польскими и нѣмецкими новонами людьми и взялъ себя въ образъ великихъ римлянъ. Войско свое оны устроилъ по образцу французевъ.» Характеръ этого замѣчанія и сообщенія нѣхъ свидѣнія весьма много говорятъ объ отношеніяхъ Уроднаго къ иностранцамъ, служившимъ въ его войскахъ. Въ царствованіи Оеодора Иоанновича и въ началѣ царствованія Годунова въ войскахъ русскихъ было 4300 нѣландцевъ и поляковъ, 4000 казаковъ литовскихъ, 159 шотландцевъ и нидерландцевъ и до 100 скандинавовъ.

(*) См. Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. за 1863 г. статью «Древн. путешеств. иностран. въ Россію», стр. 129 и 130.

как свидетельствуют Флетчер и Маржерет. Но казнь на хорони были иностранца войска въ Россіи, очевидна была необходимості для Государства имѣть хорошую русскую пехоту—ислѣдствіе этого и является нѣмѣка составъ *стрѣльцкія* войска.

Учрежденіе стрѣльцовъ, нисколько не уменьшая значенія дѣтей боярскихъ. Какъ мы видѣли выше, въ Писцовой книгѣ упоминается о проживавшихъ въ Казанскомъ Кремлѣ боярскихъ дѣтяхъ; также и на посадѣ было дворовъ князьяхъ, *дѣтей боярскихъ, старшихъ и новыхъ жильцовъ 161 года*. (Писцовая книга, стр. 43 и 44). Князь Юрій Пронскій-Шемкинъ, доносилъ Ювану IV о взятіи Астрахани, упоминаетъ, что въ передовомъ отрядѣ, при завоеваніи Астрахани, были у него «дѣти боярскіе и атаманъ (стрѣльцкіе) изъ Казани».⁽¹⁾ Что касается до Казанскихъ жильцовъ, то и о нихъ упоминается въ современныхъ источникахъ, именно — при походѣ Давида Адашева на татаръ въ Октябрѣ 1555 года участвовали Казанскіе жильцы, съ своимъ начальникомъ Иваномъ Мохомъ.⁽²⁾ Жильцы были молодые люди, происходившіе изъ дворянъ, дѣтей княжескихъ, боярскихъ, стряпчихъ и столическихъ, которые обязаны были для охраны царя и столицы, жить постоянно въ Москвѣ, гдѣ они и составляли родъ гвардіи или отряда царскихъ телохранителей. Въ послѣдствіи времени ихъ начали посылать въ отдаленные города. Въ 1558 году часть жильцовъ изъ Москвы послана была съ княземъ Дмитріемъ Вилшевскимъ въ Кабарду. Казь и боярскіе дѣти, жильцы получали земли отъ 350 до 1000 четвертей и денежный окладъ, иногда доходившій до 82 рублей. Изъ жильцовъ производились въ стряпчие, въ воеводы небольшихъ городовъ, въ головы дворскихъ полковъ и т. п.

Въ Казанскомъ посадѣ были въ различныхъ мѣстахъ стрѣльцкія селенія. Вотъ какія свѣдѣнія можно почерпнуть о поселеніи ихъ въ Казани изъ Писцовой книги (стр. 41). «Въ Казани на посадѣ въ острогѣ свобода стрѣльцкая, приборъ Третьяка Мергвого; въ

(1) Щербат. стр. 402-я.

(2) Тамъ же, стр. 410-я.

1566 году стряпцкой головою *Третьяк* (1) Мертвой, со всеми стряпцами, из Казани посланы на Государеву службу, на жительство в Астрахань, и в той слободе у стряпцов покупали двory двy боярские, старые и новые жилища и посадские люди и стряпцы и иных стряпцевъ головою прибору, которые в Казани остались, а иные захотели жить на порожних стряпцевскихъ мѣстахъ, а иные стряпцкие мѣста досель порожжи.» Изъ этой записки Писцовой книги видно, что стряпцы не одинъ разъ переселены были изъ Казани в Астрахань. Дворы этихъ переселенныхъ стряпцовъ или стряпцкой слободы находились на окраинѣ тогдашней Казани «близъ Воскресенской деревни», по направлению къ Спаснымъ острожнымъ воротамъ», которыя стояли при концѣ нынѣшней Воскресенской улицы. Стряпцкая слобода отсюда шла къ Проломнымъ воротамъ в Николо-Вешняковской Церкви на Бузавь. Это были стряпцкие двory *Холмова прибора*, головою стряпцаго; его же прибора стряпцы жили на Воскресенской улицѣ, и въ переулкѣ, ведущемъ съ этой улицы направо и въ другомъ переулкѣ направо. Такимъ образомъ Воскресенская Церковь была, какъ-бы, церковью стряпцовъ. (2) Поселеніе стряпцовъ на окраинѣ города также имѣло свою цѣль. Вся юго-восточная сторона острожной стѣны, обращенная къ Арскому полю, требовала особенно предусмотрительной защиты, — это былъ самый доступный фронтъ Казани, какъ военной крѣпости. (3) Около острожной стѣны, по направлению отъ Воскресенской деревни къ Арскимъ воротамъ и даже за ними, какъ мы увидимъ ниже, были также стряпцкая слобода. У самихъ Арскихъ воротъ въ острогѣ находилась сторожевая изба или караульня, а на Арскихъ воротахъ находилась усиленный отрядъ сторожевыхъ стряпцовъ (10 челов.). Прядъ Арскихъ воротъ извне выстроенъ былъ татарскій таможенный дворъ, обве-

(1) Третій сынъ у отца. См. примѣч. на стр. 38-й.

(2) Не потому ли эта Церковь у Гедемиста Пестрякова названа «Церковью въ Солдатскихъ слободахъ»?

(3) Въ Москвѣ стряпцкая слобода шла по земланому выу. См. «Москва», стр. XXII.

севиный тинюхъ, что-то въ родѣ передоваго или *жостовою* урваньяка (*tête de pont*) при концѣ моста чрезъ городскую рѣку, окруженный, какъ известно, съ этой стороны Казанскую стѣну. Башня Ногайскихъ воротъ, въ районѣ расположенія стрѣльцовъ Хохлова, была другая сторожевая башня (Писцовая книга стр. 50). Далѣе мы читаемъ въ Писцовой книгѣ (стр. 44 и сл.) новое перечисленіе Казанскихъ стрѣльческихъ слободъ. Стрѣльцы пшутся по *приборамъ* своихъ головъ. По всей вѣроятности, выборы, а можетъ быть и вербовка изъ свободныхъ людей, которыхъ тогда бродило такъ много на Руси,—изъ крестьянскихъ дѣтей, изъ батраковъ, бобылей или казаковъ и изъ иной голытьбы предоставленъ былъ головамъ стрѣльческихъ полковъ. Отъ этого набора, произошло обыкновеніе называть этихъ *приборомъ*. Догадка наша подтверждается слѣдующимъ сообщеніемъ. Параллельно съ наборомъ въ войска, существовалъ на Руси тогда обычай *комбичиковъ* приглашать или набирать на свои земли для поселенія крестьянъ, и эти крестьяне назывались *приборомъ таченъ-мо*. Въ тогдашнихъ уставахъ и законахъ писалось: «а сколько челоуѣкъ въ крестьяне *приборные* и учнутъ тѣхъ *прибору* своего крестьянъ притѣснати...» Въ XVII столѣтніи, по словамъ Котошихина,⁽¹⁾ для составленія полныхъ стрѣльческихъ полковъ вербовка охотниковъ привѣнялась въ обширной степени.

Въ шестидесятихъ годахъ XVI в. въ Казани находились стрѣльцы различныхъ *приборовъ*. «Въ Казани-жъ на посадѣ, по Писц. книгѣ (стр. 44 и сл.), въ острогѣ слободы стрѣльцкіе *полюе остроуи* и въ улицахъ двора стрѣльцкихъ головъ и сотниковъ стрѣльцкихъ и стрѣльцкіе и въ которой слободѣ и чьево прибору стрѣльцы и то писало порознь.» Послѣ этого заглавія слѣдуетъ перечисленіе стрѣльцкихъ дворовъ того же прибору Хохлова. Дворы эти сосредоточивались около церкви Воздвиженія и Поганата Озера, отсюда дома стрѣльцовъ тянулись въ разбродъ Арской улицей къ Арскимъ острожнымъ воротамъ, съ Арской улицы въ переулочекъ къ Бѣлому Озеру, навстрѣчу подѣлу острога, гдѣ стрѣльцкая слобода и соединялась съ прежнею

(1) Котоших., стр. 109-я.

упомянутыми стрельцами дворами, стоявшими вблизи от Воскресенской церкви. Другая часть стрельцеских дворов шла с Арской улицы из переулка на зябю, к острожной стѣнѣ: дворы стояли около острога. Дворъ стрельцаго головы Давида Парфентьева сына Хохлова находился между Потаповъ Озеромъ и церковью Воздвиженскою, такъ, гдѣ нынѣ находится здание Главнаго училища. Въ описку Хохлова Писцовая книга упоминаетъ о сотникахъ—Елизарѣ Иванѣ и Четвертасѣ⁽¹⁾ Жолыревѣ. Прованше послѣднѣю намекнуть на его польское происхождение (войскы—солдаты) мы можемъ увидѣть другія польскія названія солдатъ, когда пойдѣтъ рѣчь о переселенцахъ или Полонкахъ. Въ описаніи артиллерійскаго записки упоминается о сотиѣхъ Василіи Менчеринова и о пяти десяткахъ новаго прибора Николая Воронскаго, да о сотиѣ Елизары Галачева. Стрѣльцы другаго стрельцаго головы Суботы Григорьева Чаадаева поселены около Церкви Никола-Тулскаго: дома ихъ шли по направлению отъ этой церкви къ Щели, а отсюда въ большую Арскую улицу и отъ нея къ острожному Кабацкѣвъ воротамъ. У Церкви Никола-Тулскаго стоялъ домъ Суботы Чаадаева. Мы здѣсь опять встречаемся съ тѣми же явленіями, которое замѣтили выше,—слабодѣ стрельцаки Чаадаева идутъ по сѣверо-восточной, а Хохлова по юго-восточной окраинамъ города. Понявшему, на всю юго-западную линію крѣпости, какъ татары, такъ и русскіе весьма мало обращали вниманія, считал ее достаточно крѣпительною самою природою, а именно—крутыми крутыми горными склонами къ Булаку, самимъ Булакомъ въ его тихимъ берегами и, можетъ быть, передовыхъ укрѣпленіемъ или стѣною на Булакомъ. Всѣхъ стрѣльцовъ обоимъ полкомъ въ Калани въ двухъ стрѣльцескихъ слабодѣхъ по Писцовой книгѣ (стр. 46) считалось: 2 двора головъ стрѣльцескихъ, 10 дворовъ стрѣльцескихъ сотниковъ, 9 дворовъ пятидесятниковъ, а у рядныхъ (рядовыхъ) стрѣльцовъ было дворовъ 549 и людей 557 человекъ, да

(1) Четвертый сынъ у отца, точно также, какъ имя Суббота—родившійся въ Субботу, на манеръ Робинзона сына Патавцы.

стрельцов прибра Мертвого, оставшихся на старых местах 51 человек. — всего 307 человек. Таким образом каждый отряд, состоявший под начальством особого головы, состоял из 300 человек. Эти числа почти согласны с обыкновенным комплектом стрельцовых полков: потому что при Алексее Михайловиче 40-тысячное стрельцовое войско было разделено на 14-ть полков, что также составляет численность каждого полка в 280 человек. Разделение войск на малые отряды было тогда делом обычным во всех Европейских армиях, а стрельцовое войско было подразделено войсками иностранных армий. Вооружение стрельцовых войск состояло из сабель, саблей, копьях и пиках, которые назывались ружьями или *завислыми пикалами*: потому что вшивались на ремень через плечо. Стрельцы бегали и конные: в случае же передержки и пехоту сажали на лошадей. Впрочем, и в Казани стрельцы делялись на конных и пехоту. В Синодаль Спаскомъ вписанъ родъ одного *пьяного* стрельца. В это смутное для Казанскаго царства время стрельцы часто совершали походы то в Арскую землю, то в различные мѣстности Ногайской и Луговой страны. В Слс. Синодаль подъ 7064 годомъ (1656 г.) подъ 4-мъ Марта вписана война, «избевни въ Арску и въ Чалмъ и въ Исхат-Юрты».

Послѣ стрельцовъ числятся служивыми сословіемъ были пушкари или артиллеристы. Къ артиллерійской прислугѣ въ древней Руси причислялись: пушкари, затинники, потопки, кученцы. Чтобы дать понятие о тогдашней артиллерійской прислугѣ, а слѣдств. и о числѣмъ сообщать читателямъ некоторыя подробности о тогдашнихъ артиллерійскихъ орудіяхъ. Въ Россіи появились пушки еще въ XIV вѣкѣ. Въ княженіи Василия Дмитриевича въ Московѣ стали дѣлать пороха, а съиномъ ко оружію пушками. Это такъ подѣствовало въ 1408 году на татаръ, осадившихъ Москву, подъ предводительствомъ Эдигея, что они не отважились близко подойти къ Московскимъ стѣнамъ и тотчасъ же отступили. Пушка называлась тогда, какъ видно изъ Голлицкой летописи, *арматами* и *огненной стрельбою*. Впрочемъ, мы обязаны *близъ знакомствомъ* съ артиллеріей современнѣмъ Погос-

рода сь Ганзейскими городами. Потому наша артиллерія XV и XVI столѣтій прошла всѣ фазы историческаго развитія, какія имѣла артиллерія Германскихъ государствъ. Сначала артиллерія употреблялась во всей Европѣ лишь при осадахъ и на защиту городовъ. Осадными пушками совершенно замѣнили древніе баллисты и катапульты, которыми бросали въ осажденный городъ громадной величины камни, весомъ въ нѣсколько сотъ фунтовъ; потому первоначальная орудія можно считать лишь усовершенствованными механическими металлическими снарядами. Въ катапультныхъ (*) каменъ или копье бросалось на дальнее расстояние туго-натянутою тетивою, а въ первыхъ арт. орудіяхъ—силою пороха. Отъ того первая орудія имѣли нѣкоторое сходство съ гаубицами и состояли изъ двухъ цилиндровъ, изъ которыхъ передній, въ который вставъ снарядъ, имѣлъ большаго диаметра, чѣмъ задній, куда насыпался порохъ. Для выстрѣла изъ орудія оба цилиндра скрѣплялись между собою, иногда даже подъ прямымъ угломъ, подобно напольнику. Какихъ камень (т. е. большой цилиндръ), такъ и камера выковывалась изъ желѣзныхъ полосъ, которая скрѣплялась, для предосторожности отъ разрыва, желѣзными обручами. Непроизность такого устройства орудій и медленность приготовления ихъ заставляла артиллеристовъ тогдашняго времени придумать отявку орудій въ мѣди и чугуна. Вскорѣ артиллерійскія орудія дошли до громадныхъ размѣровъ, такъ что иногда бросали ядра и камни до 253 фунтовъ. (†) Но при существованіи въ XV и XVI вѣкахъ орудій огромныхъ калибровъ, огнеловы и небольшія орудія, изъ которыхъ стрѣляла желѣзными и

(*) Въ древности ихъ называли *самострѣльными пушками* или *шрепелами*, назъ оныъ называется въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

(†) Въ Кремлевской часовнѣ въ Казани хранится «дро каменное въ 6 пудовъ». Но Башмаковской разрядной книгѣ въ 7085 году въ Ливонскомъ походѣ были пушки: Кольчатал, ядро 6 пудъ. Ушатал—ядро въ 6 пуд., 4-ре пушки верхнихъ, ядра по 6 п., пизчалъ Орель, ядро полтретья пуда, пизчалъ Медобдъ, 1 пудъ.

свинцовыми ядрами. Орудія тогознаго времени не емѣли лафѣтъ (т. е. сплошных поперечных цилиндровъ, находящихся посрединѣ, по бокамъ пушки, посредствомъ которыхъ орудіе ставится на лафѣтъ и можетъ двигаться вверхъ и внизъ), а привязывалось переклади или привоивалось особыми желѣзными болтами къ колодамъ или станикамъ. Въ позднѣйшее время стали применять спереди станковъ пушечныхъ небольшія колеса. При осадѣ Кавани это нововведеніе было принято русскою артилеріею, какъ видно изъ Писемной книги. Такой способъ привязыванія орудій былъ чрезвычайно невыгоденъ для прямой стрѣлы изъ орудій, — орудіе лишь съ большимъ трудомъ можно было навести на данный предметъ. Самое заряжаніе производилось такъ медленно, что иногда не представлялось возможности сдѣлать больше двухъ или трехъ выстрѣловъ въ день изъ большихъ пушекъ. Предполагаю, что чѣмъ дѣвнѣе орудіе, тѣмъ больше будетъ дальность выстрѣла, старались дѣлать пушки по возможности дѣвнѣе. Въ XVI вѣкѣ являлись также мортари, называемыя по русски *можжевалами*, употреблявшіяся преимущественно для стрѣлы зажигательными сварадами. Нужно познать, что эти орудія также назывались въ старину у насъ *сержовыми* пушками, потому что они давали возможность поразить предметы высшими выстрѣлами ноги большими углами возвышенія. Разумеется, они резко отличались отъ нынѣшнихъ мортиръ и сгорѣе походили на нероботнныя желѣзные пушки съ двумя цилиндрями. Назлобухъ этихъ орудій былъ отъ 200 до 25 футъ. Подобныя орудія меньшаго калибра назывались *пушечницами* или *пушечницами*. Въ нашихъ старинныхъ описяхъ они называются *оробочницами* и *пушечницами*. Кажется, эти же орудія называются Курбскій *оробочникъ*.⁽¹⁾ Поду Каваниа были у насъ пушки средня и огневныя, имѣяе вверхъ стрѣляютъ, какъ говоритъ Курбскій: такія пушки стояло около всей Каваниа до 150, меньшія изъ орудій были по некоторымъ сажени. Около деревята шара сромъ того стояли многія *коломья* или *коломья пушки*.⁽²⁾ Царственина книга.

(1) Курб. 24.

(2) Тамъ-же стр. 25-а.

описывая осаду Казани, говорить: «Из пушек же из стѣнобитныхъ, и верхнихъ ядра отъенными и каменными беспрепятно стрѣлаку изъ нищаль стрѣльцовъ.»⁽¹⁾ Такимъ образомъ мы видимъ, что при взятіи Казани были уже мортары, изъ которыхъ стрѣляли каменными ядрами и, какъ кажется, каменными ядрами, или другого рода зажигательными снарядами, потому что въ Царственой книгѣ упоминается о пожарахъ въ Казани во время осады. До изобрѣтенія пороха бросали такіе зажигательныя вещества изъ различныхъ металлическихъ снарядовъ. Наши древніе письменные памятники упоминаютъ еще все о *нищалахъ*: нищали носятъ очень различныя наименованія: нищали ручныя, гладкія, гранчатныя, выговальныя, затинныя, завѣсныя, шестерныя, осмерныя и т. д. Подъ именемъ нищали прежде всего надобно разумѣть наше обыкновенное крѣпостное ружье на стаяхъ, но только большаго калибра, а также болѣе легкія ружья, изъ которыхъ все-таки стрѣляли съ сошекъ: этими болѣе легкими ружьями были вооружены пѣхотинцы или стрѣльцы, нищали эти иначе назывались *ручницами* и *ружьем*. Но такъ какъ были нищали десяти-пудовыя и болѣе, то и нужно допустить, что нищалами назывались также и мало-калиберныя пушки. Поймѣнникъ въ свѣдѣніяхъ Археологич. Общества за 1851 годъ, Опис. Оружейной Палаты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря упоминаетъ о слѣдующихъ пушкахъ-нищалахъ: «нищаль, три аршина, желѣзная гладкая съ понскою; нищаль желѣзная затинная отъ казны до пояса гранчатая, прованская Шарло, длиною въ два аршина и вѣсъ третей.»⁽²⁾ Писцовая книга упоминаетъ при описаніи

⁽¹⁾ См. Цар. кн. стр. 295. О каменныхъ ядрахъ не упоминается въ Писцовой книгѣ, но въ Казани сохранились эти ядра, изъ которыхъ одно хранится въ часовѣ Крестовской церкви, а другія въ Музее при Университетѣ: вѣсъ перваго 236 фунт. диаметръ и вѣсъ другіхъ ядръ гораздо менше.

⁽²⁾ Запис. Отд. Русск. и Слав. Археологич. Импер. Археол. Общ., 1851 года т. I.

Казанского арсенала⁽¹⁾ о пещальных ставках затинных, о рупничках со станами, о ставках пушечных и о различных принадлежностях из этих ставок,— о кольцах съ шробами, о гвоздах съ кольцами вадных-ставковых, о гвоздах съ подъемными крючками: пушечные ставки были на колесах и на деревянных железных осях, съ кольцами и подъемными крючками пушечными, которыми лафеты поднимали и откатывали, а также отвозили пушки съ батарей. Въ Казанской Истории есть следующее место: «Вскорѣ привозна много польа и доеше пещина пушки, имя едной *Болшо*, другой имя *Ушатая* и огненна пушка и щипали в *Злой свертной* и *Зай* *матчей* и въ стѣобитна замисленія, отъ обохъ подгоповъ *откатитан*.»⁽²⁾ Пренія пушки обременялись множествомъ ненужныхъ украшений: *ям-трапу* (той части пушки, которую орудию одвигаютъ со стороны тарели) и *дальбинаж* (верхнимъ кольцамъ) давали видъ какихъ-либо зѣбръ, отчего каждому орудию присвоилось имя какого-нибудь вредного животного: *лака*, *бромон*, *прѣб*, *свостан*, *сомак*, *лев* и т. п. Изъ Писцовоу книги видно, что часть этихъ пушекъ была оставлена Грознымъ въ новопокоренной Казани. При переписаніи снарядовъ пушечныхъ и пещальныхъ въ книгу записано: «У Царскаго Старца двора, въ исчети 640 ядеръ железныхъ Соколовыхъ (т. е. пушекъ Сокола) и Зайя Свертнато: 100 ядеръ прибрано ко Львовѣ Головъ, да 50 къ Грановитой; ядеръ железныхъ затинныхъ (отъ пещалей) 78 пудъ безъ 5-ти гривеновъ; тутъ же хранялись пушечные ставки Зайя Свертнато и Сокола Свертнато. Противъ Царскаго двора лежали ядра военныя, на смети ихъ нельзя, что списали въбсто, а сказали городиче, что въ списокъ тѣхъ ядеръ написано 591 ядро.»⁽³⁾ Въ этой записи насъ должно удивить, что для каждой пушки назначались особые ядра, но это объясняется тѣмъ, что у насъ долго не было постолинныхъ яалбровъ для пушекъ, а каждый итейничисъ отливаетъ орудія по

(1) Писц. кн. стр. 7—10.

(2) Каз. Ист., стр. 230-я.

(3) Писц. книга, 8 и 9 стр.

произволу, такъ что для каждаго орудія требовались особые снаряды. Кромѣ этого большая часть нашихъ пушекъ въ XVII вѣкѣ получалась изъ западно-европейскихъ государствъ⁽¹⁾ и притомъ изъ разныхъ мѣстъ. Это обстоятельство существовало въ нашей артиллеріи пушекъ самыхъ разнообразныхъ калибровъ. Въ этихъ разнообразныхъ пушкахъ кузнецы выковывали различныя, сообразныя съ калибромъ каждой, ядра. Въ 1555 году Грозный писалъ въ Новгородскимъ дьякамъ: «Какъ къ вамъ пушканы прѣйдутъ, то вы немедленно велите Новгородскимъ кузнецамъ сдѣлать 600 ядеръ жѣлезныхъ по круглымъ, какія посланы съ пушкарями, и велите кузнецамъ ядра дѣлать круглыми и гладкими и какъ вамъ укажутъ пушканы. Дайте пушкарямъ десять холстовъ, триста листовъ бумаги доброй, большой, толстой (вѣроятно на заряды), 22 пуда лѣду малюго мѣлкаго, да 20 сажень ужины (перену), восемь коробокъ на ядра и на мѣшны, двадцать гривенокъ свинцу.»⁽²⁾ Лѣвъ, кажется, употребился для дѣланія пыжей. Въ Казанскомъ арсеналѣ хранилось 28 пудовъ лѣна. Что же касается до бумаги, то въ Писевой книгѣ (стр. 8) повѣдено «да дѣсти съ дѣб бумаги, и дѣлають изъ ней въ заправъ мѣшечки». Что касается затинныхъ пищалей, то ихъ названіе происходитъ отъ слова *замыче*—зарядъ; эти пищали иначе назывались замычечками. Онѣ бывали или вышоложеныя, т. е. въ ложахъ съ замычами или же со *жмычками*, т. е. съ плавническими затравками, въ которыхъ насыпался порохъ, который и поджигался фитилемъ, какъ это дѣлается и доселѣ въ войскахъ средне-азиатскихъ и китайскихъ. Пищали большія затинныя ставили на жѣзбанныхъ вѣлахъ,⁽³⁾ вбитыхъ въ колоду. Заряжалась затинная

⁽¹⁾ Большая часть орудій получалась изъ Голландіи. Въ Москвѣ долго несли орудій, но потомъ стали приготавливать ихъ сами русскіе; кромѣ Москвы орудія отливались въ Великомъ Устюгѣ.

⁽²⁾ Ист. Рос. Соловьева, т. VII стр. 20. Гривенка—мѣръ совершенно неопредѣленнаго, въ послѣдствіи ми вали за единицу вѣса пѣхотной фунтъ (рѣша).

⁽³⁾ Образецъ такой пищали можно видѣть и доселѣ въ Музѣи Казан. Университета.

пищали съ казеннаго янтра, гдѣ пицаль заправался желѣзною ялинкою съ чеканомъ. Въ Писцовой книгѣ въ артил. складѣ значится 15 пудъ чекъ желѣзныхъ отъ пицалей. Понятно, что этотъ способъ заряжанія былъ придуманъ по причинѣ несовершенства лафетовъ, которые весьма трудно было откатывать и навкатывать въ амбразуру, но, по всей вѣроятности, при выстрѣлѣ ганы вырывалась въ vaporъ и скоро портили орудія. Въ Казанскомъ арсеналѣ было очень много пицалей негодныхъ, какъ видно изъ Писцовой книги. Въ нашихъ старинныхъ арсеналахъ иногда находить пицали, заржавѣвшія съ казны. Для того, чтобы избѣжать отдачи орудія, пицали и пушки прилизывались деревяными или ушачищемъ къ стѣнѣ или къ косякамъ, для того въ лафетѣ были особия кольца, о которыхъ упоминается въ Писцовой книгѣ. Ручныя пицали и пицали небольшого дула и полуторнаго калибра противъ ружейнаго, заряжались съ дула. Въ Писцовой книгѣ есть записи: «140 прутиковъ пицальныхъ и 29 пицальныхъ зыбень». Вѣроятно, подъ именемъ прутиковъ разумеется вѣточъ изъ роука шомпола. Отъ затѣнныхъ пицалей произошло названіе части артиллерійской прислуги—*затѣнщики*, стрѣлявшіе преимущественно въ мало-калиберныхъ пушекъ, между тѣмъ какъ пушкари, можетъ быть, стрѣляли изъ крупноснарядъ и осадныхъ орудій. Изъ артиллерійской прислуги принадлежали плотники и кузнецы. Пушкари въ Казани жили около Буавка. «Отъ мосту противъ Земейнаго двора, отъ Булагу къ городу, въ Пушкарской улицѣ дворя по обѣ стороны пушкарей...» значится въ Писцовой книгѣ (стр. 29.) *Государевы кузнецы* также упоминаются въ Писцовой книгѣ.⁽¹⁾ Въ переулкѣ направо отъ Спасской улицы въ дворѣ жалованнаго кузнеца Герасима жили тоже кузнецы Худомка Денисовъ, да Иванко Смельзычъ, а рядомъ еще стояла дворъ жалованнаго кузнеца Мешничка. Въ дворахъ Герасима и Мешничка стояли дѣй Государевы кузницы: на этихъ кузницахъ дѣлали лишь одно Государево дѣло, т. е. казенную работу. Государевы жалованные плотники жили за Булькомъ, около Успенской

(1) Писц. кн. стр. 37.

церкви (см. стр. 47). В число пушкарей и стрельцов записаны были *драны* Полоцкой, — они являлись наместниками и в городах бывших стрельцов Третьяка Мерганаго. ⁽¹⁾ *Дран* значит на польском языке «финский солдат», следовательно *драны* были польские солдаты из числа шведских или добровольно перешедших к нам польских жолнеров. Вообще русские были, как видно, не большие мастера стрелять из орудий. При первой осаде Смоленска в начале XVI века наша артиллерия действовала очень плохо, отчего крепость не была взята; потому князь Галицкий вынужден был бежать из Воеводине к ратным людям. Новая осада Смоленска в 1514-м году показала преимущество иностранных артиллеристов: русская артиллерия захватила город ядрами большими и мелкими. Между артиллеристами особенно славился пушкарь Стефан; от действия его орудий «свалили городские стены, а люди-толпами; Смоленск скоро сдался. Вот почему Грозный, добившись под Полоцком иностранных жолнеров, тотчас-же снабдил ими Казань.

Вся эта разнообразная прислуга при *наряде* (т. е. при артиллерии) делилась на отряды, и имела особые годовые и соиниковые. В мирное время артиллер. прислуга занимала различные крепостные и гарнизонные должности. К пушкарям причислялись воротники, служившие собственно караульными в крепостях и никогда не участвовавшие в походах. Все эти чины получали хлебное жалование от казны и могли заниматься ремеслами и торговлей точно также, как и стрельцы. При Грозном служба артилл. прислуги, как и служба стрельцов, считалась пожиточною и переходила от отцов к детям. В Спис. Синодическ. писаны роды пушкарей и между ними роды пушкарей Самопольных.

Для стрельбы из орудий и ружей, в Казани в XVI веке выделывался порох, который тогда назывался *желемь*. Так он называется еще в XVII в. в изда-

⁽¹⁾ «И драны полоцкие, которые люди присланы съ Москвы, а написаны на Государеву службу въ пушкарех и стрельцах». (Писц. книга стр. 43).

номъ при Михаилѣ Осодоровичѣ устави (*Ученіе и житности ратнаго строенія влхотныхъ людей*). Въ послѣдствіи времени русскіе привали отъ Польскоу или отъ Богемцевъ название гроща, сходное съ древне-славянскимъ *прагъ* и отсюда порохъ, пыль: потому что тогда порохъ былъ въ видѣ порошка, мелкій а не зернистый. Зеленой дворъ стоиъ за Булакомъ. «За Булакомъ, сказано въ Писцовой книгѣ (стр. 36), въ Преображенской слободѣ Государевъ Цари и Великаго Князя дворъ Зеленой. А на дворѣ хоромъ: анбаръ дощаный въ длину 10 саж., а поперегъ 7 саж., а двѣрцы въ немъ *сверху торчачю и жель и нефть* перучиваютъ, да на дворѣ-же пшю и дѣбъ влѣти, одна дощаная.» Нефть употреблялась для обмазанія пашающихъ, во время преступа и для зажигательныхъ снарядовъ. Въ аркти. складахъ въ Кремлѣ показано значительное число котловъ, хранившихся для этой цѣли. Курбскій говоритъ, что, когда военныя съ своими отрядами пошны на преступъ съ сѣверной стороны Казани, тогда татары «вары вилацими начаша на насъ лить»⁽¹⁾ Порохъ дѣлался въ видѣ пороховой якости: только около половины XVI вѣка начинаютъ въ Европѣ, а за тѣмъ и у насъ выдѣлывать зернистый порохъ, что придаю ему известную долю силы, а самымъ снарядамъ дѣлается полета и надежную силу удара, для разрушенія зоржакимаго снаряжакго предмета. Замѣтательно, что въ XVI столѣтїи порохъ иногда выдѣлывали сами горожане по домамъ. Въ 1545 году велѣно было собрать съ Новотороскихъ посадовъ 2000 человекъ пидальниковъ и сиблѣтъ каждому изъ нихъ земель, по 12-ти гривенокъ безземныхъ, да дать по столько-же саничу на лдра. «Которые люди при этомъ объявлять, что имъ земля добить немзла, къ тѣмъ послать мастеровъ *лжужныхъ* (т. е. селитряныхъ) и пидальниковъ указать имъ, какъ *вирить* зелье.»⁽²⁾ Такое невосторожное обращеніе съ порохомъ въ XVI вѣкѣ доказываетъ его плохую воспламеняемость. Въ Казани въ Кремлѣ порохъ также хранился въ разлжжнжхъ зданїяхъ посреди жлжхъ строенїи, а по-

⁽¹⁾ Курб. стр. 36.

⁽²⁾ Акты Арх. Эксп. I. № 218 225.

роховой заводъ стоялъ въ населенной слободѣ. Виролтно, на Зелёновъ дворѣ приготовляли и воспламенительные составы для зажиганія перистильскихъ строений. Въ одномъ складѣ, въ большой конторѣ противъ Благовѣст. Собора, по Писцовой книгѣ хранилась бочка зелья, *спускаемой на военныя стрѣлы*, въ 3 пуда. По всей виролтности, зѣбъ раздѣляются стрѣлы съ огненнымъ шарикомъ или такъ называемые *болгары*, употреблявшіеся для зажиганія полицидовъ и типа, а также деревянныхъ стѣвъ. Порохъ приготовлялся на заводѣ двойного рода: пущечный и ружейный. Въ конторѣ у Царева двора хранилось ружейное зелье, *иногда перелой бочка*. Въ этомъ же складѣ хранились различныя орудія, употреблявшіеся при зельиномъ дѣлѣ, напр. таганъ мѣдный и желѣзный, котлы для перепуска сѣры и селитры, сѣтъ зельиная, широкіе молоты и другія вещи. (стр. 8-я)

Наконецъ въ числѣ Казанскихъ жителей были служилые татары или, какъ ихъ тогда называли, *новокрещены*. Въ Писцовой книгѣ помѣчено: «да новокрещенскихъ и толмачихъ и служивыхъ татаръ 40 дворовъ». Тотчасъ-же по взятіи Казани и покореніи Казанскаго царства Русское Правительство посѣлило образованъ иррегулярную конницу изъ татаръ, въ виду ихъ способности въ верховой ѣздѣ и развѣдной службѣ, а также убійною авло-стью, непригодною для стрелковъ и кавалерійскихъ атакъ. Стольникъ Чижовъ, бывшій посланникомъ въ 1657 году въ Венеціанскую республику, такъ рассказывалъ Венеціанцамъ про русское войско: «А именованъ сила Казанскій, Астраханскій и Его Царскаго Величества обрѣтается многая несчетная рать и бьются конные лучшими боями. А большаго и меньшаго Ногаи татарове бьются лучшими же боями... На когорое мѣсто не придутъ никакіе полки противъ нихъ до смерти. То у Великаго Государя нашего и строенье.» Во время осады Казани съ обѣихъ сторонъ употреблялись стрѣлы и лукъ.⁽¹⁾ Въ походахъ Грознаго въ большіе массѣхъ за пѣхотой съѣзжали Казанскія конницы, подѣ непосредственнымъ начальствомъ русскихъ бояръ. Въ 7085 году, во время

(1) Царст. книга, 272 стр.

Ливонского похода, у Свияжских татар головою был князь Иванъ Михайловичъ Черный-Борятинской, а у Казанских Исламъ Паша Чепурголь.⁽¹⁾ Татарское войско обыкновенно въ походахъ отличалось склонностью къ грабежу и жестокостями: впрочемъ въ то время подобнаго качества войска не считались предосудительными: неприятельская земля заранее обречалась на всевозможныя кары. Но плохо было со стороны татарскихъ впадей то, что она не умѣла отличать друга отъ недруга, когда у нихъ расходится рука. Изъ челобитной, поданной Младшему Феодоричу Барылою игуменомъ и братцемъ Вологодскаго Спасскаго Печорскаго монастыря,⁽²⁾ видно, что Касимовскіе татары, подъ предводительствомъ царя ихъ Арсаана, въѣсто защиты края отъ Польскихъ и воровскихъ шайкъ жителей Вологодскаго края грабили монастыри, нищили крестьянъ, вымучивали у нихъ деньги, вѣшая для этого людей вверхъ ногами, безъ рубашекъ сажая въ подполья, отчего люди умирали или заболѣвали на смерть.⁽³⁾ Впрочемъ было много служивыхъ татаръ, которые своею бравотою службой приобрѣли право на вознагражденіе землями.⁽⁴⁾

У.

Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ первою Спасо-Нерукотвореннаго Царскія дворца, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архiepiscopона, Сумбенина башня и старый ханскій дворецъ.

Мы говорили выше, что въ Писцовой книгѣ XVI в. первые листы, на которыхъ находилось описаніе Казанскаго Кремля, утрачены: потому восстановить очертаніе Кремля

⁽¹⁾ Рус. Древ. Ввод. изд. 2-е XIV, 351 и сл.

⁽²⁾ Акт. Археогр. Эксп. т. III, стр. 11—19.

⁽³⁾ Акты истор. и юрид. собр. Мельникова. Т. I. №№ V, VI, VII, X, XI, XXVIII, XLVI и др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Казань во второй половинѣ XVI вѣка	3.
II. Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань	6.
III. Администрація города и край, административныя лица, суды, внутреннія полицейскія мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападений	16.
IV. Населеніе города Казани въ XVI вѣкѣ; казанская аристократія тогдашняго времени, казанскіе опальные и переселенцы иногородные: церкви и духовенство, стрѣльцы, пушкарн, зелейщики, новокрещены	30.
V. Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворець, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбеккина башня и старшій Ханскій дворъ	72.
VI. Казанскій посадь XVI вѣка: гостинный дворъ, главныя улицы, ихъ число и направленіе: входилъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣпость прежде и во время осады ея въ 1522 г.: церкви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанскаго острога, названія ихъ русскія и татарскія	156.
VII. Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками	204.

Ливонскаго похода, у Свіяжскихъ татаръ головою былъ князь Иванъ Михайловичъ Чермный-Борятинской, а у Казанскихъ Никиф. Павл. Челчуговъ.⁽¹⁾ Татарское войско обыкновенно въ походахъ отличалось склонностью къ грабежу и жестокостями; впрочемъ въ то время подобныя качества войска не считались предосудительными: непріятельская земля заранѣе обрекалась на всевозможныя беды. Но плохо было со стороны татарскихъ витязей то, что они не умѣли отличать друга отъ недруга, когда у нихъ расходится рука. Изъ челобитной, поданной Михаилу Феодоровичу Кирилломъ игуменомъ и братією Вологодскаго Спасскаго Прилуцкаго монастыря,⁽²⁾ видно, что Касимовскіе татары, подъ предводительствомъ царя ихъ Арслана, вмѣсто защиты края отъ Польскихъ и воровскихъ шаекъ жителей Вологодскаго края грабили монастыри, нищили крестьянъ, вымучивали у нихъ деньги, вѣшая для этого людей вверхъ ногами, безъ рубашекъ сажая въ подполь, отчего люди умирали или заболѣвали на смерть.» Впрочемъ было много служилыхъ татаръ, которые своей боевою службой приобрѣтали право на вознагражденіе землями.⁽³⁾

У.

Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворець, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбекина башня и старый ханскій дворъ.

Мы говорили выше, что въ Писцовой книгѣ XVI в. первые листы, на которыхъ находилось описаніе Казанскаго Кремля, утрачены; потому возстановить очертаніе Кремля

(1) Рус. Древ. Вѣст. изд. 2-е XIV, 351 и сл.

(2) Акт. Археогр. Эксп. т. III, стр. 11—19.

(3) Акты историч. и юридич. собр. Мельникова. Т. I. №№ V, VI, VII, X, XI, XXVIII, XLVI и др.

возможно лишь по соображенію мѣсть Писцовой книги съ показаніями другихъ источниковъ позднѣйшаго времени. Остатокъ Писцовой книги начинается измѣреніемъ юго-восточнаго фаса Кремля, а именно: «отъ угольные стрѣльни до Спасскихъ воротъ каменные стѣны мѣры 26 саж., верхняго изъ оконъ 17-ть боевъ и нижняго пять боевъ.» Отъ угловой башни, стоящей противъ дома Городскаго Общества, у сѣзда въ Засыпкину улицу, до Спасскихъ воротъ дѣйствительно 26 сажень и на стѣнѣ стрѣльницъ 17, есть и нижнія амбразуры, которыхъ слѣды еще видны въ зданіи Военно-тюремнаго замка, закладены. Эта часть Казанской стѣны такъ сходна съ Московскими стѣнами, которыхъ постройка относится къ XVI вѣку, матеріаль, изъ котораго она устроена и наконецъ совершенное сходство съ описью этой части стѣны Писцовой книги не оставляютъ сомнѣнія въ ея тождествѣ съ стѣнами вокругъ Кремля, сдѣланными въ XVI вѣкѣ. Форма стрѣльницъ совершенно сходна съ стрѣльницами Московскаго Кремля около Спасскихъ воротъ, построенныхъ при Иоаннѣ III Антономъ Фрязиномъ. Мы знаемъ, что Казанскія стѣны были сдѣланы изъ бѣлаго камня. Въ Царской грамотѣ къ Новгородскимъ дьякамъ Θεодору Еремееву и Казарину Дубровскому 1555 года, 15 Декабри Грозный дѣлаетъ заботливыя распоряженія объ устройствѣ Кремлевской стѣны въ Казани. «Велѣлъ есмь, пишетъ Царь, Псковскому дьяку Шершню Билибину, да старостамъ Псковскимъ Богдану Ковырину, да Семену Мизинову, да съ ними церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву, да каменщикамъ Псковскимъ Ивашку Ширяю съ товарищи, къ веспѣ въ Казани новый городъ ⁽¹⁾ Казань камень дѣлати, прибрати двѣсти человекъ Псков-

(1) Въ нашей древней письменности слово «городъ» употребляется въ четырехъ значеніяхъ: 1) въ смыслѣ ограды или укрѣпленныхъ городскихъ стѣнъ, 2) въ смыслѣ укрѣпленной мѣстности и вообще укрѣпленнаго пункта народнаго поселенія 3) въ смыслѣ административнаго и территориальнаго центра и 4) въ смыслѣ промышленнаго центра. Здѣсь употреблено слово «городъ» въ первомъ его значеніи.

свѣхъ каменщиковъ, стѣпниковъ, да ломцовъ, сколько будетъ человекъ пригоже; да и то есьми имъ велѣлъ смѣтити и на списокъ написати, сколько тѣмъ каменщикомъ и ломцомъ надобѣ ломовые снасти, чѣмъ камень ломити, ломовъ, и кирекъ, и желнъ, и заступовъ, и лопать и иные всякія снасти, чѣмъ камень ломити. И вы бѣ, часа того, въ Новгородѣ велѣли смѣтити, сколько стаетъ въ дѣлѣ пудъ желѣза, доброго, мягкого, съ угольемъ и съ укладомъ, и что кузнецомъ отъ дѣла и казакамъ найму дати, то бѣ-есте все смѣтити порознь, да о томъ о всемъ описать къ намъ подлинно часа того. А выбрали-бѣ есте желѣзо и угладъ по ихъ любви, каково полюбятъ Посникъ съ каменщиками, да головщиками.»⁽¹⁾

Разсматривая матеріалъ, изъ котораго были складены часть Казанскихъ кремлевскихъ стѣнъ, Церковь Нерукотвореннаго Спаса (Казанская Кремлевская церковь) и нѣкоторыя части церквей: Николы-Ратнаго, Собора Преображенія Господня и Благовѣщенскаго Собора, мы невольно придемъ къ заключенію, что это есть работа Псковскихъ каменщиковъ Ивана Ширя съ брѣтїею. Матеріалъ для этихъ построекъ, очевидно, выломанный по нагорному берегу Волги известковый камень, хотя и не всегда правильной формы, но хорошо прилаженный и поставленный на известковый цементъ. Камень этотъ, какъ мы убѣдились при перестройкѣ нѣкоторыхъ частей крѣпости и именованныхъ выше церквей, очень старъ и очень проченъ. Изъ этого же камня выстроены передній фасъ крѣпости, гдѣ находится Спасскія ворота, Спасскія ворота, часть сѣверо-восточной стороны Кремля до Пятницкой церкви гдѣ стѣна дѣлаетъ поворотъ къ востоку и часть сѣверо-западной ограды Кремля, западныя кремлевскія вота, находящіяся въ Спасско-Преображенскомъ монастырѣ, противъ паперти Церкви Кипріана и Устинія и въ настоящее время закладенныя. По Писцовой книгѣ вокругъ Кремля было городской каменной стѣны 300 сажень сплошной и потомъ той же стѣны, (вѣроятно въ сѣверной сторонѣ крѣпости) между городовыхъ дубовыхъ стѣнъ—15-ть сажень. Новой городской дубовой стѣны,

⁽¹⁾ Дополн. къ Истор. Актамъ, т. I. № 82-я

сдѣланной въ 1565 и 1566 годахъ, по Писцовой книгѣ значится 197 городень, мѣрою 578 сажень. Весь Кремль составлялъ площадь, имѣвшую въ окружности 893 саж. Кремль г. Казани въ XVI вѣкѣ «отъ Воскресенскихъ и Никольскихъ воротъ, отъ городовыя стѣны, чрезъ *царевъ старый* татарскій) дворъ и отъ двора Большою улицею прямо мимо *Государевъ дворъ* (новый, русскій) до Спасскихъ воротъ имѣлъ въ длину 310 сажень, а поперегъ межъ Преображенскихъ и Никольскихъ воротъ, отъ городовой стѣны, отъ круглыя деревянная башни, по Тезицкому врагу до другіе городовыя деревянная стѣны до Дмитріевскихъ воротъ — 137 сажень» (Писц. кн. стр. 6 и 16). Эта замѣтка показываетъ: 1) что Никольскія и Воскресенскія ворота, стоя на сѣверо-западномъ углу Казанскаго Кремля на одной линіи съ Преображенскими воротами, ограничивали, вмѣстѣ съ прилежащею къ обоимъ вѣрогамъ стѣною, *сѣверо-западный* фасъ Кремля, причемъ Никольскія ворота нѣсколько выдавались на западъ, образуя исходящій уголъ; 2) что деревянная стѣна занимала часть *сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго* фронтовъ Кремля; 4) что *среднему* пункту сѣверо-западной стороны Кремля соответствовали въ сѣверо-восточной его сторонѣ Дмитріевскія или *Збойливыхъ* ворота⁽¹⁾ и противъ этихъ послѣднихъ въ сѣверо-западной сторонѣ Кремля стояла не каменная, а деревянная башня круглой формы, называемая тогда *стрѣльнею*; 5) что Дмитріевскія ворота были деревянная, такъ какъ стояли въ деревянной крѣпостной стѣнѣ, что и пояснено въ Писц. книгѣ, какъ мы увидимъ ниже, и наконецъ 6) что Дмитріевскія ворота должны соответствовать нынѣшнимъ, находящимся между Архіерейскимъ домомъ и Консисторіею. Такимъ образомъ, чтобы составить понятіе о планѣ Казанскаго Кремля въ XVI вѣкѣ у насъ есть всѣ данныя. Кремль Казани въ XVI вѣкѣ составлялъ неправильную фигуру и имѣлъ пять воротъ. Писц. книга (стр. 6) говоритъ: «а воротъ у города четверы, затворы воротныя

(1) Писц. кн., стр. 21. «Да въ городѣ же у Збойливыхъ воротъ, что нынѣ Дмитріевскія ворота, церковь Дмитрія Селунскаго».

въ каменныхъ стѣнахъ, а пятыя ворота подъ деревянною стрѣльнею.» Въ нынѣшнемъ Кремлѣ всѣ части стѣны, гдѣ предполагается прежняя деревянная стѣна, имѣютъ видъ позднѣйшей постройки; во-первыхъ, мы въ ней видимъ полное отсутствіе известковаго камня и, во-вторыхъ, у этихъ послѣднихъ нѣтъ стѣнки съ стрѣльницами. Эти позднѣйшей кладки стѣны ограничиваютъ часть нынѣшняго Казанскаго Кремля съ сѣверной и отчасти съ сѣверо-западной сторонъ. Измѣреніе площади, занимаемой нынѣшнимъ Казанскимъ Кремлемъ, почти совпадаетъ съ измѣреніемъ Писцовой книги. Геодезистъ Пестриковъ⁽¹⁾ въ XVI в. даетъ длины Кремлю 250 саж. и ширины противъ Архіерейскаго дома 120 с., а у Преображенскаго монастыря 80 саж. Для объясненія разницы въ цифрахъ, нужно замѣтить, что Писцовая книга дѣлаетъ измѣреніе длины Кремля нѣсколько наискось отъ средняго пункта сѣверо-западной стѣны къ Спасскимъ воротамъ по Большой улицѣ, что даетъ нѣсколько большее разстояніе между крайними пунктами Кремля. Другое поперечное измѣреніе Кремля 137 сажень идетъ отъ западной стороны Кремлевской стѣны до Дмитріевскихъ воротъ, которыя могли стоять въ деревянной стѣнѣ XVI вѣка нѣсколько далѣе къ сѣверо-востоку, чѣмъ нынѣшнія Пятницкія. Очень можетъ быть, что сѣверо-восточная и западная части Казанскаго Кремля, при замѣнѣ деревянной стѣны каменною, получили болѣе прямолинейное очертаніе, что уменьшало его поперечное измѣреніе. Во всякомъ случаѣ, Казанскій Кремль былъ тогда неодинаковой ширины во всѣхъ пунктахъ. По описанію старинныхъ городовъ Костомарова, города наши никогда не имѣли правильныхъ очертаній. Въ одномъ мѣстѣ стѣна суживалась на 21 саж., въ другомъ расширялась на 98-мь⁽²⁾ Пестриковъ считаетъ такъ-же, какъ и Писцовая книга, пять воротъ въ Кремлѣ и ихъ порядокъ такой: Спасскія, Преображенскія, Никольскія, Воскресенскія и Дмитріевскія. Очевидно, исчисленіе идетъ влѣво отъ Спас-

⁽¹⁾ См. Изв. по Каз. Епарх., 1871 г., № 18, стр. 3.

⁽²⁾ Очеркъ домаш. жиз. и нрав. великор. народа, 1860 г., стр. 12-я.

скихъ воротъ къ западу съверу и востоку. Съ другой стороны нынѣшній видъ Казанскаго Кремля представляетъ изъ себя вѣрный образецъ крѣпостей XVI вѣка. За древность Кремля говоритъ его сомкнутая фигура, съ одними исходящими углами, эта тонкая стѣнка (парапетъ), сдѣланная на вершинѣ самой стѣны и только-что замѣнившая старинные частоколы на городскомъ валу. Эта стѣнка доходить не до груди, какъ ее дѣлали прежде XVI вѣка, а превосходить высоту человѣческаго роста, въ стѣнѣ продѣланы стрѣльницы, нижней плоскости которыхъ данъ с амой крутой спускъ, чтобы обнаруживать лучше мѣсто около подошвы стѣны, и удобнѣе лить со стѣны въ нападающаго непріятеля варъ, смолу, нефть, бросать стрѣлы, съ которыми наши русскія войска не разставались, какъ мы видѣли выше изъ отчета Чемаданова, еще слишкомъ столѣтіе и наконецъ поражать атакующаго ружейнымъ огнемъ изъ ружницъ или ружей, наконецъ самая крѣпостная стѣна не превосходить 6-ти и 4-хъ сажень, столь обыкновенную высоту стѣны въ это время. Все это говоритъ за древность передней части Кремлевскихъ стѣнъ въ г. Казани. Въ тогдaшнее время, для усиленія обороны на исходящихъ углахъ ограда, а иногда на длинныхъ сторонахъ крѣпостной стѣны, если разстояніе между исходящими углами превышало дальность полета стрѣлы (около 250 шаговъ), располагали башни, т. е. сомкнутыя постройки въ нѣсколько этажей, съ открытою обороною на верху. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ крѣпостяхъ башни одна отъ другой отдѣлялись пространствомъ отъ 25 до 70 и даже до 150 сажень, ⁽¹⁾ да и въ одной крѣпости это пространство было неравно. Въ древней Казанской крѣпости было болѣе башенъ, но въ XVIII вѣкѣ Пестриковъ видѣлъ только четыре башни. Башни были различной формы, какъ мы видимъ и нынѣ въ Казани. Башни эти дѣлались въ нѣсколько этажей; нижніе этажи назначались для склада жизненныхъ припасовъ, оружія и другихъ средствъ обороны, а съ другой стороны могли служить безопаснымъ убѣжищемъ для обороняющихся отъ навѣснаго дѣйствія

(1) Сравни Дополн. къ Ист. Акт. Ш, 101 и П, 155.

неприятельскихъ снарядовъ. Всѣ этажи башни, за исключеніемъ нижняго, приспособлялись къ оборонѣ, для чего въ стѣнахъ башенъ продѣлывались стрѣльниці, а по изобрѣтеніи огнестрѣльнаго оружія въ каждомъ этажѣ башни дѣлались амбразуры для пушекъ. Верхняя площадка обносилась парапетомъ съ стрѣльницами и служила средоточіемъ вооруженія башни. Башни значительно превышали стѣну и превышеніе это считалось необходимымъ, во-первыхъ, чтобы имѣть возможность обозрѣвать мѣстность впереди рва, слѣдить за движеніемъ отдаленнаго неприятеля и своевременно занимать тѣ части стѣны войсками, которымъ угрожало неприятельское нападеніе; во вторыхъ, чтобы съ вершины башни нанести сильное пораженіе неприятелю, взобравшемуся на стѣну. Съ введеніемъ пушекъ орудія располагались во всѣхъ этажахъ башенъ, но преимущественно ими вооружалась платформа. Въ Казанскомъ Кремлѣ находятся башни, которыя своею формою свидѣтельствуютъ о принадлежности ихъ къ XVI вѣку. Первоначальную ихъ форму особенно можно хорошо изучить по башнѣ, находящейся во дворѣ Кремлевской Церкви, на юго-западномъ углу крѣпости, такъ какъ эта башня менѣе всѣхъ подверглась пердѣлкѣ въ позднѣйшее время. На верху этой башни еще видны доселѣ парапеты съ зубцами, назначенными для пищалей, а въ двухъ нижнихъ этажахъ находятся амбразуры на три стороны, очевидно, для тяжелыхъ орудій. Прикрытіе башни конической крышей, вѣроятно, сдѣлано въ позднѣйшее время, потому что для крышечнаго рѣшетника и балокъ нѣтъ въ стѣнѣ надлежащихъ гнѣздъ. Полы въ этажахъ башни уничтожены, но существованіе особыхъ дверей въ нижней и средней этажи доказываетъ обычное раздѣленіе башни на три яруса. При постройкѣ этой башни, а равно и стоящей недалеко отъ нея Спасской башни ясно видна попытка орудіями нижняго этажа фланкировать рва или подошву стѣнъ. Въ чемъ состояло это фланкированіе рва или подошвы стѣнъ? Несмотря на покатость къ наружной сторонѣ нижней части стрѣльницъ, обстрѣливаніе съ высоты стѣнъ и башенъ мѣстности, лежащей впереди крѣпостныхъ стѣнъ, можно было начинать лишь на извѣстномъ разстояніи отъ крѣпостной ограды; отъ этого предъ самой крѣпостью и преимуще-

ственно во рву образовывалось пространство, которое невозможно было обстрѣливать со стѣнъ крѣпости. Это пространство называется въ фортификаціи пространствомъ, лишеннымъ обороны, или *необнаруживаемымъ выстрѣлами*. Непріятель, войдя въ это пространство, по спускѣ въ ровъ, могъ утвердиться у подошвы стѣнъ, заложить тамъ мину, прикрывшись досками или брусьями, и, взорвавъ ее, разрушить часть городской стѣны, или сдѣлать въ ней проломъ, или наконецъ подставить къ внѣшней сторонѣ стѣны дѣстицы и, отвлекши чѣмъ-нибудь вниманіе гарнизона, взобраться на городскія стѣны. Для продольнаго обстрѣливанія внѣшней стороны стѣнъ, сначала придумали строить во рвахъ крѣпости невысокія сооруженія, которыя пресѣкали ровъ подъ прямымъ угломъ; изъ боковыхъ стѣнъ этихъ *казематовъ* дѣйствовали ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но, разумѣется, непріятель не дремалъ и тотчасъ же бралъ эти плохо укрѣпленныя зданія. Тогда придумали башни выдавать болѣе изъ линіи крѣпостныхъ стѣнъ и въ бокахъ ихъ дѣлать амбразуры для орудій, изъ которыхъ можно было бы продольными выстрѣлами, параллельно направленію городскихъ стѣнъ, очищать ровъ и подошву стѣнъ отъ непріятеля. Точно такіе сооруженія мы видимъ въ Казанскомъ Кремлѣ. Въ нижнемъ этажѣ Спасской башни есть нижнія амбразуры для продольнаго обстрѣливанія подступовъ стѣнъ; кромѣ того съ обѣихъ сторонъ для этой цѣли сдѣланы особыя пристройки съ парапетами и съ стрѣльницами, имѣющими отлогую снаружѣ нижнюю часть или подошву. Позади Консисторіи находится до сихъ поръ стѣнка, какъ-будто, каземата, назначеннаго для обстрѣливанія Тезицкаго оврага или балки, оканчивавшейся Щельскими воротами. Особенность ея продольныхъ амбразуръ состоитъ въ сквозныхъ прорѣзахъ надъ нѣкоторыми амбразурами; такіе прорѣзы назначались для выхода дыма отъ выстрѣла. Въ сѣверо-восточной стѣнѣ прорѣзы сдѣланы, но очень грубо, въ стрѣльницахъ выше ихъ свода. Но въ Казанской кремлевской стѣнѣ нѣтъ навѣсныхъ стрѣльницъ или *машисулей*, которыя поражаютъ насъ своею ясностію въ совершенно позднѣйшихъ русскихъ крѣпостныхъ постройкахъ, напр. въ Варварскихъ воротахъ въ Москвѣ, въ стѣнахъ Девичьяго и въ воротахъ

Казанскаго монастырей въ Казани. Машикули эти состояли въ выступахъ въ верхней части стѣны; въ нижней части этихъ выступовъ дѣлались отверстія, чрезъ которыя осаждающій могъ поражать навѣсными выстрѣлами непріятеля, находящагося вблизи крѣпостной стѣны. Наконецъ въ некоторыя части Кремлевской стѣны укрѣплены присыпкою сзади стѣны землею, которая образуетъ нѣчто въ родѣ вала со внутренней стороны крѣпости,— фортификаціонный пріемъ XV вѣка, имѣвшій своею цѣлю уменьшить въ примыкавшей къ валу стѣнѣ сотрясеніе, производимое непріятельскими ядрами. Въ сѣверной части Казанскаго Кремля стѣны лишены парашета съ стрѣльницами, но за то имѣютъ что-то въ родѣ бруствера и эскарпа, которые, какъ извѣстно, вошли въ нашу инженерную науку со временъ Петра Великаго. Наконецъ можно замѣтить, что внѣшняя линія Казанскихъ городскихъ стѣнъ у подошвы оканчивалась крутыми земляными спусками и обрывами; бульвары вокругъ Кремля устроены очень недавно изъ присыпной земли.

Затѣмъ попытаемся рѣшить вопросъ: въ такомъ-ли видѣ, какъ нынѣ, существовала въ XVI вѣкѣ Спасская башня Казанскаго Кремля? Вопросъ этотъ чрезвычайно труденъ для рѣшенія и очень можетъ быть, что послѣ нашихъ соображеній, которыя мы намѣрены представить читателямъ, вопросъ останется по прежнему открытымъ. Определить древность какого-либо зданія весьма трудно, потому что у насъ на Руси очень часто одинъ вѣкъ повторялъ архитектурный стиль другаго вѣка. Подражаніе это въ Россіи иногда тянется чрезъ нѣсколько столѣтій.

Древность зданія опредѣляется прежде всего матеріаломъ, изъ котораго оно построено. Мы выше сказали, что главнымъ матеріаломъ для постройки нижняго этажа Спасской башни служилъ мѣстный известнякъ. Ворота оканчиваются сводомъ изъ кирпичей, изъ кирпича же складены второй и третій этажи башни. Своды воротныхъ арокъ выведены изъ бѣлаго камня. Кирпичи, изъ которыхъ сдѣлана Спасская башня, въ длину $6\frac{3}{8}$ вершка, шириною $3\frac{1}{8}$ вершки и вышиною въ $1\frac{1}{8}$ вершка; вѣсомъ кирпича отъ $14\frac{1}{2}$ до 16-ти фунтовъ. Они плоски, неровны, темно-краснаго цвѣта и очень тверды; въ облицовкѣ верхней части башни попадаетъ кирпичъ позд-

вѣйшей обработки, потому что башня, какъ мы знаемъ, была повреждена выстрѣлами изъ пушекъ, поставленныхъ Пугачевымъ на паперти надворотной Гостинодворской церкви. Большой кирпичъ, изъ котораго сдѣлано зданіе, принадлежитъ, по своей формѣ, къ XVI в. Прежде кирпичъ дѣлали на Руси не въ ящикахъ или формахъ, какъ нынѣ, а совершенно первобытнымъ способомъ: на полъ кирпичнаго завода настилагся слой хорошо промѣшанной глины и прижимался рядомъ досокъ и стойками, утвержденными въ балки сарая. Послѣ этой операціи слой глины разрѣзывался на кирпичи, которые сначала просушивались на медленномъ огнѣ, а потомъ хорошо обжигались. Ручная разрѣзка кирпича дѣлала его неправильной формы и мѣры.

Съ другой стороны архитектурная форма карнизовъ около оконъ Спасской башни, выдѣляемыхъ изъ простаго, а не изъ лекальнаго кирпича, простая квадратная форма (ширинки) украшеній изъ кирпича, а не изъ бѣлаго камня расшивкой (или гусенкомъ), какъ дѣлалось въ позднѣйшее время, на парапетахъ башни, а подъ парапетомъ пояски изъ кирпича, поставленнаго на ребро,—словомъ всякое отсутствіе валиковъ съ гранями, колонокъ, полуколонокъ, полукружій съ фризами, колонокъ съ дынями и т. п. и вообще всѣхъ затѣливыхъ и разнообразныхъ архитектурныхъ украшеній, на которыя такъ была щедра архитектура XVII вѣка, (1) по нашему мнѣнію, доказываютъ происхожденіе Спасской башни въ XVI вѣкѣ. Точно такія же украшенія на парапетахъ употреблялись въ современныхъ построенію Казанскаго Кремля зданійхъ, напр. въ зданіи Часовни близъ Переяславля-Залѣскаго, 1557-го года. Осматривая внутреннюю постройку башни, вы видите простую, аляповатую работу русскихъ мастеровъ, осторожныхъ, несмѣлыхъ, заботившихся прежде всего о прочности кладки. Своды башни пологи, какъ будто, мастера старались избѣгнуть сферической формы, оштукатурка стѣнъ сдѣлана не наброской по лекалу, а

(1) См. О различныхъ архит. украш. древняго русскаго искусства, въ Труд. Москов. Археол. Общ. Томъ I, стр. 6—12.

чрезъ простую обмазку лопаткой тонкимъ слоемъ извести по кирпичу и притомъ известью только-что обожженною, что придавало такую невѣдомую нашимъ современнымъ зданіямъ прочность.

Внѣшній видъ Спасской башни не представляетъ дисгармоніи между украшеніями того или другаго этажа, напротивъ во всей постройкѣ видна гармонія и та красота, которая присуща нашимъ древнимъ постройкамъ. Верхняя часть башни оканчивается особою башенкою, поставленною на платформѣ. Эта башенка такъ напоминаетъ намъ башенки *донжоновъ* въ укрѣпленныхъ замкахъ XIV и XV вѣковъ (напр. въ замкѣ Гиллярѣ, во Франціи), но отличается отъ нихъ чисто-церковнымъ характеромъ постройки, съ сквозными арками и даже прорѣзными окнами въ шатровой крышѣ, для прохода звука отъ колоколовъ. Форма шатра, которымъ заканчивается Спасская башня, напоминаетъ верхи современныхъ ей Кремлевскихъ башенъ въ Москвѣ, Сновидскую монастырскую колокольню (близъ Владимира на Клязьмѣ), построеніе которой относить къ Казанскому походу, или колокольню Старицкаго Собора, выстроенную въ 1558 году. (1)

Писцовая книга не упоминаетъ о Спасской башнѣ, но она не упоминаетъ о всѣхъ башняхъ и воротахъ всего Казанскаго Кремля; описаніе внѣшней Кремлевской ограды потеряно. Что касается до рисунка Казани, приложеннаго къ путешествію XVII вѣка Адама Олеарія, (2) то на немъ всѣ башни Казанскаго Кремля отличаются единообразіемъ, а внутренность Казанскаго Кремля совершенно неправдоподобна. Рисунокъ этотъ, вѣроятно, простой набросокъ съ Услонской горы, измѣненный еще болѣе по личному вкусу гравера. Въ этомъ рисункѣ дороги намъ его общія черты, а не детали. Наконецъ изъ описанія Писцовой книги мы не видимъ на Спасской башнѣ набатнаго колокола, находящагося тамъ нынѣ; онъ висѣлъ на особой рубленой часовнѣ по лѣвую сторону Спасскихъ воротъ. Но мы знаемъ, что и въ Москвѣ такой же колоколъ висѣлъ не на Спасской башнѣ, а на

(1) Русск. Старина Мартынова, 1867 г., стр. 24 и 29.

(2) См. франц. изданіе 1727 года *Voyages du s. Adam Olearius*. Amsterdam., стр. 411.

особой башенкѣ рядомъ. Колоколъ, теперь висящій на башнѣ, имѣеть слѣдующія изображенія: Образъ Спасителя, Божіей Матери Казанской, Николая Чудотворца и мученицы Софїи и трехъ ея дочерей—Вѣры, Надежды и Любви; надписей на немъ нѣтъ, а есть нѣсколько фигурныхъ поясковъ. Вѣсу въ немъ болѣе 40 пудъ. По старинному обычаю, въ этотъ колоколъ и доселѣ бьютъ *сполохъ* или набатъ во время Казанскихъ пожаровъ и звукъ его рѣзкій и высокій разносится по всей Казани, такъ какъ Спасская башня составляетъ самый высокій пунктъ Казани.

На лицевой юго-восточной сторонѣ Спасской башни, выше воротъ поставленъ на цементѣ въ особой рамѣ Образъ Спаса Нерукотвореннаго, очень большихъ размѣровъ. Образъ этотъ, какъ и самая Церковь Спаса Нерукотвореннаго, имѣеть свою исторію.

Въ Казанскомъ походѣ при Іоаннѣ IV было великокняжеское большое знамя, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа Спасова. Оно играло весьма важную роль при взятіи Казани. Предъ этимъ знаменемъ духовенство, бывшее при Русскомъ войскѣ, служить молебенъ, когда наша боевая армія начинаетъ развертываться, чтобы занять предназначенныя ей мѣста около Казани. Страстный характеръ Іоанна не преминулъ проявиться при этомъ,—онъ льетъ слезы, смотря на Образъ Спасителя и выражаетъ непоколебимое упованіе на одолѣніе противниковъ. Лѣтописцы влагають въ уста Царя витіеватую рѣчь къ войску и воеводамъ и приводятъ отвѣтныя рѣчи Владиміра Андреевича отъ лица воеводъ и войска. Этотъ эпизодъ изъ Казанской осады оканчивается молитвой Іоанна предъ образомъ.⁽¹⁾ Все это очень правдоподобно, если мы припомнимъ, что Грозный любилъ поговорить и говорилъ витіевато, какъ большой начетчикъ. Далѣе это знамя играетъ видную роль въ послѣдній моментъ Ка-

⁽¹⁾ См. Царств. кн., стр. 265 и 266. Ср. Ник. лѣт. Акад. изд., ч. VII, стр. 151. Соф. Лѣт. въ Полн. собр. Рус. Лѣтописей, ч. VI, стр. 312 и Курб., стр. 20-я. Въ Ист. о Каз. царствѣ рѣчь Царя отнесена ко 2-му Октябрю (стр. 225).

занскаго штурма. Городъ занятъ русскими, но татары еще не сдались, еще остается горсть храбрецовъ, которые бьются съ русскими въ сѣверной части города и даже переходятъ къ наступленію, когда замѣчаютъ, что часть русскихъ бросилась грабить городъ. Моментъ рѣшительный, Казань можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ, и вотъ Іоаннъ, по совѣту приближенныхъ, двигается со знаменемъ въ Казань и вводитъ въ битву 20000 лучшаго войска. Казань взята, царь повелѣваетъ ставить церковь⁽¹⁾ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло Царское знамя или даже вокругъ знамени. Построеніемъ церкви и освященіемъ ея оканчивается великій день взятія Казани.

Обыкновеніе, свойственное всѣмъ древле-русскимъ городамъ, ставить на городскихъ воротахъ образъ въ честь какого-либо большаго праздника или святаго и называть по имени образа ворота, а иногда ставить на воротахъ церкви (напр. въ Кіевѣ надъ Золотыми вратами) повторилось и при постройкѣ новой христіанской Казани. На миниатюрѣ Годуновской Псалтири Соловец. Библиот. видны ворота съ башенкою и съ иконою (стр. 26). Образъ, находящійся на воротахъ Казани, въ настоящее время огражденный особой балюстрадою съ лѣстницами съ обѣихъ сторонъ, во имя Спаса Нерукотвореннаго носитъ на себѣ слѣды древности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позднѣйшихъ поправокъ. Народное преданіе относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ образу современному съ покореніемъ Казани. Въ Казани давно существовало сказаніе, что Образъ, поставленный на Спасскихъ воротахъ, сдѣланъ не только по образцу, но и по мѣрѣ знаменитаго знамени Царя Ивана Васильевича, на которомъ находилось изображеніе Спасова Нерукотвореннаго Образа, а вверху водруженъ былъ тотъ самый крестъ, который сопутствовалъ Дмитрію Донскому на Куликовскую битву.⁽²⁾ Это преданіе вполнѣ подтвердилось при изданіи въ 1865 году подробнаго описанія старинныхъ русскихъ знаменъ,

⁽¹⁾ Царств. кн., стр. 310. Низ. лѣт., стр. 181. Соф. лѣт. стр. 314. Ист. о Каз. цар., стр. 248-я.

⁽²⁾ Царств. княга, 264 стр.

хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ. ⁽¹⁾ Оказалось, что знамя 1552 года хранится въ Оружейной Палатѣ, подъ № 3572, и мѣра его сходна съ мѣрою образа, находящагося на Спасскихъ воротахъ г. Казани. Любопытна дальнѣйшая судьба этого знамени. По возвращеніи изъ Казанскаго похода, это знамя хранилось *въ хоромахъ Государя на верху*, и въ 1686 году оно было при походѣ русскихъ въ Крымъ съ Княземъ Василиемъ Голицынымъ, потомъ подъ Азовымъ; въ послѣдній разъ оно является въ Шведскомъ походѣ въ Большомъ полку у Генер. Фельдмарш. Бориса Петровича Шереметева.

Начнемъ описаніе Казанскаго Кремля по Писцовымъ книгамъ.⁽²⁾

Спасскія ворота Казанскаго Кремля представляли, какъ и нынѣ, квадратное зданіе, сложенное частью изъ бѣлаго известковаго камня, частью изъ кирпича. Въ ворота входили съ востока и выходили изъ-подъ свода воротъ въ Кремль съ сѣвера. Восточную воротную арку и въ настоящее время мы находимъ въ прежнемъ ея видѣ, сѣверная занята недавно—въ семидесятомъ году архивомъ Контрольной Палаты и вовсе закладена. Въ восточной

⁽¹⁾ Древн. Рос. Госуд. Дополн. Ш. Отд. Рус. стар. знамена. Москва. 1865 г. II разд. гл. I, стр. 1—3.

⁽²⁾ Нахожу нужнымъ разъ навсегда сдѣлать оговорку, что всѣ свои предположенія объ архитектурныхъ особенностяхъ Казанскихъ зданій, древ. образахъ и утваряхъ я никогда не считаю неоспоримо вѣрными, какъ нельзя считать ничего непреложнымъ въ нашей русской археологій, наукѣ еще новой, наукѣ будущаго. Шаткость выводовъ, археологій доказываютъ намъ недавнія раскопки въ Троѣ, исторія съ Синаитской библіей Тишендорфа и исторія съ монетой Игоря, найденной Кене. Всякую поправку я приму съ благодарностію, потому что *errare humanum est*, лишь бы только эта ошибка не имѣла ничего общаго съ іезуитскимъ *ria fraus*. Если я былъ введенъ въ ошибку, то вина въ этомъ падеть на тѣхъ лицъ, которыя посѣщали Казань и выказывали свою компетентность въ Археологическомъ дѣлѣ, которое нельзя изучать по книгѣ, особенно живя въ провинціи.

аркѣ видны еще до сихъ поръ слѣды прорѣзовъ для опускаемыхъ рѣшетокъ или *герсовъ*, которыми замыкались ворота въ мирное время на ночь; онѣ охранялись особыми сторожами *рѣшеточными*. Во время осады ворота съ обѣихъ арокъ запирались деревянными, обитыми толстымъ листовымъ желѣзомъ, створами, а внутренность воротъ между входными арками заваливалась камнемъ или землею. Войдя въ первую арку воротъ, вы встрѣчаете дверь, ведущую на одну изъ боковыхъ стѣнокъ съ амбразурами, находящуюся съ запада надворотнаго зданія. Войдя на площадку этой боковой стѣнки по лѣстницѣ, вы поднимались и проходили въ самую церковь Нерукотвореннаго Спаса, чрезъ южную дверь. Площадка не имѣла крыши и могла служить папертью для церкви. При перестройкѣ, входа въ Кремлевскую церковь въ 1870 году, обнаружилось, что слуги крыши для рѣшетки и балки положены прямо на стѣну паранета а гнѣзда для нихъ вырублены въ кирпичной кладкѣ. На паперти висѣло два колокола—пожертвованіе Царя Іоанна IV. Въ Писцовой книгѣ пишется: «На *большихъ* Спасскихъ воротахъ Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа, ⁽¹⁾ строеніе все изъ Государевы казны. . . . да у церкви на паперти два колокола.» Внутренность церкви Спасова Нерукотвореннаго Образа въ XVI вѣкѣ представлялась въ такомъ видѣ. Въ церковномъ иконостасѣ въ одномъ ряду стояли образа Царскаго пожертвованія, а именно—по правую сторону Царскихъ вратъ, сдѣланныхъ *на лазурн*, поставленъ былъ храмовой Образъ Спасителейъ, полторы пядицы ⁽²⁾ мѣрою; онъ былъ обложенъ серебромъ и зо-

(1) Писц. кн. 19—20 стр. Нужно различать въ Писцовой книгѣ слова: *поставленіе* и *строеніе*; первое обозначаетъ собственно внѣшнее церковное строеніе, а второе—все внутренне украшеніе, какъ-то: утвари, образа ризница и т. п. Ср. той же кн. стр. 10.

(2) Въ Академич. словарь, изданномъ въ прошломъ столѣтіи, слово *пядь* толкуется такъ: линейная мѣра, равная длани, заключающейся между растянутымъ большимъ и указательнымъ перстами. Въ Церковномъ словарь Прот. Алексѣева (изд. 1815 г.) слово *пядь* объясняется нѣсколько

лотомъ съ вѣнцомъ выбитымъ (т. е. чеканнымъ). По лѣвую сторону Царскихъ вратъ стоялъ Образъ Одигитрія, Вратарницы Смоленской, стоящей и пивѣ на главныхъ воротахъ этого древняго Русскаго города. Образъ Успенія и Образъ Умиленія или Псково-Печерской Пресв. Богородицы (празднуемой въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ) стояли въ прочихъ мѣстахъ иконостаса. За престоломъ возвышался Образъ Спаса-Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ. Низкій иконостасъ, вѣроятно, имѣлъ двое дверей, т. е. Царскія и Сѣверныя, какъ обыкновенно устраивались наши древніе иконостасы и, какъ видно изъ Писц. книги, строились и Казанскіе иконостасы въ XVI вѣкѣ: въ описаніи Казанскаго Благовѣщенскаго Собора (10 стр.) сказано: «двери Царскія, да двери *сиверскія* на золотѣ.» И. М. Снегиревъ въ «Русской Старинѣ въ памятникахъ зодчества» (изд. 1860 г. т. 6-й 39-я стр.), по поводу описанія иконостаса въ селѣ Деулянѣ, говоритъ: «Въ церкви одиѣ только сѣверныя двери, въ кон, по чиноволоженію, на утрени Свѣтлаго Воскресенія исходилъ Настоятель на лѣтню въ притворъ.» Древняго иконостаса Кремлевской Церкви, разумѣется, не сохранилось, онъ сгорѣлъ въ 1815 году: при этомъ пожарѣ сгорѣлъ потолокъ и полъ Церкви Нерукотвореннаго Спаса, что на вратѣхъ, но не сгорѣлъ, по преданію, Образъ надъ воротами; у него, какъ говорили Казанскіе сторожилы, даже стекло въ рамѣ осталось цѣлымъ во время этого ужаснаго пожара, истребившаго весь Казанскій Кремль. Другія пожертвованія Грознаго въ церковь состояли: въ мѣдномъ *вольячномъ* воздвизальномъ крестѣ, точно такомъ-же, какой мы ви-

иначе: Пядь, пядень, — мѣра длины, состоявшая изъ трехъ дланей, а каждая длань въ четыре перста, въ перстѣ-же по четыре грани, т. е. зерна (*granum*). Мѣра эта взята изъ Свящ. Пис. Псал. XXVIII, 6, Ис. XL, 12, Суд. III, 5. Конечно, пальцы считались въ поперечномъ ихъ размѣрѣ, а не въ продольномъ. Мы знаемъ что сажениая мѣра употреблялась у насъ еще въ XI вѣкѣ, но раздѣленіе ея было, по всей вѣроятности, не вездѣ одинаково. Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году установилъ указомъ счятать въ Россіи сажень въ 3 аршина.

димъ въ Спасскомъ монастырѣ. (1) Крестъ этотъ былъ большой, употреблявшійся для воздвиженія при извѣстныхъ церковныхъ празднествахъ, когда Настоятель выноситъ его на главѣ въ сѣверныя врата на средину церкви. На одной изъ миниатюръ Псалтири конюшеннаго Боярина Дмитрія Годунова, (Солов. Библ.), стр. 357, изображено Воздвиженіе Креста. Настоятель несетъ на головѣ очень большой крестъ, который онъ держитъ надъ головой за рукоятку. Другой крестъ былъ деревянный «рѣзанъ на деревѣ». Евангеліе было также въ мѣдной оправѣ «поволочено бархатомъ посконнымъ.» (2) Мы видѣли выше, что при Кремлевской церкви состояло два священника; вѣроятно это было сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы служба предъ Нерукотвореннымъ Спасовымъ Образомъ,

(1) Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ есть крестъ деревянный, обитый басменомъ; на немъ золоченое изображение Спасителя съ прямо-распростертыми руками и надписью: И. Н. Ц. І. Сверху прикили два Ангела и Херувимъ, какъ изображаются они на нашихъ старинныхъ мѣдныхъ литыхъ крестахъ.

(2) Атласъ гладкая, — гляцовитая матерія, вышедшая къ намъ изъ Персіи; атласъ былъ и шелковый и посконный, сдѣланный изъ *пелюки* или поскови. — Вообще насъ можетъ удивить эта бѣдность жертвъ Царскихъ, особенно когда мы увидимъ въ послѣдствіи, что и въ другія церкви Казани эти пожертвованія сдѣланы были и еще въ меньшемъ размѣрѣ (напр. деревянные сосуды). Этому причиной цѣнность въ тогдашней Россіи благородныхъ металловъ. Какъ дорого было серебро и какъ наши Цари дорожили серебромъ и золотомъ, видно изъ слѣдующаго наивнаго разсказа Котошихина. Иные иностранные послы, когда за царскими обѣдами Царь присылалъ имъ, ромашею и медъ, выпивъ присланное, вляли за пазаху кубки и сосуды серебряные, «когда-де Царь пожаловалъ ихъ питьемъ и тѣмъ (со)судамъ годиться быть у нихъ.» Кубки не находили возможнымъ отбирать силою, да и споровитися съ бусурманомъ въ стыдъ, то для такихъ *безстыдныхъ* пословъ дѣлали нарочно въ Аглинской землѣ сосуды мѣдные посеребренные и позолоченные.» (стр. 57).

имѣвшимъ также важное значеніе при Казанскомъ взятіи, продолжалась всегда. Отъ русскаго духовенства Іоаннъ требовалъ неопустительнаго совершенія церковнаго Богослуженія, съ угрозой лишенія руги, какъ говоритъ 30-е правило Стоглава. (Издан. Кожанчикова, 101 стр.) Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа числилась первою изъ городскихъ церквей послѣ Собора и его приделовъ, какъ видно изъ Писцовой книги. При церкви былъ полный причтъ; два священника, дьячекъ, пономарь и просвирница. На церковное вино, на ладанъ и *теміанъ* выдавались отъ казны деньги. Теміаномъ называется растеніе *tymus*; едва-ли это не *Божье дерево*, которое бѣлоруссы зовутъ и доселѣ *темьяномъ*; впрочемъ у насъ были особые темьянные мастера, приготовлявшіе темьянъ изъ ладона, воска и различныхъ травъ. (1)

Спасская церковь, по всей вѣроятности, числилась при Царскомъ Дворцѣ, который стоялъ рядомъ съ нею тамъ, гдѣ нынѣ находится Военно-тюремный замокъ. И доселѣ сохранились слѣды хода изъ дворца въ Спасскую церковь по городской стѣнѣ и по боковой оборонительной стѣнѣ въ второй этажъ Спасской башни и изъ него особою дверью въ церковь, также сохранившеюся въ церкви доселѣ около праваго клироса. Очень можетъ быть, что чрезъ этотъ ходъ, закрытый со стороны Кремля, въ церковь ходили боярыни изъ Царскаго Дворца, по правиламъ тогдашней затворнической тюремной жизни, тщательно скрываясь отъ посторонняго глаза. Въ этомъ случаѣ высшія сословія вездѣ и всегда любятъ подражать обычаямъ двора. Но мы знаемъ, что наши Царицы очень строго придерживались старинныхъ обычаевъ, по которымъ Царицу не долженъ былъ видѣть никто изъ подданныхъ. Даже въ томъ случаѣ, когда она шла въ церковь, по словамъ Котошихина, вокругъ нея несли суконныя полы для того, что *люди зрѣть ее не могутъ*, да и въ церкви становилась она въ *скрытомъ мѣстѣ*, завѣшанномъ легкою тафтою; (2) а когда прѣзжала въ мона-

(1) См. Акт. Археогр. Эксп. III, 191. Нынѣ въ Малороссіи для кажденія смѣшиваютъ при Богослуженіи ладонъ съ ягодами и хвоеми можжевеловаго кустарника.

(2) Котоших. стр. 14-я § 29.

стырь, то монахи не смѣли выходить изъ келлій. Тоже мы видимъ и въ жизни бояръ и боярынь. Какъ въ Царскомъ дворѣ Цари и Царицы слушали ежедневно службы церковныя у себя въ домѣ, въ моленной или домовой церкви, такъ и у бояръ большой и средней статей заутреню и часы, и молебенъ, и вечерню ежедневно отправляли священники *въ ихъ хоромлахъ*, а у обѣдни бывали они въ церквахъ, кто гдѣ прихождъ (своего прихода. ⁽¹⁾ Жены Казанскихъ Большихъ Бояръ и Воеводъ были непременно боярыни близкія къ царицѣ, и потому высокаго тона, усвоившія вполне обычаи двора. У Котошихина есть любопытное извѣстіе, что Царскія кормилицы-боярыни за свою службу жаловались Царемъ тѣмъ, что мужья ихъ посылались на воеводство въ города. ⁽²⁾

Описывая Спасскую Церковь, нельзя не указать древней формы лицеваго фасада этой церкви, обращеннаго внутрь Кремля. Фасадъ выдѣланъ жалобами, которые оканчиваются закамарами. Въмѣсто древнихъ узкихъ оконъ въ 1839 году, въ церкви пробиты окна широкія, испортившія фасадъ. Сойдемъ съ церковной паперти и войдемъ въ Кремль XVI вѣка. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Военно-тюремный замокъ, а нѣсколько лѣтъ назадъ помѣщались Главная Гаубвахта и Ордонанъ-Гаузъ, стоялъ Царскій Дворецъ, занятый въ 1566 году Большимъ Воеводою Казанскимъ княземъ Петромъ Булгаковымъ. (Исц. кн. стр. 33.) Ширина Дворцовой ограды, которая начиналась прямо отъ Спасскихъ воротъ (нынѣшнія ворота въ стѣнѣ пробиты въ 1840 году), была 25 сажень, слѣдовательно ограда оканчивалась, не доходя нѣсколько сажень до угловой башни или стрѣльни. ⁽³⁾ Въ длину дворъ

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 122-я.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 14. § 28. Мы приводимъ въ нашей статьѣ показанія Котошихина, хотя онъ жилъ въ XVII вѣкѣ; но строй русской старинной жизни образовался не въ одно столѣтіе и былъ настолько консервативенъ, что не допускалъ нововведеній. Показанія Котошихина отличаются совершенною откровенностью, — онъ писалъ свои записки вдали отъ Москвы.

⁽³⁾ Въ настоящей крѣпости отъ Спасскихъ воротъ до угловой башни 28 сажень.

простирался на 60 сажень. «Ставятся, говоритъ Писцовая книга, на Государевомъ дворѣ Государевы Царя и Великаго Князя Воеводы Большіе» (стр. 33.) Дворъ Царя и Великаго Князя не поражалъ ни своимъ внѣшнимъ великолѣніемъ, ни обширностію своего внутренняго помѣщенія. Онъ, вѣроятно, стоялъ со всеми пристройками, посреди довольно обширнаго двора, огражденнаго заборомъ, съ узорчатыми крытыми воротами, съ различными воротными украшеніями и даже надворотной башенкой, образецъ какихъ мы видимъ въ Житіи Преп. Сергія XVI вѣка. (1) Домъ глядѣлъ на дворъ слюдяными окнами, небольшими, узкими. Въ Россіи лишь при Алексѣѣ Михайловичѣ начали дѣлать стекло. Слюдяныя окна отличались мелкимъ, узорчатымъ желѣзнымъ переплетомъ. Матеріаломъ для построекъ Казанскаго Дворца, домовъ и почти всехъ церквей было дерево; матеріалъ этотъ въ изобиліи доставляла Казанская страна. Дома въ Казани XVI вѣка, вѣроятно, строились изъ толстыхъ бревенъ, между которыми бревна 10—12 вершковъ въ отрубѣ не считались особенною рѣдкостью. На Казанскомъ Пороховомъ заводѣ въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія еще существовалъ домъ одного дряхлаго пороховщика, — по преданію, одинъ изъ первыхъ домовъ, выстроенныхъ при Екатеринѣ II, при основаніи завода, изъ деревьевъ на этомъ мѣстѣ стоявшаго лѣса. Деревья этого дома были 14—16 вершковъ въ отрубѣ. Царскій Дворецъ составляла еловая (онаже и зимняя пріемная), передъ которой во всю длину дома стояли сѣни на столбахъ, вѣчто въ родѣ холоднаго жилья или пріемной, гдѣ ожидали боярина его подначальные люди, какъ ожидали на боярской площадкѣ въ Московскомъ Кремлевскомъ Дворцѣ бояре и прочіе чины двора Царя. «А когда лучитца Царю сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣла или слова разговорные говоритъ, рассказываетъ Котошихинъ, (2) и бояре стоятъ передъ нимъ все, а пристануть, стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣти на дворѣ.» Чинопочтаніе строго соблюдалось и Намѣстниками въ городахъ. Пріемная Казанскаго

(1) Тр. Моск. Арх. Общ. Прибавл. стр. 20.

(2) Котош. стр. 24-я.

Дворца были очень скромныхъ размѣровъ; *столовая* была шести сажень межъ угловъ, а *сѣни* были въ длину 7-ми сажень безъ локтя, а въ ширину 6-ти сажень. Столовая стояла на *подклѣтѣ*. Подклѣтъ составлялъ нижній этажъ жилого зданія и преимущественно назначался для храненія жизненныхъ припасовъ. На сѣняхъ былъ чердакъ. Чердакъ строился надъ сѣнями и надъ горницами или жилыми строеніями, составляя часто особую пристройку иногда довольно вычурную, какъ мы видимъ на рисункахъ къ извѣстному житію Бориса и Глѣба и житію Пр. Сергія. При Царскомъ Дворцѣ кромѣ того стояли горницы, постельныя или ложницы и повалуши. Онѣ не отличались также обширностію. «Горница постельная съ комнатою передней; постельная была мѣрою 4-хъ сажень межъ угловъ, а комната 3-хъ сажень межъ угловъ, да передъ горницею сѣни на подсѣнь и въ длину 5 саж. а поперегъ 5 саж. съ локтемъ, да повалуша трехъ сажень съ локтемъ; да по сторонѣ повалуши чердакъ на столбахъ, а по сторонѣ горницы и комнаты крыльцо на столбахъ проходное, горница задняя постельная съ комнатою (3 саж.)... да передъ горницею сѣни... да по сторонѣ горницы и комнаты крыльцо на столбахъ проходное» (стр. 33.) Такъ описываетъ намъ Писцовая книга Казанскій Государевъ Дворецъ. Изъ описанія видно, что это было довольно приземистое зданіе, съ многочисленными пристройками неправильнаго вида, съ тѣсными комнатами, съ нѣсколькими крыльцами и повалушами. *Горница*, какъ самое названіе показываетъ, было строеніе горнее или верхнее, но оно не означало самый верхній этажъ зданія, а всегда располагалось въ среднемъ. Подъ именемъ *повалуши*, по мнѣнію гр. Уварова, должно разумѣть комнату, принадлежащую къ женскому отдѣленію, лежащую въ срединѣ жилыхъ покоевъ.⁽¹⁾ *Чердакъ* собственно означалъ теремъ, онъ дѣлался свѣтлѣе, убирался роскошнѣе прочихъ комнатъ.⁽²⁾ На хоромехъ Казанскаго дворца были выстроенны чердаки или терема для женщинъ, въ которые входили отдѣльными крыльцами, такъ какъ женская поло-

(1) Очер. жиз. вел. нар. стр. 43.

(2) Тамъ-же, стр. 31.

вина была недоступна никому изъ постороннихъ. Верхъ дворца оканчивался, вѣроятно, высокой тесовой крышей съ слуховыми окнами, крыльцо было устроено бочкою, ⁽¹⁾ какъ мы видимъ на тогдашнихъ деревянныхъ Царскихъ Дворцахъ. У оконъ висѣли рѣзныя полотенца, а концы крыши украшены были разнообразными деревянными рѣзными подзорами. На дворѣ Царскаго Дворца находился ледникъ, а подъ каменною угловою башнею—погребъ и нынѣ существующій: въ Кремлевской стѣнѣ были двѣ палатки, да въ стѣнѣ-же устроены были двѣ печи, да на дворѣ изба хлѣбная и поварня досчаная: въ первой приготовлялось преимущественно все хлѣбное, а во второй приготовлялись различныя питья. Позади Царскаго двора шла улица, на которую выходили заднія ворота Царскаго двора.

Вотъ планъ и внутреннее устройство Царскаго Казанскаго Дворца. Въ немъ протекала жизнь Казанскаго Намѣстника, прерываемая бранными тревогами, частными посылками стрѣльцовъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ на Арскую землю, на мятежныхъ черемисъ и чувашъ, всегда почти оканчивавшимися побѣдою русскихъ и взятіемъ въ плѣнъ толпы возстававшихъ. Для острастки съ плѣнными поступали безъ милосердія. Въ лѣтописяхъ мы читаемъ въ родѣ слѣдующихъ замѣчаній «25 Декабря 1553 года, которые Казанцы *хотѣли лихо чинити*, Тугаевы дѣти съ товарищами, побили ихъ (посланныя войска), а досталь переймавъ (поймавши) 38 человекъ въ г. Казань привели, и воеводы ихъ велѣли за ихъ измѣну перевѣшати.» Подъ 20-мъ числомъ того же года читаемъ, что Борисъ Салтыковъ перевѣшалъ многихъ плѣнныхъ, *что воровали*, 70 человекъ около Свіяжска. ⁽²⁾ Этими казнями разнообразилась жизнь Казани въ XVI вѣкѣ. Обыденная жизнь бояръ нарушалась церковными празднествами, крестными ходами и празднованіемъ царскихъ дней. Случалось при

(1) Такъ называлась въ деревянномъ зодчествѣ кровля, устроенная въ видѣ положенной надъ зданіемъ бочка. Бочки ставились или рядомъ, или съ трехъ сторонъ, и сверху оканчивались остриемъ или гребнемъ, узорчатой прорѣзной доской, а бока бочки обшивались въ стрѣльбу.

(2) Щербат. Стр. 283 и 284.

Царскомъ дворѣ какая-либо радость: свадьба-ли царская или рожденіе царевича или царевны, и тогда наѣзжали изъ Москвы посланные отъ Государя, стольники или стряпчие. Воеводы принимали съ почетомъ царскихъ пословъ. Для пословъ и ради царской радости начинались въ Казани пиры у высшихъ властей. На воеводскомъ дворѣ происходило поздравленіе Царя: выставляли кади съ виномъ для стрѣльцовъ, меду и пива противъ того жалованнаго вина въ шестеро и въ семеро. Царскимъ угощеньемъ пользовались не одни стрѣльцы, но «кто хочетъ пить и окромѣ стрѣльцовъ и ему пить вольно, а со двора къ себѣ никому домовъ(й) носить не дадутъ.»⁽¹⁾ Въ Церквахъ и по монастырямъ происходила торжественная служба, а послѣ нея въ общежитіяхъ столъ для братіи на царской счетъ; изъ тюремъ освобождали виноватыхъ «кромѣ самыхъ великихъ дѣлъ.» Царскихъ пословъ воеводы дарили. Опять невольно воспоминается замѣтка Котошихина. «А какъ пріѣдутъ послы въ Москву и ихъ спрашиваютъ, кто чѣмъ дарилъ, а кто подарилъ скудно, а человекъ богатъ, о томъ Царь бываетъ гнѣвенъ.»⁽²⁾ Воеводы посылали при этомъ подарки и Государю Царю Великому Князю—образа, золотыя и серебряныя вещи и т. п. Одинъ изъ подобныхъ подарковъ сохранился отъ времени Грознаго въ ризницѣ Спасо-Преображенскаго монастыря; это—ковшъ, въ 3-ри гривенки,⁽³⁾ серебряный съ надписью по краямъ красивою, отчетливою вязью: «Изъ сего ковша кто учнетъ пить, а моля Бога Иисусъ Христа, со Отцемъ и со Святымъ Духомъ въ Троицѣ славимаго, и хотя во всемъ добрая Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Русіи и его царскимъ дѣтемъ и ихъ землямъ и подданнымъ и ему бѣ самому добро.» Ковшъ этотъ, подарокъ Царю кого-либо изъ бояръ, вѣроятно, былъ подаренъ въ монастырь самимъ Грознымъ и составляетъ одну изъ замѣчательныхъ вещей XVI вѣка въ Казани. Подарокъ Царю былъ сдѣланъ послѣ взятія

⁽¹⁾ Котош. 13 и 15-я.

⁽²⁾ Тамъ-же, стр. 13-я.

⁽³⁾ По вѣсу оказался ковшъ 1. ф. 6 в., слѣдовательно гривенка была въ Казани равна $33\frac{2}{3}$ зол.

Казани, когда у Царя уже были дѣти. Бояринъ, принесшій въ даръ ковшъ, намекаетъ въ надписи на искреннюю свою доброжелательность къ Царю. При Царѣ Іоаннѣ IV плохо было тому, на кого доносили что онъ желаетъ Царю худа или лиха.

Для поста царскихъ пословъ былъ устроенъ особый дворъ. Вотъ какъ его описываетъ Писцовая книга: «да противъ Преображенскаго монастыря у старыя часовни, гдѣ были прежніе часы, у старыя городовыя городни, дворъ Царя и Великаго Князя, а ставятся на томъ дворѣ Государевы посланники.» По соображенію съ порядкомъ записей, Посольскій дворъ стоялъ тамъ, гдѣ находятся дворъ Кремлевской Церкви, рядомъ съ дьячьею избою. Дворъ этотъ не могъ стоять противъ вышшняго фасада монастыря, потому что вдоль всего фасада тянулась ограда Царскаго двора, а съ сѣверной стороны монастырь былъ окруженъ другими зданіями, какъ мы увидимъ ниже. Посольскій дворъ состоялъ изъ двухъ горенокъ; одной рубленой изъ строеваго лѣса и другой досчаной; хоромы были ветхи (*ветчаны*), замѣчено въ книгѣ (стр. 33 и 34).

Теремная жизнь боярынь проходила еще съ большимъ единообразіемъ. Намъ извѣстно отчасти провозженіе времени тюремныхъ затворницъ. Большая часть его шла на участіе въ домашнихъ церковныхъ службахъ, меньшая на забавы, которыя доставляли прохожія странники, доморощенныя сказочницы, а иногда домашніе *штыни* или *штыльманы* (шуты). Немалая доля времени посвящалась Сопикому и Храповицкому, по мѣткому выраженію Го-голя: потому что пуховыя перины и подушки русскихъ людей наполняли въ свое время уваженіемъ даже сердца такихъ важныхъ заѣзжихъ людей, каковъ былъ баронъ Мейербергъ. ⁽¹⁾ Но все-таки къ чести нашихъ боярынь нужно сказать, что онѣ не проводили время совершенно праздно. Мы имѣемъ образчики усидчивыхъ, продолжавшихся по годамъ, но за то и прочныхъ работъ Казанскихъ боярынь XVI и XVII вѣковъ. Эти работы—вышитыя шелками, золотомъ и серебромъ, низанныя жемчугомъ и драгоценными камнями церковныя утвари, со-

(1) Древн. Рус. Успенскаго, стр. 38-я.

хранившіяся доселѣ въ ризницѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, удивляютъ своею тщательностію, терпѣніемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ вкусомъ, красотою узора и нерѣдко относительною правильностію рисунка.⁽¹⁾ Такъ и видно, что ихъ шили лучшіе мастерицы Царскихъ теремовъ. Краски шелковъ превосходно сохранились и поражаютъ яркостью колеровъ.

Противъ Царскаго Дворца стоялъ Спасо-Преображенскій монастырь. По описанію Писц. книги, монастырь не былъ такъ обширенъ, какъ нынѣ. «А мѣста Спасскаго монастыря подъ церквами, и подъ службами, и подъ кельями, и позади келей. съ выходными дворцы, и съ тѣмъ, что по Государевѣ присылной грамотѣ къ тому жъ монастырю для пространства мѣсто прибавлено 41 сажень, а поперегъ 26 сажень (стр. 32—33.)» Площадь, которую

(1) Въ Писцовой книгѣ есть описи церковнаго имущества Благовѣщенскаго Собора и Преображенскаго монастыря. Въ этихъ описяхъ часто встрѣчаются имена тогдашнихъ князей и княгинь, жертвовавшихъ утвари въ церковь. Какъ мы будемъ видѣть ниже, эти утвари съ превосходными вышивками сохранились и доселѣ. Замѣчательно, что ни одна изъ жертвовательницъ не названа по имени, а просто «жена такого-то»—«а шила воздухъ князь Юрѣва Темкина княгиня, а опушка прикладъ ее-жь» (стр. 11.) «Князь Петровы княгини Татѣва сережки золотые.» (стр. 11.) «Два сударя шиты по камкѣ, по лазоревѣ, золотомъ и серебромъ и шелвѣ . . . положилъ Князь Григорій Куракинъ.» (стр. 12.) «Да воздухъ меньшей Деисусъ, а дала его Никитина жена Васильевича Бороздина.» (стр. 29.) «Да ширинка шита золотомъ, что далъ князь Иванъ Хворостинъ.» (стр. 30.) Такимъ образомъ даже въ такихъ видахъ дѣятельности женщины, которые должны были уравнивать ее съ мужчиною, каковы—дѣла благочестія, несамостоятельность или *недомыслие, дѣтство ея*, какъ выражается Забѣдинъ (Бытъ рус. Царицъ, стр. 2 и 57), въ древней Руси проявлялись такъ же рѣзко, какъ во всей ея жизни. Подписать свое имя на утвари своихъ трудовъ, жертвующей женою Князя въ Церковь, считалось зазорнымъ дѣломъ.

занимаетъ монастырь въ настоящее время, имѣеть по переднему фасаду 43-ри сажени, а по боковому къ Волгѣ 48^{1/2} сажень. Гдѣ длина и гдѣ ширяна монастыря по Писцовой книгѣ? Принимая во вниманіе направленіе монастырскихъ зданій, которыя тянутся одно за другимъ по направленію отъ запада къ востоку и особенно скучены въ сѣверо-восточномъ углу монастырской ограды между тѣмъ, какъ юго-восточная сторона ограды совершенно пуста, должно заключить, что Спасскій монастырь въ XVI вѣкѣ представлялъ довольно узкую площадь, у которой поперечная сторона примыкала къ Спасской улицѣ, а длинная шла на западъ, къ Булаку. Кромѣ того въ Писцовой книгѣ говорится о *новомъ мѣстѣ*, прибавленномъ къ монастырю, по особой *Государевой присылной грамотѣ*. Эта замѣтка объясняется грамотою Іоанна Васильевича къ Казанскому Воеводѣ Князю Юрію Ивановичу Темкину, да дяку Кузьмѣ Феодорову, присланною въ 1562 году, Сентября 22-го. «Билъ намъ челомъ, говорится въ грамотѣ, Казанскій архимандритъ Варсонофій съ братією, что-де у него монастырь тѣсенъ, новыхъ келлій прибавить не гдѣ, а старыя стоятъ близъ церкви, а подлѣ-де ихъ монастыря къ *Никольскимъ воротамъ, къ Булаку* съ ихъ монастырскаго *ула* порожнее мѣсто, (тутъ прежде стояли дворы дѣтей боярскихъ Чудовщиковъ, Михальцевъ, да Купрейновъ Полтевыхъ), что къ монастырю прибавить еще, а лежитъ то мѣсто пусто... и намъ бы-то имъ пожаловати.» Государь далѣе приказываетъ воеводамъ, что, если дѣйствительно есть у монастыря порожнее мѣсто, то дать «сколько пригоже, сажени съ три, или съ четыре или съ пять, посмотри по мѣсту, чтобы улицы перѣснети.» Нужно замѣтить, что и въ настоящее время въ боковой сѣверной стѣнкѣ монастыря есть поворотъ къ востоку подъ угломъ, очень рѣзко очерченнымъ. Очень можетъ быть, что до челобитной Св. Варсонофія монастырская ограда имѣла неправильную фигуру, въ видѣ трапеціи, у которой основаніе выходило на Спасскую улицу. Выраженіе «къ Никольскимъ воротамъ, къ Булаку», употребленное въ грамотѣ, доказываетъ нашу мысль, высказанную прежде, что Никольскія ворота лежали ближе къ Булаку, составляя вершину исходящаго угла крѣпостной стѣны къ западу.

Самое положеніе монастыря въ Писцовой книгѣ опредѣляется такъ: «Внутри-жь города межъ городскихъ воротъ *Спасскихъ и Сергіевскихъ, подлѣ городовую стѣну, противъ наугольныхъ стрѣльни, гдѣ былъ большой подкопъ, монастырь Спасской*» (стр. 24). Это описаніе положенія монастыря показываетъ: во 1) дѣйствительность предположенія, что подкопъ, взорванный при взятіи Казани въ 1552 году, шелъ по направленію къ Кремлю отъ того пункта, гдѣ послѣ стояли въ XVI вѣкѣ Проломныя ворота, о которыхъ мы говорили выше, и что эти ворота стояли не слишкомъ далеко отъ Кремлевской горы, хотя могло быть, что они отнесены гораздо далѣе къ востоку въ русской острожной стѣнѣ; 2) что Проломныя ворота можно считать Аталыковыми воротами Царственной книги; 3) что Сергіевскія ворота именно тѣ ворота, которыя стоятъ въ оградѣ Спасскаго монастыря, къ западу отъ паперти Кипріано-Устиновской Церкви в которыхъ теперь закладены; 4) что эти же ворота, по своей близости къ Преображенскому монастырю, могли носить и другое имя Преображенскихъ. По Писцовой книгѣ считается пять воротъ въ Кремль, но если Сергіевскія ворота считать за особья, тогда выйдетъ въ Кремль не пять, а шесть воротъ.

Что касается до Сергіевскихъ воротъ, то они въ Татарской крѣпости назывались Тюменскими, что показываетъ слѣдующее мѣсто Писцовой книги: «да внутри-жь у *Тюменскихъ* воротъ, что были *Сергіевы*, Церковь Сергія Чудотворца» (стр. 23). Теперь припомнимъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится объ этихъ Тюменскихъ воротахъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Раскроемъ Царственную книгу и въ ней мы найдемъ слѣдующее мѣсто. «И нача подкопъ творити отъ Булака рѣки у окольного у Петра Морозова, промежъ Аталыковыхъ воротъ и *Тюменскихъ*.»⁽¹⁾ Снесемъ это мѣсто съ Исторіей о Казанскомъ царствѣ. При описаніи штурма Казани говорится: «а *сторожевой* полкъ (шелъ на приступъ съ той стороны), идѣже имянутся *Сергіевы* врата и храмъ у нихъ стоятъ внутри града.»⁽²⁾

(1) Царств. кн. стр. 284-я.

(2) Ист. о Каз. цар. стр. 212-я.

Дѣйствительно Сторожевой полкъ стоялъ съ этой стороны при осадѣ Казани. «А лѣвой рукѣ, сказано въ Царств. книгѣ при вступленіи русскихъ войскъ на назначенныя имъ позиціи, (1) велѣлъ Царь стати *противъ города за Булакомъ*» или, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ этой книги (2) «*ни усть/ль Булака*». Такимъ образомъ были расположены войска наши и во время штурма; но при этомъ, какъ видно изъ диспозиціи самого штурма, помѣщенной въ Царственной книгѣ, главная роль въ атакѣ на Тюменскія ворота предоставлена была лѣвой рукѣ, подъ начальствомъ Плещеева, а сторожевой полкъ назначенъ былъ главнымъ образомъ штурмовать Муралеевы ворота, разумѣется, вступивши въ тѣсную связь съ отрядомъ Плещеева,—потому что воеводамъ велѣно было отъ Государя «помогать другъ другу во все стороны». (3) Сергіевы или Преображенскія ворота представляютъ несомнѣнные слѣды древности: нижній этажъ ихъ складенъ изъ известняка, верхній изъ кирпича; по сторонамъ въ стѣнахъ—сѣверной и восточной круглые большіе бои.

Опредѣливъ мѣстность Тюменскихъ воротъ, мы такимъ образомъ находимъ базисъ, на которомъ можетъ быть построено—или лучше сказать—опредѣленъ планъ нашего штурма на западную сторону Казанской крѣпости. Для этого мы имѣемъ свѣдѣнія о положеніи трехъ воротъ: Тюменскихъ, Проломныхъ и Ногайскихъ. Нельзя не принять во вниманіе, что подкопъ со стороны Тюменскихъ воротъ въ Писцовой книгѣ названъ *большимъ*. Это справедливо. Кажется, здѣсь былъ ведень при взятіи Казани главный подкопъ: сторона крѣпостной стѣны, примыкавшая къ Арскимъ воротамъ, была уже и безъ этого ослаблена взрывомъ тарасъ и занятіемъ Арской башни. Курбскій называетъ этотъ подкопъ также главнымъ. «Въ другой разъ (послѣ взорванія Муралеевского тайника), пишетъ онъ, подкопано и засажено 48 бочекъ пороху подъ стѣною городскою». (4) Этотъ подкопъ, должно быть, взор-

(1) Царств. кн. стр. 264-а.

(2) Тамъ-же стр. 263.

(3) Сравни 217, 298 и 299 стран. Царств. книги.

(4) Курб. стр. 35.

вало прежде, потому что, по разсказу Курбскаго, сначала, вслѣдствіе взрыва, татары ушли къ Царскому двору, очистивши городъ, а потомъ когда взорвало Арскій подкопъ, то и Царь съ войскомъ прибѣжалъ къ своему двору. ⁽¹⁾ Здѣсь-то татары выдержали послѣднюю битву съ русскими, а потомъ вышли въ широкое поле «испити съ русскими послѣднюю чашу», по живописному выраженію Курбскаго. До сихъ поръ людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ осады Казани, представлялось искаженнымъ мѣсто въ Казанской Исторіи (нужно замѣтить, изданной у насъ по плохимъ спискамъ), а именно: «а другой подкопъ на углу подъ стрѣльнейю же, отъ Булака стрѣльбище, по лѣвую сторону, то были Ногайскія ворота, пинѣ-же зарушены.» ⁽²⁾ Познакомившись съ Писцовою книгою, мы видимъ, что здѣсь имѣтъ противорѣчія. Подкопъ подъ Казанскую стѣну дѣйствительно былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны Ногайскихъ воротъ, если идти къ городу изъ-за Булака. Глазатовъ, писатель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, будучи самъ плѣнникомъ въ Казани, (чѣмъ объясняются многія особенности его разсказа) пишетъ свой разсказъ для русскихъ, потому всю мѣстность Казани и ея окрестностей старается представить такъ, чтобы онѣ понятны были людямъ, которые ѣдутъ въ Казань изъ Московскаго Государства, а воинамъ, покорившимъ Казань подъ знаменемъ Іоанна IV, было легче вспомнить Казанскую мѣстность, какъ она этимъ послѣднимъ представлялась изъ лагеря подъ Казанью. Вопросъ о подлинности этого мѣста изъ Ист. о Каз. царствѣ представлялъ для меня особый интересъ. При осмотрѣ книго-хранилища Румянцоваго Музея въ Москвѣ въ 1869 году, въ томъ отдѣленіи, гдѣ находится большое собраніе рукописныхъ списковъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, мнѣ показанъ былъ списокъ этой книги, подъ № 774, съ надписью покойнаго Удольскаго о принадлежности этого списка къ XVI вѣку, и, къ моему удивленію, въ этой рукописи мѣсто о подкопахъ я нашелъ въ томъ видѣ, какъ читается оно въ Академическомъ изданіи Казанской Исторіи. Слѣдовательно мѣсто это никогда

⁽¹⁾ Тамъ-же стр. 37-я.

⁽²⁾ Ист. о Каз. цар. гл. LXII, стр. 211-я.

не было повреждено переписчиками. Писцовая книга вполне утверждает эту подлинность. Выника въ показаніе о подкопахъ въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, мы видимъ, что сочинитель даже указываетъ разстояніе отъ Булака до самого начала подкопа—*одно стрѣльбище*, т. е. пространство на одинъ выстрѣлъ⁽¹⁾. Курбскій въ описаніи Казанской осады точно такимъ-же способомъ измѣряетъ разстояніе: когда русскіе шли на гору между городомъ и Кабаномъ и находились «отъ врагъ городскихъ, аки *два стрѣльниа луныхъ*», тогда татары вышли изъ города и на нихъ напали.⁽²⁾ Подъ именемъ стрѣльбища разумѣется разстояніе на 280 шаговъ, какъ мы говорили выше. Оставляя до времени опредѣленіе окружности Казанской татарской крѣпости 1552 г., мы окончимъ на этомъ наши замѣчанія и перейдемъ къ описанію Преображенскаго монастыря въ Казани XVI вѣка.

Въ деревянной монастырской оградѣ стояли въ 1566 году двѣ церкви: «церковь деревянная Преображенія Господа нашего Иисуса Христа, но на каменное(мъ) дѣло, т. е. съ каменнымъ нижнимъ этажемъ «на подклетѣхъ», что означаетъ подвалы. Этотъ подвалъ и до сихъ поръ видѣнъ подъ Соборною церковію Преображенія Господня. Въ подвалѣ помѣщались различныя «службы для монастырскаго обиходу». Вторая церковь «Никола Чудотворца съ трапезою, была каменная.» Она считалась монастырскою трапезною церковью и устроена была въ томъ видѣ, какъ устроены подобныя церкви въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ Троице-Сергіевой и другихъ древнихъ монастыряхъ. Это было небольшое зданіе каменное со сводами, со столами для братій, съ возвышеннымъ особымъ помостомъ для стола архимандрита и соборныхъ старцевъ; съ возвышенною кафедрою для чтеца, читавшаго во время трапезы житія святыхъ, наконецъ съ украшенной образами переднею стѣною, среди которой особая дверь вела въ небольшую трапезную церковь. При трапезѣ находились всѣ хозяйственныя монастырскія принадлежности: подъ церковью

(1) Смот. это слово въ Словарѣ Церковно-Слав. и Рус. языка. Акад. изд. 1847 года.

(2) Курб. 22 стр.

«была проворн(а)я, да мукосѣя, да подь трапезою хлѣб-
ня, а въ другую сторону подь церковью же палатка. а
противь трапезы келарская, древяна на подлѣтѣ съ стѣн-
ми.» (стр. 24).

Благодаря Писцовой книгѣ, мы можемъ представить всю
тогдашнюю жизнь монастыря. Дополниви же эту жизнь
предписаніями устава, принятаго для обители Св. Варсо-
нофіемъ, мы можемъ получить полную картину того, какъ
текла эта жизнь въ ея обыденной обстановкѣ. Монастырь
представляется намъ, какъ-будто, на другой день послѣ
отъѣзда въ Тверь его святаго Основателя. (1) Монасты-
ремъ править игумень Іеремія, уроженецъ Казанскій, но
духъ Святителя пребываетъ въ основанномъ имъ мона-
стырѣ,—строгий уставъ, положенный въ основаніе обще-
житія, хранится въ церкви въ спискѣ его руки: пришед-
шая съ нимъ съ Пѣсноши братія еще осталась въ мо-
настырѣ; настоятель—его ученикъ. До сихъ поръ мы на-
ходимъ въ Преображенскомъ монастырѣ тѣ самые со-
суды, въ которыхъ Святитель совершалъ Литургію, еще
сохранилось нѣсколько вещей, употреблявшихся въ его
время при Богослуженіи, даже доселѣ цѣль жезль, съ ко-
торымъ онъ шествовалъ въ церковь, по чину настоятель-
скому. Съ кѣмъ пришелъ Святитель въ новопокоренную Ка-
зань, чтобы начать тамъ дѣло подвижничества и водво-
ренія Христіанства? Это рѣшаетъ намъ любопытная при-
писка къ Уставу Св. Варсонофія. Она такъ любопытна,
что мы рѣшаемся выписать ее съ нѣкоторыми сокраще-
ніями (2) Послѣ славословія Троицѣ написано: «Повелѣ-
ніемъ и устроеніемъ Богомъ вѣнчаннаго и Богомъ укрѣп-
ляемаго самодержавнаго Царя Государя и великаго Князя
Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца, въ новопро-
свѣщеніѣмъ градѣ Казани, у всемилостиваго Спаса Бого-
лѣннаго Его Преображенія Господа Бога и Спаса нашего
Іисуса Христа и великаго чудотворца Николы Ратнаго,
во общій монастырь написанъ *Типикъ* сей, сирѣчь Уставъ.
А почета бысть писати на Пѣсноши, въ лѣто 7064 (1554),

(1) Приписка эта напечатана была въ Сборникѣ Пл.
Любарскаго, стр. 31-я, но не совсемъ правильно.

(2) Уставъ стр. 530 на об. и 532-я.

а дописана бысть въ Казани въ лѣто 7064 (1556) при благовѣрномъ (титულъ Государя) и при священномъ митрополитѣ Макаріи и при архіепископѣ Гуріи Казанскимъ и Свѣжскимъ, и положена бысть книга сія многогрѣшнымъ чернцемъ, архимандритомъ Варсунофіемъ, что былъ игуменомъ на Пѣсноши. А писанъ съ Пѣсношского устава съ большого, а тотъ писанъ съ Троецкаго Сергіева монастыря. А въ Казани бысть тогда Царя Государя Великаго Князя воевода и намѣстникъ Князь Петръ Ивановичъ Шуйской, и при томъ бысть почетъ монастырь строити кельи и ограда, и всякое строеніе монастырское архимандритомъ Варсунофіемъ, яже о Христѣ изъ братіею. А братіи съ нимъ пришли съ Пѣсноши: келарь Тихонъ, крылошанинъ, Феодоритъ казначей, крылошанинъ, Левъ Долматовъ, крылошанинъ, а постриженники Пѣсношскіе, да Симонъ Нероновъ Андрониковской постриженникъ, влылошанинъ, да Андроникъ подкеларникъ, да Селивестръ служебникъ Яхонтова, а постриженники Пѣсношскіе-жь.»

Вотъ первые пришельцы въ Спасо-Преображенскій монастырь вмѣстѣ со свят. Варсонофіемъ, они были первыми представителями монашествующихъ въ Казани. Это были большею частію пѣвцы по стариннымъ крѣковымъ нотамъ, совершавшіе пѣніе тихо, по тому превосходному напѣву, такъ приличному для Православнаго Богослуженія, который еще недавно открыли намъ протоіерей Д. В. Разумовскій и Г. Потуловъ. Пѣніе это было трудно и требовало большаго навыка и умѣнья. Уставъ Николо-Пѣсношской обители, находящейся въ 15-ти верстахъ отъ г. Дмитрова, Московской губерніи, и основанной въ XIV столѣтіи однимъ изъ учениковъ Св. Сергія Радонежскаго, Преподобнымъ Меѳодіемъ, былъ строгъ. Люди, вступившіе въ этотъ монастырь, были люди не бездѣльные, а люди, обрекшіе себя на благочестивые подвиги для спасенія души, частые примѣры которыхъ мы видимъ въ XVI вѣкѣ. Самъ Царь хорошо зналъ Варсонофія, благочестиваго и строгаго игумена на Пѣсноши и самъ его лично⁽¹⁾ назначилъ сопутствовать свят. Гурію въ Казань въ числѣ

(1) Житіе Святителей Казан.—Гермогена, въ Сборн. Любарскаго стр. 25.

двухъ архимандритовъ. изъ которыхъ второй былъ свят. Германъ. Варсонофій былъ тѣмъ необходимѣе для Казанскаго края, что, находясь въ Крымскомъ плѣну, научился по-татарски. Избраніе это утверждено соборомъ Русскаго духовенства 3-го Февраля, 1555 года. (1) Въ то время, когда писалась Писцовая книга, т. е. въ 1566 г. свят. Варсонофій уже былъ епископомъ въ Твери; лишь въ старости онъ снова вернулся въ основанную имъ обитель, гдѣ и скончался въ 1576 году. Такимъ образомъ сообщаемое Писцовой книгою свѣдѣніе пополняетъ строки, недостающія въ рукописномъ житіи Св. Варсонофія, въ которыхъ былъ означенъ годъ назначенія его на Тверскую епископію. (2) Въ 1566 году Св. Варсонофія уже не было въ Казани. Что касается до сподвижниковъ Святителя, то Патріархъ Гермогенъ, эта честная и великая личность въ Русской исторіи; дѣлаетъ о братіи монастыря слѣдующій глубоко-сочувственный отзывъ: Монастырь, созданный Святителемъ, говоритъ Гермогенъ, «доншиѣ Богомъ соблюдаемъ, младѣетъ и распространяется, яко древо при водахъ благолиственно и доброплодно, приноситъ бо нетлѣвеныи плодъ—святыхъ святители и преподобныи монахи.» (3)

Интересно было бы видѣть возможно похожую икону святаго Основателя Преображенскаго монастыря. Недавно намъ, кажется, удалось найти самыя древнія изображенія обоихъ Святителей въ созданномъ ими монастырѣ. Въ боковомъ придѣлѣ Преображенскаго Собора во имя Святителя есть запрестольная икона Тихвинской Божіей Матери, на задней сторонѣ этой иконы помѣщены очень древнія изображенія Святителей. Икона обложена очень тонкимъ чеканнымъ окладомъ, образъ по полю обитъ серебрянымъ золоченымъ басменомъ, на Святителяхъ очень старинной работы вѣнцы, съ привѣшенными къ нимъ гривенками, украшенными бирюзой, жаликами и очень характерными привѣсками, вѣроятно, взятыми отъ серегъ, небольшими изумрудиками съ жемчужинами; надъ вѣнцами

(1) Щербат. стр. 415.

(2) Сборн. Пл. Любарскаго стр. 27-я.

(3) Тамъ-же стр. 25-я.

цаты, на которыхъ вырѣзаны вязью имена Святителей. Изображенія ихъ очень хороши и отличаются строгостию стариннаго стиля. Святители облачены въ древнія длинныя фелони съ бѣлыми узкими омофорами, въ невысокихъ митрахъ изъ золотой парчи съ бѣлою опушкой, совершенно похожихъ на ту митру, въ которой положенъ былъ святитель Германъ, и которая доселѣ хранится въ Свяяжемъ монастырѣ. Ростомъ Свят. Гурій выше Св. Варсонофія. Лице Свят. Гурія отличается кротостию, карія глаза смотрять открыто; у святителя окладистая, длинная, почти вся сѣдая борода, усы совпадаютъ съ верхнею частию бороды и закрываютъ уста. У Свят. Варсонофія лицо худое, изможденное; щеки глубоко впали, борода длинная, но рѣдкая и оканчивается остро около груди,—она нѣсколько меньше бороды Св. Гурія; брови у Св. Варсонофія длиннѣе, усы тоньше и позволяютъ видѣть крупныя губы, сѣдины въ бородѣ у него меньше, глаза смотрять строже. Вообще вся фигура Св. Варсонофія отличается строгостию и твердостью. Вотъ изображенія святителей. Послушаемъ монастырскаго устава о жизни въ обители Св. Варсонофія.

Монастырскія сутки начинались съ вечера. Вечерня совершалась предъ наступленіемъ сумерекъ или, какъ говоритъ уставъ Св. Варсонофія, *«прежде вечерня време, предъ вечеромъ, мало наставимъ»*; послѣ вечерни шли въ трапезу и по окончаніи ея совершался обрядъ возношенія панагии, о которомъ мы скажемъ послѣ. Братія шли въ кельи отдохнуть немного, пока колоколъ не призывалъ ихъ къ повечерію; послѣ него было общее прощаніе братія, *отходя ко сну*, съ настоятелемъ и между собою. Полунощница читалась въ келліяхъ, а на утреню въ *глубокое утро* всѣ собирались въ церковь; послѣ обѣдни шли на трапезу, а послѣ трапезы и послѣ возношенія панагии братія исполняли различныя монастырскія общія работы или сходились въ общую руководѣльную, гдѣ каждый занимался своею работою. Въ церкви Богослуженіе совершалось неспѣшно; монахи творили поклоны, стоя на мѣстахъ своихъ, вѣроятно, въ тѣхъ *формахъ* или особо отдѣленныхъ для каждаго поясныхъ перегородкахъ, сдѣланныхъ около стѣнъ, съ опускаемыми сидѣніями, какія мы видимъ на Аѳонѣ и у насъ въ *Кіево-Печерской лаврѣ*. Поклоны

совершались всѣми за одинъ разъ по уставу, *вкупѣ* (вмѣстѣ) братіямъ *преклоняющимъ колѣна и встающимъ равно, съ опасеніемъ, смущенія ради* (чтобы не произвести соблазна и безпорядка) ⁽¹⁾; на трапезѣ соблюдалось полное молчаніе, пища всѣмъ раздавалась поровну, наряду съ игуменомъ и состояла преимущественно изъ хлѣба и овощей. ⁽²⁾ Строгий уставъ Спасо-Преображенскаго монастыря былъ повтореніемъ устава греческихъ монастырей и Лавры Преп. Сергія.

Наконецъ предъ нами и монастырскія церкви, въ которыхъ святители возносили свои чистыя молитвы. Трапезная церковь Николы Ратнаго сохранилась и доселѣ. Кладка церкви изъ бѣлаго камня убѣждаетъ въ ея древности. Трапеза отдѣляется отъ церкви аркой: въ церковь входили низкою дверью въ сѣверной стѣнѣ, но, вѣроятно, трапеза имѣла и другой входъ.—слѣды перваго входа ясны и доселѣ. Самая церковь была не болѣе тринадцати шаговъ въ длину и почти столько-же въ ширину. Олтарь былъ полукруглый, небольшой; въ настоящее время иконостасъ отставленъ при передѣлкѣ церкви отъ алтаря довольно далеко. Въ алтарѣ сохранилась еще ниша, въ которой прежде стоялъ жертвенникъ. Въ нашихъ древнихъ церквахъ каменной кладки жертвенники никогда не ставились отдѣльно, а въ подобныхъ нишахъ стѣнъ, что изображало собою Вилеемскій вертепъ. Мѣстный образъ Николы Можайскаго, по описанію Писцовой книги (стр. 24), длиною семи пядей, а шириною пяти пядей съ полупядью, обложенный серебромъ и позолоченный, имѣлъ около главы вѣнецъ, серебряный сканной работы. Онъ былъ строенъя Государева, а Архимандритъ «прибавилъ къ нему пять репьевъ, а въ репьяхъ пять каменьевъ, да 20 жемчуговъ». При образѣ висѣли «восемь золотыхъ, да двѣ гривны (украшенія) сканныя, непозолочены, да двѣ деньги позолочены, да двѣ новгородки позолочены, а третья бѣла, да 17-ть гривенокъ витыхъ, да крестъ серебряный.» Образъ этотъ сохранился и донинѣ, мѣрою онъ совершенно сходится съ описаніемъ Писц. книги: на немъ превосходная

(1) Стр. 19-я Устава.

(2) Тамъ-же стр. 79.

одежда сканной или филогранной работы, въ одеждѣ есть нѣсколько камней. Все поле образа украшено ризой серебряной, позолоченной, современной работы, съ такимъ же вѣнцомъ. Святитель представленъ съ закрытымъ Евангелиемъ въ лѣвой рукѣ и благославляющей правой рукою: образъ поясной. Образъ этотъ несомнѣнно древняго происхожденія, но самая фигура Святителя Николая не имѣетъ сходства съ тѣмъ изображеніемъ, которое въ настоящее время считается изображеніемъ Николы Можайскаго, и которое представляетъ его съ мечемъ въ одной рукѣ и съ фигурою церкви въ другой. Последнее изображеніе Николы Можайскаго не явилось ли въ послѣдующее время? Царскія врата въ церкви были писаны на *празелени*.⁽¹⁾ По правую сторону царскихъ вратъ стоялъ образъ Спасителя, по лѣвую—Успенія Богоматери, это были малыя образа, въ одну пядь. Въ церкви было много образовъ Николая Чудотворца: въ различныхъ мѣстахъ около стѣнъ церкви стояли образа: Препод. Сергія Радонежскаго, Варламія Хутынскаго, Макарія Желтоводскаго, Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ и благов. Князя Θεодора и чадъ его Давида и Канстантина, чудотворцевъ Ярославскихъ. Замѣчательно, что церковь украшена была преимущественно образами, представляющими русскихъ святыхъ, какъ-будто бы, Основатель монастыря хотѣлъ подѣйствовать на своихъ иноковъ примѣромъ русскихъ святыхъ, которые также прославились монашескими подвигами, какъ и монашествующіе Греческой церкви. Особенность эта чрезвычайно характерна. Далѣе въ церкви Никольской было до 7-ми образовъ Николая Чудотворца различной мѣры, что даетъ намъ поводъ заключить, что большая часть иконъ въ Преображенскомъ монастырѣ были иконы, пожертвованныя мірянами и монашествующими. Въ монастырь поступали иногда люди зажиточные,

(1) Старинная краска. Въ лицевомъ подлинникѣ, помещенномъ въ Христ. Древн. за 1871 г. есть замѣтка: «краска Св. Акакія *празелень* дымчата.» Г. Сахаровъ въ «Исслѣд. о Рус. Иконописаніи» 1849 г. Прил., стр. 29. объясняетъ ее такъ: «Веронская земля, цвѣтъ ея постоянно на воздухѣ, она идетъ въ краску *празелень*.»

которые и украшали церкви иконами, сосудами, утварью. (1) Вообще въ описяхъ всѣхъ Казанскихъ церквей, по Писцовой книгѣ, нельзя не замѣтить, что въ церквахъ было множество иконъ различныхъ мѣрь съ одними и тѣмиже изображеніями, по всей вѣроятности, принесенныхъ или пожертвованныхъ въ церкви прихожанами. Это напоминаетъ намъ одну замѣчательную особенность въ древней обрядности, сохранившуюся до настоящаго времени въ глухихъ мѣстностяхъ Россіи (чему мы сами были не разъ свидѣтелями), именно—обычай приносить въ приходскую церковь свои собственные иконы, ставить ихъ на особыхъ полочкахъ около стѣнъ и, приходя къ Богослуженію, молиться исключительно этимъ иконамъ. Всякій прихожанинъ, прійдя въ церковь къ Богослуженію, вставалъ предъ своею иконою, и ей одной молился, забывая слушать церковное чтеніе и пѣніе, даже не обращая вниманія на совершавшіяся въ церкви священнодѣйствія (напр. малый и великій входы). Непрестанно и усердно клалъ онъ земные поклоны предъ своею иконою, становясь иногда, если икона стояла на сѣверной или южной стѣнѣ церкви, бокомъ или задомъ къ алтарю, и даже читалъ при этомъ и свою молитву. Объ этихъ-то безпорядкахъ въ церкви и говоритъ Стоглавъ и это-то неразумное, хотя и благочестивое въ своемъ основаніи и искреннее, почитаніе иконъ порицаетъ въ своихъ постановленіяхъ (Стогл. гл. 5-я, изд. Кожанч. стр. 51). Изображеніе Русскаго Богослуженія

(1) Въ Писцовой книгѣ въ описи церковной Преображенскаго монастыря замѣтка (стр. 27.): «Да образъ Николы Чюдотворца поставилъ Сергѣй пономарь.» Въ описи Илантова монастыря: «а поставилъ Деисусъ, образъ Преч. Богородицы, двери царскіе и сиверскіе старецъ Германъ.» Въ ризницѣ Спасскаго монастыря есть сосуды 1683-го года, съ надписью: «сосуды построилъ старецъ Іоасафъ Артемьевъ въ Казань, въ Спасской Преображенскій монастырь: вѣс. 3 ф. безъ 7 зол.» Другіе сосуды пожертвованы 1643 г. Димитріемъ Байковымъ Воейковымъ по отцѣ его схимникѣ Елеазарѣ. Одинъ крестъ 1675 года, данъ вгуменомъ Седмезерныя пустыни Діонисіемъ Кучинымъ по его дочери.

у Олеарія представляетъ намъ картину въ родѣ той, которая рисуется царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ соборныхъ вопросахъ царскихъ (стр. 51-я) Въ иконостасѣ иконы одного и тогоже святаго (напр. св. Николая) ставились рядомъ. Двери сѣверныя въ церкви Николая Ратнаго были украшены иконой «Пречистыя на престолѣ со Архангелы, да въ кругу Авраамъ, Исаакъ и Яковъ; да внизу писаны притчи изъ пролога.» Утварь не отличалась богатствомъ. Сосуды были оловянные, съ такимъ же приборомъ: звѣздицы были желѣзныя, такъ какъ оловянныя звѣздицы могли легко сгибаться и ломаться. При сосудахъ жертвовали по двѣ ложечки оловянныхъ, о назначеніи которыхъ замѣчено: «одна кутейная, а другая съ потыремъ живетъ», т. е. употребляется для причащенія изъ потира. Надъ первымъ рядомъ мѣстныхъ иконъ, на тиблѣ, стоялъ Деисусъ, состоявшій изъ 12-ти иконъ: Деисусомъ называются собственно три иконы: Спасителя, Богоматери и Иоанна Предтечи⁽¹⁾, но иногда къ нимъ приписывали фигуры двухъ Архангеловъ—Михаила и Гавріила, Апостоловъ Петра и Павла и Святителей, но, вѣроятно, къ нѣкоторымъ Деисусамъ приписывались съ обѣихъ сторонъ еще образа другихъ святыхъ по произволу.⁽²⁾ Въ другихъ ярусахъ иконостаса стояли 12-ть иконъ двенадцатыхъ праздниковъ и иконы пророковъ. Самъ Царь пожертвовалъ другой Деисусъ изъ 9-ти иконъ, который, можетъ быть, стоялъ надъ входною дверью. Подсвѣчники въ церкви были большею частію деревянныя, паникадила мѣдныя съ шелковыми кистями, какъ въ греческихъ церквахъ.

Въ монастырской Преображенской церкви (деревянной) стоялъ мѣстный образъ Преображенія Господня, построенный архимандритомъ на свой счетъ и изъ монастырской казны: онъ былъ обложенъ серебромъ, вѣнцы были *сканныя* и украшены подвѣсками или гривнами. Мы нашли и въ настоящее время такой образъ въ церкви Николая Ратнаго, обложенный серебряннымъ позолоченнымъ окладомъ со вкладками на немъ, въ видѣ небольшихъ цатъ.

⁽¹⁾ См. Ист. Акты. Т. I. 280.

⁽²⁾ См. о Деисусѣ замѣтку въ Христ. Древн. 1875 г. стр. 62.

съ надписями старинною вязью. Образъ представляетъ три момента, именно: самое Преображеніе, восхожденіе на Оаворъ Иисуса Христа и Его схождение съ горы, вмѣстѣ съ тремя апостолами. Въ этой церкви на тѣлѣ стояли: Деисусъ изъ 14-ти иконъ, да 15 иконъ праздничныхъ и 13-ти пророковъ. Тѣбла всѣхъ ярусовъ были на краскахъ. ⁽¹⁾ Въ нижнемъ ряду икопостаса стояли образа: Рождества Христова, Успенія Пречистыя, мѣстныя иконы Пресвятой Богородицы, трехъ святителей. Въ вѣтѣ же особо стоялъ образъ «О Тебѣ радуется»; это—одна изъ тѣхъ символическихъ иконъ, которыя такъ быстро начали распространяться въ Россіи въ XVI вѣкѣ съ легкой руки Исковскихъ и Новгородскихъ иконописцевъ. «Служеніе живописи въ древнемъ христіанскомъ мірѣ, замѣчаетъ проф. Буслаевъ, между прочимъ состояло въ томъ, чтобы людямъ, незнающимъ грамотѣ, паглядно передавать отвлеченныя понятія и идеи Христіанства.» ⁽²⁾ Нужно предполагать что символическія иконы перешли къ намъ съ запада, но подлинники иконъ были переработаны въ народномъ вкусѣ. ⁽³⁾ Послѣ пожара въ Москвѣ въ 1547 году эти символическія иконы подали поводъ къ большому соблазну,—образовалась въ тогдашнемъ обществѣ, а можетъ быть, и въ духовенствѣ, партія ригористовъ, которые сожалѣли, что древнія иконы *Спасителя, Преч. Богородицы, Предтечева и Ильи Пророка* были замѣнены новыми: *Вѣрую, Во гробѣ плоти, Достойно есть* и другими. Представителемъ этой партіи явился Висковатый, протівникомъ его Сильвестръ. Мы знаемъ, что этотъ вопросъ рѣшенъ былъ на Соборѣ 1554 года въ Москвѣ и окончился повинною Висковатаго. Образецъ иконы *О Тебѣ радуется* мы находимъ въ Ка-

⁽¹⁾ Да имать власть свѣщи возжигати на тѣлѣ предъ Образы Господа нашего Иисуса Христа, Пречистыя его Богоматери и Св. Пророка Іоанна и проч.» Смот. Акт. Юрид. 410.

⁽²⁾ См. Историч. Очерки Рус. народной Словесности и Искусства, 1861 г. т. II, стр. 281.

⁽³⁾ Самъ Висковатый подозрѣвалъ здѣсь Латинское мудрованіе, потому что самъ слышалъ о томъ у *Матиса у Ляха*, См. Акт. Арх. Эксп. т. I, стр. 242-я.

зани въ Зилантовомъ монастырѣ, въ теплой церкви, на лѣвомъ клиросѣ.

Преображенская церковь была наполнена небольшими образами. На сѣверныхъ алтарныхъ дверяхъ было изображеніе Благоразумнаго Разбойника, какъ символъ того, что смиреніемъ и покаяніемъ можно войти въ небо, потому что алтарь означалъ въ таинственномъ значеніи самое небо. Это изображеніе повторено, какъ видно изъ Писцов. книги, въ иконостасѣ Илантовскаго монастыря. Ризница монастырская не отличалась особымъ богатствомъ. Лучшія, но немногія ризы сдѣланы были изъ *камки*, т. е. китайской парчи съ разводами, образецъ которой мы можемъ видѣть въ фелони свят. Гурія, сохранившейся въ Каѳедральномъ Соборѣ, изъ рытаго бархата различныхъ шелковъ съ золотомъ, изъ атласа, (матеріи Персидской) и наконецъ изъ *дороги*—шелковой полосатой азіатской матеріи: по ихъ было немного, большая часть облачений дѣлалась изъ простыхъ матерій: изъ *бязи*—хлопчато-бумажной матеріи, изъ *зуфи*—шерстяной матеріи въ родѣ комлота, *мухояра*—бумажной бухарской матеріи съ шелкомъ или шерстью, большею частію полосатую, изъ *жолста*, изъ *выбойки*, изъ *гребенина* и изъ *кутми* бухарской полосатой полущелковой ткани. Священническія ризы дѣлались безъ выема спереди, передняя часть фелони опускалась до земли, а для удобства при священнодѣйствіи подстегивалась на пуговицы. Въ ризницахъ Спасо-Преображенскаго монастыря и Благовѣщенскаго Собора сохранилось нѣсколько такихъ ризъ и между ними одна риза богатой восточной парчи, съ цвѣтами различныхъ колеровъ, прихотливо и пестро перебивающихъ одинъ другой. Особенно на этой фелони богато оплечье, оно опускается довольно низко и вышито сплошь крупнымъ жемчугомъ, съ драгоценными камнями и бирюзой, но превосходному, нѣсколько восточному узору. Фелонь эта не позже начала XVII вѣка и походитъ на ту фелонь, рисунокъ которой приложенъ къ III тому изданія Вельяминова-Зернова «Касимовскіе Цари и Царевичи.» Эти длинныя фелони не носило-ли наше духовенство, иногда собиравъ на локтяхъ, въ родѣ того, какъ показанъ подъемъ фелоней сбоку на древнихъ рисункахъ у Г. Прохорова: (1) На рисункахъ Оларія есть

(1) Христіанскія Древности, 1865 г. кв. 8 и 9-я.

изображенія московскихъ священниковъ въ ризахъ, под-
нятыхъ именно у локтей, ⁽¹⁾ если это только не католи-
ческое искаженіе гравёра. Иногда въ краяхъ длиннаго
передняго спуска фелоней святители, на древнихъ миниатюрахъ, держатъ евангелія и св. чаши. ⁽²⁾ Всѣ ризы укра-
шались *ожерельемъ* или *опушкой*, т. е. оплечьемъ ⁽³⁾; по-
слѣднее всегда дѣлалось изъ лучшей матеріи яркихъ цвѣ-
товъ и украшалось дробницами и жемчугомъ. Дробницами
назывались серебряныя позолоченныя пластинки круглой и
трехъ-угольной формы, нашивавшіяся на облаченія по
узору; ихъ можно видѣть на миниатюрахъ XVI вѣка. ⁽⁴⁾
Пояса къ ризамъ дѣлались изъ шелку, изъ питокъ и изъ
гаруса съ *ворворками* вокругъ шелковыхъ кистей, т. е.
съ жемчужными нитками или же золотой канителью во-
кругъ завязокъ кистей. Такая кисть осталась у одной
епитрахили изъ темнаго бархата, съ прекраснымъ шить-
емъ, въ Спасской ризницѣ. Епитрахили также украша-
лись дробницами и пуговицами, число которыхъ дохо-
дило до 30-ти. По древнимъ миниатюрамъ, эти пуговицы
нашивались по серединѣ епитрахили, а дробницы по бо-
камъ. ⁽⁵⁾ Подризниковъ вѣтъ въ описяхъ обѣихъ церквей,
а равно и Благовѣщенскаго Собора; они, вѣроятно, запи-
саны подъ именемъ стихарей. На древнихъ рисункахъ,
собранныхъ Г. Прохоровымъ, какъ матеріаль для изуче-
нія древнихъ облачений, рукава подризниковъ у святите-
лей довольно широки и не стянуты поручами. Въ описи
очень много пеленъ, богато пштыхъ, которыя предназна-
чались для подвѣшиванія къ иконамъ мѣстнымъ снизу и
служили для украшенія иконостаса. Плащаницы называ-
лись *воздухами*; и кромѣ нихъ мы находимъ въ это время
въ церквахъ — убрусцы, судари, ширинки и фаты; это были

⁽¹⁾ См. вышеупомянутое Амстерд. изданіе Олеарія рис.
на стр. 32-й.

⁽²⁾ См. рукоп. Псалтирь конюшен. боярина Дим. Ив.
Годунова въ Библиот. Казан. Духов. Академіи № 748,
стр. 357-я.

⁽³⁾ Писц. кн. стр. 11, 28-я.

⁽⁴⁾ Псалт. Годунова, стр. 150.

⁽⁵⁾ Тамъ-же стр. 150-я.

пожертвованія женскаго усердія. *Сударь* были, вѣроятно, наши современные воздухи. «Приходили-бъ, говорится въ посланіи Митрополита Кипріяна (XIV в.) къ Псковскому духовенству (1), къ царскимъ вратамъ, да причащались бѣ, а къ сударю бѣ неприкасались.» Одинъ изъ такихъ сударей сохранился въ ризницѣ Спасскаго монастыря, онъ принадлежитъ къ XVI вѣку, потому что на углахъ его сохранилась надпись: «лѣта 7073-го далъ си сударь въ домъ Боголѣпнаго Преображенія Князь Григорій Андреевичъ Булгаковъ по своимъ родителѣхъ.» (2) Сударь сохранился превосходно: шелки, которыми онъ вышитъ, поражаютъ свѣжестью колера, серебро и золото вышивки также вполне сохранились. Преображеніе Спасителя представлено въ пяти моментахъ: посрединѣ изображено самое Преображеніе, сверху ангелъ сводитъ на Ѡаворъ пророка Ілію съ неба, куда онъ взятъ живымъ, какъ свидѣтельствуемъ Св. Писаніе; справа другой ангелъ воздвигаетъ изъ гроба Моисея. Слѣва внизу—Спаситель и Апостолы идутъ на Ѡаворъ, справа тѣ же лица сходятъ съ горы. Есть слѣды, что сударь въ послѣдствіи получилъ нѣкоторое измѣненіе: по угламъ нашиты фигуры евангельскихъ символовъ, менѣе искусной работы; къ нему прибавлены два другихъ воздуха этой же работы, между тѣмъ какъ самый сударь отличается высокой работой придворныхъ мастерицъ. Композиція рисунка Преображенія вполне одинакова съ иконой Преображенія, находящейся въ Церкви Николы Ратнаго и съ миниатюрой на 331 стр. Псалтири Годунова. Сударь записанъ на 29 стр. Писц. книги. Въ ризницѣ Спасскаго монастыря сохранилась другая рѣдкость, по нашему мнѣнію, принадлежащая къ XVI—вѣку, это—плащаница или большой воздухъ, записанный на 29 стр. Писцовой книги такъ: «Воздухъ большой шитой *Положеніе во гробъ*, вѣнцы шиты золотомъ, сажены около жемчугомъ, числомъ 110 зеренъ, слова шиты золотомъ около его.»—Въ Плащаницѣ замѣ-

(1) Истор. Акты I, № 8.

(2) Тотъ самый Булгаковъ, который былъ въ 1566 году младшимъ воеводой въ Казани. (Писцовая книга стр. 34-я)

чательны слѣдующія особенности композиціи: Богородица, преклонивъ лѣвую щеку къ главѣ Спасителя, сидитъ на сѣдалищѣ съ подножіемъ; на тѣлѣ Христа Спасителя вышиты шелками темнотѣлеснаго цвѣта правильныя фигуры—круги, эллипсы и полукружія, имѣющія какое-либо символическое значеніе; фигуры предстоящихъ изображены энергически, смѣло и напоминаютъ старинную живопись, напримѣръ, фрески XII вѣка Георгіевской Церкви въ Рюриковской крѣпости, въ Старой Ладогѣ. (1) Надпись вокругъ плащаницы, представляющая пѣснь Великой субботы: «*Да молчитъ всякая плоть,*» положительно принадлежитъ къ половинѣ XVI в. (2) Плащаница сходится съ описаніемъ Писцовой книги, даже число жемчужинъ на золотыхъ вѣнцахъ Спасителя и Божіей Матери одинаково. Совершенно одинаковую по работѣ и по тканямъ, употребленнымъ для цѣлой плащаницы и для вставокъ въ вышивкахъ, представляетъ собою плащаница Соборной Благовѣщенской Церкви, сохранившаяся такъ-же хорошо, какъ и первая. Въ Писцов. книгѣ (стр. 11 и 12) она описывается такъ: «Воздухъ шить по камкѣ по синей золотомъ, серебромъ и шелки, а покупано золото и серебро и шелка изъ Государевы казны, а въ мѣрѣ воздухъ сажень съ локтемъ, подложенъ тафтою червчатою бурскою, опушка атласъ цвѣтной, а шила воздухъ князь Юрьева Темкина княгиня и опушка прикладъ еезъ, а камку далъ Михийло Лыковъ, а подкладку далъ Кузьма Федоровъ.» Мѣра этой плащаницы какъ разъ сходится съ описаніемъ ея, въ Писцовой книгѣ. Въ XVI вѣкѣ плащаницы назывались *большими воздухами*, что видно изъ справокъ, сдѣланныхъ нами съ Уставами, хранящимися въ Соловецкой Библіотекѣ. (3) Принадлежность этой

(1) Христ. Древн. 1871 г. кн. 4.

(2) Мы сравнивали редакцію этой пѣсни, начертанной на плащаницѣ, съ редакцію ея въ нотномъ ирмологіѣ XVI вѣка, Соловец. библіотеки рукопись № 276-й, и нашли ее тождественною.

(3) Въ Церковныхъ уставахъ пачала XVI вѣка. (Соловец. Библіот. 1116 и 1118) выносъ плащаницы на утрени Великой субботы описывается такъ: Славословіе ве-

плащаницы въ XVI вѣку, кромѣ этого, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ. Вокругъ плащаницы вышиты вязью пѣсни: «Тебе одѣющагося» и «Да молчитъ.» Мы сличали текстъ обѣихъ пѣсней и оказалось, что «Да молчитъ» совершенно одной и той-же редакціи съ редакціею этой пѣсни на Спасской плащаницѣ, а редакція «Тебе одѣющагося» занимаетъ среднее мѣсто между редакціями этой пѣсни конца XV и конца XVI вѣковъ.⁽¹⁾ Вязь надписей на обѣихъ плащаницахъ имѣетъ поразительное сходство съ вязью другихъ предметовъ времени Грознаго въ Спасскомъ монастырѣ, а также съ вязью на рукописномъ евангеліи 1532 г., хранящемся въ Псковскомъ Соборѣ и на завѣсѣ Хиландарскаго монастыря, пожертвованной Грознымъ въ 1556 году этой обители.

Въ Спасской монастырской описи показаны двѣ панагии и двѣ палицы, изъ которыхъ одна съ вышитымъ образомъ Спасителя;⁽²⁾ но въ этой описи полное отсутствіе опи-

сана. И бываетъ выходъ съ Евангеліемъ поющимъ намъ надгробное трисвятное, емуже скончану бывшию возглашаетъ іерей или діаконъ «Премудрость прости.» Но въ уставахъ принадлежащихъ (№№ 1119 и 1121) второй половинѣ XVI в. эта церемонія описывается такъ: Игуменъ вшедь въ олтарь облечется во всю священную одежду, исходитъ съверными дверми, везуть *воздухъ большой* и т. д.) Слѣдовательно обрядъ ношенія плащаницы введенъ у насъ въ XVI вѣкѣ и тогда плащаница называлась, какъ и въ текстѣ Писцовой книги, *большимъ воздухомъ.*

(1) Мы взяли для сличенія двѣ рукописи «Цвѣтной о Трїодя» въ Соловецкой библіотекѣ—№ 1972, относящійся къ 1465 году и № 1076, относящійся къ 1599 году. Въ первой редакція «Тебе одѣющагося» носитъ слѣды юсовъ и мягкихъ окончаній *видтъвъ, благоумилень*; но редакція 1599 уже совершенно русская. Въ редакціи пѣсни, начертанной на плащаницѣ, нѣтъ юсовъ, но есть еще слѣды мягкаго произношенія конечныхъ полугласныхъ, юсы на концѣ иногда замѣняются мягкой подугласвой.

(2) Палица у архіереевъ также имѣла свою исторію. На Аѳонскихъ фрескахъ у Кирилла Александ. и Діонн-

санія митръ и наперстныхъ архимандричьихъ крестовъ. Митры и кресты архимандритамъ начали давать у насъ лишь въ концѣ XVII вѣка, обычай настоятелей носить эти предметы высшаго духовнаго достоинства получилъ начало въ Малороссіи, гдѣ эта новизна была введена изъ подражанія католическимъ аббатамъ (*abbates mitrati s. infulati*), нѣкоторымъ же архимандритамъ Малой Россіи, давали митры чуть ли не Польскіе короли⁽¹⁾. По присоединеніи Малороссіи наши Государи начали давать митры лишь настоятелямъ первоклассныхъ монастырей, нѣкоторымъ архимандритамъ за заслуги, а иногда по просьбамъ монастырскихъ владчиковъ, которые усердно были челомъ, чтобы ихъ монастырю дали архимандрита *съ шапкой*.⁽²⁾ Въ описяхъ Писцовой книги (стр. 25-я) упоминаются ладонницы, какъ видно по описанію, довольно изящной работы. Одна такая ладонница сохранилась въ Соборной ризницѣ (позднѣйшей работы) серебряная, позолоченная. Въ житіи Бориса и Глѣба XIV вѣка изображены діаконны, оказывающіе мощи святыхъ, съ обыкновеннымъ кадиломъ въ правой рукѣ и съ ладонницею въ лѣвой, ладонница по рисунку изящной работы. На Аѳонскихъ иконахъ архидиаконы Евилъ и Стефанъ изображаются точно также. На миниатюрѣ рукописи IX вѣка Григорій Назіанзенъ представленъ съ обыкновеннымъ кадиломъ въ правой и съ ладонницею въ лѣвой рукѣ. На миниатюрѣ (на стр. 123) Псалтири Годунова каждащій діаконъ также держитъ въ рукѣ ладонницу. Не было ли въ XVI вѣкѣ у насъ обычая діаконамъ носить ладонницу при каженіи, чтобы изъ

сія Ареопегита палицы представляютъ двѣ фигуры—круговидную и въ родѣ неправильнаго многоугольника, но на изображеніи Митрофана, 1-го Патріарха Константинопольскаго, палица имѣетъ совершенно современную форму,—въ серединѣ образъ благословляющаго Спасителя. Хрест. Древн. 1865 года, книга 9-я. Въ описи Благовѣщенскаго собора есть описаніе палицы съ образомъ *Пречистыя въ уныніи*.

(1) Опытъ пов. о древн. Русскихъ. ч. II, стр. 439-я.

(2) См. Древ. Росс. Вѣстникъ. ч. XIX, стр. 400. Мы цитруемъ вездѣ Вивліюэику, 2-го изданія.

нея, по мѣрѣ надобности, класть ладонь въ кадило? Это предположеніе кажется естественнымъ, если примемъ во вниманіе тогдашнее долговременное кажденіе, напримѣръ при началѣ вечерни праздничной кадрили всю церковь во все время, пока пѣли предначинательный псаломъ, повторяя стихи на каждомъ клиросѣ.

Въ трапезной описи Спасскаго монастыря показаны: «въ трапезѣ *Пречистая*, что воздвизаютъ хлѣбець, на золотѣ, да *кадея* булатная.» (стр. 27). Для поясненія этого мѣста и для дополненія картины монашеской жизни, мы должны упомянуть о древне-монастырскомъ обрядѣ «Возпошенія Панагіи». По окончаніи Литургіи, монашествующіе, подъ начальствомъ Игумена, шли въ трапезу, причемъ впереди несли на особомъ изукрашенномъ блюдѣ или въ ковчегѣ Богородичную просфору или панагію. Сосудъ съ панагією ставился подъ Деисусъ, находившійся всегда на передней стѣнѣ трапезы, на особой полочкѣ, гдѣ во время пасхи ставили пасху и артось. По окончаніи трапезы, какъ показано въ уставѣ Св. Варсонофія, ⁽¹⁾ келарь подходилъ къ Панагіи «и снемъ влобукъ и камилавку, поклонится до пояса и глаголетъ гласомъ равнымъ: *Благословите отцы и братія и простите меня грѣшнаго* и приѣмъ хлѣбъ, лежащій на панагіи, тремя персты обѣихъ рукъ воздвигъ горѣ (къ верху) хлѣбъ надъ панагіаромъ и раздробляетъ хлѣбъ комуждо хотящихъ Православныхъ Христіанъ.» Кадея назначалась для приношенія на трапезу меда, сыты, кваса; по окончаніи ужина или обѣда игумень ударялъ ложечкою по столу и тогда братіи разносили питье. ⁽²⁾ Отъ времени Грознаго, кромѣ означенныхъ предметовъ ⁽³⁾, осталось блюдо въ Преображенскомъ монастырѣ гладкое серебряное; по краямъ его въ клеймахъ надпись: «Іоанъ, Божією милостію Государь Царь и великій Князь всея Руси.» Въ монастырѣ есть небольшой серебряный потиръ безъ надписи и дискось, на круглой очень низкой ножкѣ, и серебряная небольшая плос-

⁽¹⁾ См. вышепривед. на стр. Уставъ, листъ 22 наобор.

⁽²⁾ Тамъ-же листъ 98-й.

⁽³⁾ Мы говорили выше о ковчѣхъ временъ Грознаго, о древнемъ врестѣ, о сударѣ и плащаницѣ.

кая чаша, съ надписью: *Господь просвѣщеніе мое*, и далѣе весь 1 стихъ XXVII псалма, по редакціи, совершенно сходной съ текстомъ этого псалма псалтири Годунова, кружка серебряная, позолоченная, съ выпуклыми чеканными украшеніями, очевидно, не русской работы, на которой внизу нацарапана надпись: «аще хто продасть или заложитъ или въ честь отдасть, не буди на томъ чловѣкѣ мое благословеніе.» Не тѣ ли это сосуды, которые были пожертвованы Спасскому монастырю Царемъ Іоанномъ (Писцовая кн. стр. 26-я), а чарка не та ли «чарка мисюрская серебряная, а въ ней позолочено» которая записана въ описи Писцовой книги (стр. 25)? Что касается до серебряной чаши, то она, вѣроятно, употреблялась вмѣсто лампы, для горѣнія масла ночью предъ образомъ. Надпись *Господь просвѣщеніе мое*... и совершенное сходство ея съ такою же чашею, находящеюся въ ризницѣ Соборной, употребленіе которой прямо указано служить лампадой, подтверждаютъ наше предположеніе. (1)

Память Святит. Варсонофія сохранилась въ Спасскомъ монастырѣ въ слѣдующихъ предметахъ: 1) Въ жезлѣ Свя-

(1) Въ ризницѣ Спасо-Преображенскаго монастыря есть нѣсколько, относящихся къ XVII вѣку: а) потиръ 1621 года дачи Тимоѣя Татаринова; б) Сосуды 1645 г., пожертвованныя по Прокопѣ Ивановѣ Враскомъ; в) Воздухи, шитые золотомъ и серебромъ, 1673 года Ивана Веревкина; г) крестъ серебряный, позолоченный, 1691 года при Архимандритѣ Симеонѣ пожертвованный таможеннымъ подъячимъ Иваномъ Амвросимовымъ; д) крестъ сандаловаго дерева, пожертвованный подъячимъ Игнатиемъ Хрисановымъ; е) огромная водосвятная серебряная чаша, сдѣланная при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на монастырскую казну, въ 1668 году; ж) большое Евангеліе старинной чеканной работы, съ жемчугомъ и драгоценными камнями, сдѣланное при Архиман. Сильвестрѣ въ царствованіе Михайла Теодоровича, монастырскою вкладною казною: жемчугъ данъ Стольникомъ и Воеводою княземъ Михаиломъ Петровичемъ Пронскимъ въ числѣ 298 зеренъ; да двадцать пять золотыхъ; да Посадскій Аонасій Жегулевъ далъ 50 рублей, да шесть лалловъ;

тителя, деревянномъ. окованномъ внизу узорчатымъ желѣзомъ. 2) Въ его Уставѣ, какъ видно изъ надписи, принадлежащемъ его рукѣ, но дописанномъ Никифоромъ Ярославцемъ, что и видно по различію почерка, который сильно измѣняется въ 2-й половинѣ Устава. Въ началѣ Устава употребляются юсы, но середина и конецъ книги русской редакціи. 3) Въ Евангеліи, принесенномъ Свят-Варсонофіемъ съ собою изъ Твери, хранящемся въ Соборной ризницѣ. Оно писано чрезвычайно четкимъ полууставомъ, отличается прекрасными заставками и такими-же изображеніями Евангелистовъ. На послѣдней страницѣ приписка: *Въ лѣто 6986 (1478) свершена бысть книга сія Четвероблаговѣстникъ, зовомое Евангеліе, въ Богоспасаемомъ градѣ Твери, при Благовѣрномъ великомъ князѣ Михаилѣ Борисовичѣ, замышленіемъ и стараніемъ боголюбиваго Вассіана, владыки Тверскаго, мѣсяца Маія въ 21 день, на память святаго равноапостола Константина и матери его Елены. Начало и конецъ о Христвъ. Аминь.*» 4) Наконецъ вѣчнымъ памятникомъ и благословеніемъ Казани служатъ мощи Свят. Варсонофія, сначала почивавшія въ придѣлѣ Преображенскаго Собора, а въ настоящее время въ великой церкви. Митрополитъ Казанскій Гермогенъ въ Житіи святаго⁽¹⁾ рассказываетъ, что при открытіи мощей святителя, въ одной гробницѣ съ нимъ найдены были также нетлѣнными тѣла учениковъ его Іоны и Нектарія. Тѣла обоихъ святителей Гурія и Варсонофія обрѣтены были въ 7104 (1596) году. Они были погребены въ томъ небольшомъ зданіи съ узкими окнами, которое стоитъ, полууглубленное въ землю, близъ алтаря Преображенскаго Собора. Это зданіе было устроено надъ гробомъ Св. Гурія его любимымъ бояриномъ Іоанномъ Застолбскимъ. Писцовая книга сохранила указаніе, гдѣ были домъ этого боярина. «За Булакомъ же въ острогѣ, переѣхавъ Булацкій мостъ, противъ Пушкарскіе улицы, слобода архіепископя, а въ слободѣ дворъ архіепископя боярина *Ивана Елизаровича Застолбскаго*» (стр. 47-я). Это былъ человекъ, вполнѣ преданный святителю, человекъ правдивый: «онъ, говоритъ Житіе, содѣ-

(¹) Сборникъ П. Любарскаго, стр. 31-я.

лазъ гробницу надъ гробомъ святителя и вѣтъ каменну немалу.»⁽¹⁾ Сынъ этого Застолбскаго Димитрій принялъ монашество и, не смотря на богатство отца, подвизался въ монастырѣ простымъ монахомъ; послѣ его смерти отецъ похоронилъ его въ этой же гробницѣ и его-то тѣло найдено было нетлѣвнымъ. Послѣ открытія мощей благочестивые люди удостоивались чести погребенія въ этой самой гробницѣ святителей. Теперь стоятъ въ ней гробы: Ефрема митрополита Казанскаго, Епифанія архіепископа Іерусалимскаго, епископа Андрускаго Арсенія и Грузинскаго князя И. Е. Багратіона—Давидова.

Въ Спасскомъ монастырѣ сохранились до селѣ постройки XVI вѣка. Кромѣ церкви Никола Ратнаго, выстроенной при святителѣ Варсофій, Преображенскій Соборъ построенъ въ 1596 году при царѣ Феодорѣ Іоанновичѣ. Соборъ этотъ въ послѣдствіи подвергся многимъ передѣлкамъ и чтобы опредѣлить его первоначальную архитектуру, нужно, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Прохоровъ⁽²⁾ о древнихъ нашихъ церквахъ, анатомировать всю церковь, отнявъ отъ нея позднѣйшія пристройки. Всѣ наши старинныя церкви поражаютъ насъ необыкновенною красотою своей постройки, соразмѣрностью частей, изяществомъ вѣшнихъ украшеній такъ, что съ перваго же раза видны слѣды греческаго гениа, умѣвшаго придать красоту всему, къ чему прикасалась рука грека. Наши первые церковные мастера были греки, передавшіе свое искусство русскимъ мастерамъ; церковная архитектура особенно развилась въ нашихъ древнихъ свободныхъ городахъ—Новгородѣ и Псковѣ. Съ XIII вѣка у насъ начинается образовываться свой особый архитектурный стиль. Въ это время въ Новгородѣ замѣтно вліяніе западное, на церковное зодчество—именно подражаніе романскому стилю, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно являются признаки самостоятельнаго зодчества. Въ XVI вѣкѣ Москва забрала лучшихъ мастеровъ изъ Новгорода и Пскова и потомъ сама подверглась вліянію востока и запада. Въ Москвѣ являются архитек-

⁽¹⁾ Тамъ-же, стр. 321—2.

⁽²⁾ Христ. Древн. 1872 г. вв. Поясн. матер. при изслѣдованіи архитезт. въ Россіи, стр. 1.

торы изъ Западной Европы. Въ послѣдствіи времени Московскіе мастера уже начали давать тонъ древнимъ нашимъ городамъ. Въ Казани древнее церковное русское искусство выразилось особенно въ двухъ главныхъ храмахъ—Преображенскомъ и Благовѣщенскомъ Соборахъ. Особенно выразилось оно въ послѣднемъ Соборѣ, первый же Соборъ есть подражаніе второму. Та часть Благовѣщенскаго Собора, которая увѣнчана пятью главами, доселѣ сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Барабаны главъ очень изящны, ихъ украшенія напоминаютъ лучшіе наши древніе образцы. Видно, что мастера—Посникъ Яковлевъ и Иванъ Ширый были мастера, хорошо знакомые съ древними храмами своихъ родныхъ городовъ Пскова и Новгорода. Архитектура Казанскаго Кафедральнаго Собора напоминаетъ архитектуру Новгородскаго Софійскаго Собора, церкви—Спаса въ Нередицахъ (близъ Новгорода), Николы въ Лицѣ, Феодора Стратилата, Дмитрія Селунскаго, Преображенія Господня, Успенія на Волотовомъ полѣ, въ Новгородѣ, и церкви Варлаама Хутынскаго, въ Псковѣ. Смотря на архитектуру древнихъ построекъ въ Казани, вы не можете уловить ихъ первообраза, но убѣждаетесь, что зданія отъ каждой изъ указанныхъ церквей что-либо заимствовали. Въ этомъ вы еще болѣе убѣдитесь, рассматривая превосходные рисунки, приложенные къ «Христіанскимъ Древностямъ» за 1871-й и 1875-й годы. Тѣ же главы, украшенныя около карниза небольшими арочками, узорчатыми поясками изъ кирпича, съ узкими окнами въ барабанахъ, тѣ же алтари, съ тремя выступами, украшенные арками и колонками. Но въ теченіи 3-хъ вѣковъ прикосновеніе руки людей, необладавшихъ вкусомъ и умѣньемъ древнихъ нашихъ зодчихъ, исказило святую древность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Преображенскій Соборъ строился по образцу Благовѣщенскаго. Какъ на томъ, такъ и на другомъ Соборѣ сначала были полукруглыя греческія крыши; желѣзо крыши покрывало главы по сводамъ и на среднемъ немного возвышенномъ подъемѣ главы красовались невысокіе желѣзные греческіе кресты, съ прорѣзью и характерными украшеніями по концамъ. Еще теперь мы можемъ видѣть такія главы въ Казани у церкви Николы Магастратскаго. Позднѣйшіе архитекторы придѣляли у

главъ Каедр. Собора восточныя (магометанскія) главы, въ видѣ луковицъ, тяжело и безобразно опускающіяся всею своею массою надъ легкими барабанами главъ. На Соборѣ же въ срединѣ придѣлана глава въ романскомъ стилѣ, совершенно негармонирующая съ остальнымъ зданіемъ. На Спасскомъ Соборѣ при перестройкѣ придѣлали восьмиугольный барабанъ для средней главы, совершенно другой архитектуры, и, къ довершенію дисгармоніи, украсили его греческими колоннами съ капителями. На алтарѣ и на передней части Благовѣщенскаго Собора сохранилась греческая полукруглая крыша, съ восьмью скатами, какъ дѣлалось это на всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ храмахъ; еще доселѣ полукруглые скаты крыши Собора опираются на внѣшнія арки, даже подъ крышами остался подзоръ. Затѣмъ Соборъ Благовѣщенія обезображенъ пристройкою трапеzy; архитектура ея крайне неудачна и обличаетъ архитектора, неимѣвшаго ни малѣйшаго понятія о нашемъ древнемъ церковномъ зодчествѣ. Въ этомъ убѣдится всякій, кто взглянетъ на фигуру Собора, подъѣзжая къ Казани по дамбѣ. Затѣмъ обезображиваніе древней Казанской святыни на томъ и остановилась. Прекрасная соборная колокольня, которую еще въ шестидесятыхъ годахъ предполагали возвысить,—благодареніе Богу—осталось въ прежнемъ видѣ. Въмѣсто крыши она живописно покрыта разнообразными теремками; на главѣ прекрасный прорѣзной крестъ съ вѣнцомъ и голубицею Носва ковчега. Въ Преображенскомъ Соборѣ дѣло зашло дальше. Позднѣйшіе архитекторы къ задней стѣнѣ собора пристроили безобразное зданіе, верхъ Собора исказили, поднявъ всѣ стѣны собора такъ, что пришлось поднять и барабаны западныхъ главъ и уничтожить старинныя въ нихъ окна; отъ этого правильныя боковыя арки, на которыхъ опирались скаты крыши Собора, во многихъ мѣстахъ привуждены были также поднять. Въмѣсто ряда небольшихъ, но красивыхъ оконъ, въ верхней части стѣнъ Собора продѣлали широкія, безобразныя окна, безъ симметріи; внизу сдѣланы такія же окна, чѣмъ было нарушено мягкое верхнее освѣщеніе церкви, какъ-бы, напоминавшее молящемуся о томъ, что духовный свѣтъ нисходитъ свыше, и уничтоженъ полусвѣтъ святилища, освѣщавшагося не столько дневнымъ свѣтомъ, сколько пламенемъ свѣчъ и лампадъ предъ ико-

нами, полусвѣтъ, поражающій насъ въ готическихъ храмахъ Запада и въ древнихъ обителяхъ русскихъ, (напр. въ великомъ соборѣ Кіево-Печерской Лавры.) Къ довершенію всего къ переднему фасалу храма Преображенія придѣланъ сверху фронтонъ польскихъ костеловъ, вѣроятно, изобрѣтеніе приѣзжавшихъ съ нѣкоторыми Казанскими владыками Кіевскихъ ученыхъ (1), не знавшихъ византійскихъ памятниковъ церковной архитектуры.

Переднія главы Соборовъ, гдѣ помѣщались—въ одной монастырская казна, а въ другой—ризница, остались, какъ и были сдѣланы онѣ сначала, безъ оконъ, ноходы въ эти главы въ стѣнахъ еще на нашей памяти были заложены. Въ Кафедральномъ соборѣ видно начало лѣваго хода въ алтарѣ, изъ котораго велъ онъ сначала на хоры, гдѣ, вѣроятно, помѣщались во время богослуженія женщины. Такія входы недавно открыты въ Кіевософійскомъ Соборѣ и у Георгія въ Ладогѣ (2). Въ Соборной описи показаны вещи, хранившіяся въ *Ризницѣ* (стр. 12) и въ *Казнѣ* (стр. 15), особо.

Монастырская ограда устроена въ XVII вѣкѣ. Такъ гласитъ надпись надъ св. вратами монастыря, высѣченная вязью. На воротахъ въ этомъ вѣкѣ была устроена церковь Богородицы Положенія честныя ризы Ея; это было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по благословенію Макарія Антиохійскаго патріарха и Иоасафа патріарха Всероссийскаго въ 7178 году. На вторыхъ монастырскихъ воротахъ, къ церкви Кипріановской, существовала другая церковь Макарія Калязинскаго. Въ XVII вѣкѣ эти церкви на воротахъ уничтожены, а на мѣсто ихъ построены новыя: на св. воротахъ церковь Св. Великомученицы Варвары, да при монастырской больницѣ устроена церковь во имя Самсонія Страннопримца. Монастырскія кельи и службы выстроены въ разное время (3). Древностью архитектуры и кладкою поражаютъ насъ и до-

(1) У Любарскаго есть извѣстіе, что передѣлкой Собора занимался архимандритъ Преображенскаго монастыря Германъ Барутовичъ. Сбор. стр. 48.

(2) Христ. Древн. 1875 г. 62 стр. и 1872. стр. 17.

(3) См. Сборникъ Платона Любарскаго, стр. 53-я.

селѣ—нижній этажъ монастырскихъ келлій, сѣверо-восточную часть котораго должно отнести къ XVI вѣку и часть строеній на конюшенномъ дворѣ, занятая и доселѣ живыми помѣщеніемъ.

По Писцовой книгѣ (стр. 48) во владѣніи монастыря состояла особая слободка за Булакомъ, называвшаяся Преображенскою; въ ней, кромѣ монастырскаго скотнаго двора (коровьяго), стояло 4 двора крестьянскихъ. На новомъ острогѣ, гдѣ были прежде монастырскіе огороды, было построено 9 дворовъ казачьихъ, а жили въ нихъ, какъ значится въ книгѣ, «монастырскіе *дѣтеныши* и мастеровые люди.» Кто были эти монастырскіе дѣтеныши, объясняется въ грамотѣ царской 7079 года, гдѣ разрѣшается прибавить земли къ оградѣ Преображенскаго монастыря на томъ основаніи, что монастырю на служекъ и ихъ *дѣтей* (которые—замѣтимъ мимоходомъ—были люди свободные или казаки) жалованнаго царскаго мѣста было не дано. Всего за Преображенскимъ монастыремъ въ Казани числилось дворовъ 39, а людей въ дворахъ 41 человекъ. Эти монастырскіе крестьяне показали окольнымъ Никитѣ Борисову да Дмитрію Кикину свои дворы бѣлыми; они ни въ какія дѣла, ни въ розметы не тянули, т. е. не участвовали въ платѣ тягловыхъ податей, которыя разверстывались по числу городскихъ жителей и по ихъ имуществамъ, *по животамъ и промысламъ*, какъ тогда официально писали. (1) На опросѣ архимандритъ Іеремія сказалъ, что «тѣ ихъ монастырскіе крестьяне дѣлаютъ на монастырѣ, кельи ставятъ, и городьбу городятъ на монастырѣ къ службамъ, въ поварни дрова и воду возятъ и квасъ варятъ, и за городомъ конюшенъ на коровой дворѣ дѣлаютъ, и огородъ пашутъ, и всякія монастырскія дѣла дѣлаютъ, а оброку, сказалъ, съ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ не емлютъ для дѣла.» (стр. 49-я.) Кромѣ того у монастыря были сѣнокосы и животинные выписки (т. е. выгоны для скота) внизъ по Волгѣ, по ту сторону р. Казанки, по обѣ стороны Ички. (Стр. 55-я.)

Монастырь владѣлъ, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, землями и деревнями. На рѣвѣ Ноксѣ былъ въ его

(1) См. выше, стр. 40-я.

владѣнія—сельца Клыкъ и Средней Клыкъ; на рѣкѣ Дертулевкѣ—починокъ Самасырь, починокъ Сафаровъ и Ангильдѣевъ на той же Ноксѣ, починокъ Полянъ и Новой подѣ Чернымъ племъ, деревня Борисова на 3-мъ Кабанѣ, пустошь Мамокова и село Куюкъ на р. Куюковѣ. Въ этихъ деревняхъ, сельцахъ и починокъ было 3-ри монастырскихъ двора и 44-ре двора «крестьянскихъ, и полонянничьихъ, и новокрещенскихъ, и чувашскихъ.» При нихъ было пашни «203 четверти, перелогу 63 четверти, зарослей и дубровъ пашенныхъ 53 десятины, да въ дву по томужъ ⁽¹⁾, сѣна ставилось 890 копенъ лѣса, пашеннаго было 50 десятинь, пашеннаго и непашеннаго врозни 10 верстъ съ полуверстою, а поперегъ на 7 верстъ съ полуверстою, по смѣтѣ.» ⁽²⁾ Не смотря на значительную поземельную собственность, монастырь получалъ довольно ограниченный доходъ съ своихъ земель. На этихъ земляхъ сѣли различные поселенцы, большая часть которыхъ состояла на льготѣ и только съ 1573 и 1577 года должны были отбывать монастырю барщину запашкою, по десятинь на дворъ. Вотъ почему монастырь съ трудомъ могъ содержать самъ себя. Изъ оставшихся документовъ видно, что самыя незначительныя на нашъ взглядъ суммы считались для монастырской экономіи значительными. Въ своемъ челобитѣ святит. Варсонофій Царю Ивану Васильевичу въ 1562 г., жалуется на крестьянина села Царицына на Ивана, да на Прошку Огарева, что они взяли у монастыря два рубля на лѣсъ, да на медь одинъ рубль и не отдають ни денегъ, ни лѣсу, ни меду. ⁽³⁾ Бояре также отнимали у монастыря земли и покосы и не обращали вниманія на челобитья архимандрита. ⁽⁴⁾ Вообще изъ различныхъ мѣстъ Писцовой книги видно, что положеніе края было далеко незавидное. Русскіе переселенцы не успѣли еще занять края и извле-

(1) Обыкновенное выраженіе Писцовыхъ книгъ, обусловленное нашимъ трехпольнымъ хозяйствомъ.

(2) Поля вымѣривалось по глазомѣру, по пословицѣ «мѣрила баба влюкой, да махнула рукой.»

(3) Сборн. Пл. Любарскаго, стр. 54 и 55.

(4) Тамже, стр. 54.

сать пользу изъ его естественныхъ богатствъ; мѣстные жители неохотно шли на монастырскія земли, хотя эти земли не несли казеннаго *посоинато* тягла, пользовались льготою, и даже освобождались отъ платежей въ пользу монастыря на нѣсколько лѣтъ. Дали тѣхъ крестьянъ, которые шли на монастырскія земли, трудно было удержать на нихъ, — границы наши въ Низовомъ краѣ были слишкомъ неопредѣленны, при первомъ случаѣ крестьяне бросали свои земли и шли далѣе наковыя; Вятка служила издавна притономъ для всѣхъ гулящихъ людей; русскіе завлали край, но еще не стали здѣсь твердою ногою и при первомъ возстаніи края невооруженно погибали весь трудъ земледѣльца; все важное имъ добро. Такимъ образомъ становится понятной Московская политика относительно монастырскихъ имѣній. Мы знаемъ, что Грозный въ 1551 году Соборнымъ опредѣленіемъ окончательно прекратилъ всѣ словопренія о правѣ монастырей и церковей владѣть населенными имѣніями, — покупка монастырями новыхъ частныхъ земель прекращена, неправильно присвоенныя земли черныя и помѣстныя отъ монастырей отобраны, сдѣлано еще больше, — въ Твери, Торжкѣ, Рязани отобраны въ казну имѣнія, прибрѣтенныя монастырями безъ доклада о томъ Государю. Въ 1558 году собранъ въ Москвѣ новый Соборъ, который не только подтвердилъ все прежде установленное, но еще положилъ отобрать отъ монастырей Княжескія вотчины и помѣстья, ими прибрѣтенныя, на томъ основаніи, что «отъ этого отчужденія ихъ въ пользу монастырей и воинственному чину происходитъ скудевіе велие.» Но въ то же время подъ рукою Царя Іоанна IV милостиво жаловалъ монастырямъ земли, охотно выдавалъ тарханныя грамоты. Вдумываясь въ Московскую политику въ Казанскомъ краѣ, легко отыскать и разгадку такой политики. Монастыри, всегда относившіеся довольно мягко къ своимъ крестьянамъ и имѣвшіе право судить ихъ своимъ судомъ, могли легко и скоро колонизовать новый край, привлекиши на свои земли выходцевъ изъ Россіи. У Іоанна IV и его преемниковъ и въ самомъ прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ была та же двойственная политика. Государство съ одной стороны запрещало нѣбгн, съ другой — поощряло новый переселенія различными льготами. Отъ временъ Еронова до

шла до насъ двѣ несудныя грамоты, данныя въ 1555 и 1582-мъ годахъ Спасо-Преображенскому монастырю; эти грамоты подтверждены Феодоромъ Иоанновичемъ и Царемъ Борисомъ въ 1588 и 1599 годахъ. (1) Въ своихъ имѣніяхъ монастырь имѣлъ три мельницы и ему предоставлены были рыбныя ловли въ устьѣ Казанки и на Волгѣ, въ такъ называемомъ Чертыкѣ, отъ верхняго взголовя нижнюю взголовь» Въ Тетюшскихъ водахъ монастырь пользовался уловомъ рыбы по 12-ти связокъ, а вмѣстѣ съ Соборнымъ Протопопомъ и братіею его имѣлъ право ловить рыбу во всѣхъ трехъ Кабанахъ. Подъ самую Казанью были монастырскіе луга, по записи Писцовой книги, «за рѣчкою Ички—Казанью до Царева Луга, что нынѣ воеводскіе, по дорожку отъ города чрезъ Ичку—Казань и до рѣчки до Туры—Казани.» Къ этому лугу былъ прибавленъ архимандриту съ братіею покосъ на городской сторонѣ р. Ички—Казани, принадлежавшій вышедшему изъ Казани на службу въ Астрахань сотникамъ стрѣльцкымъ, Ширю Кузминскому да Елизарью Ивину Глядкову. Поводомъ для этой прибавки указано, что «которые покосы прель того къ монастырю даны, и тѣ всѣ за рѣкою Ички—Казанью, и лѣтомъ и осенью до зимняго пути въ монастырь сѣна возити нельзя» по причинѣ болѣзистой мѣстности. Въ Писцовой книгѣ есть еще замѣтка, что монастырь получалъ ругу, но «эту ругу архимандритъ съ братіею емлютъ (получаютъ) на Москвѣ, а писано у Государевыхъ дьяковъ въ большемъ приходѣ.»

Перейдемъ къ описанію Соборной Благовѣщенской церкви. Объ основаніи церкви разсказывается въ нашихъ лѣтописяхъ такъ: «1552 года, Октября 4 дня Государь побѣхалъ въ градъ и, избравъ мѣсто, водрузилъ на немъ крестъ своими руками царскими и обложилъ на томъ мѣстѣ храмъ во имя Владычицы нашея Богородицы честнаго Ея Благовѣщенія и пѣлъ молебень Протопопъ Андрей со игумены и со священники того же числа шестаго дня освящалъ Государь церковь Соборную Благовѣщенія Пречист. Богородицы, а освящалъ Андрей Протопопъ, да съ Свяги Рождественской Протопопъ»

(1) См. Сборн. Любар., стр. 55—58.

сій, и со Исумены и со священники». ⁽¹⁾ Но вновь основанная церковь была деревянная; каменный Соборъ на мѣстѣ деревяннаго былъ выстроенъ въ 1561—62 годахъ и освященъ Августа 15 дня, 1562 года. На всю постройку употреблено было, включая въ ту сумму и плату мастеровымъ, всего 148 рублей 24 коп. ⁽²⁾

Наружность Соборной Благовѣщенской церкви въ XVI в. мы уже отчасти описали; къ описанію этому нужно прибавить, что въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка «соборная колокольница на площади была деревянная, а на ней колоколь блговѣстный большой съ очапомъ, да два колокола середніе, да два зазвонные меньшіе, всѣ колоколы Государевы казны.» (Писц. кн. стр. 17-я). Иконостасъ Соборный также имѣлъ двое двери и она были на золотѣ; Деисусъ состоялъ изъ 9 образовъ, мѣстные образа были пожертвованія Государева; они состояли изъ образовъ—Страшнаго Суда, Господа Вседержителя, Тихвинской Богородицы и Николая Чудотворца. Послѣдніе три образа показываютъ и доселѣ въ Соборной церкви, они большихъ размѣровъ и очень хорошаго стариннаго письма. По преданію, они-то именно и присланы были царемъ въ новопокоренную Казань съ святит. Гуріемъ. Въ Житіи его, составленномъ митрополитомъ Гермогеномъ, есть замѣтка, что «провожали изъ Москвы Царь и митрополить архіеп. Гурія и честныя и чудотворныя иконы мѣстныя, коимъ въ Казань быти.» ⁽³⁾ Русская самостоятельная школа иконописи возникла у насъ на Руси въ XV столѣтіи, подъ вліяніемъ греческихъ иконописцевъ. Въ лѣтописяхъ этого времени упоминается о «гречинѣ Теофанѣ иконникѣ, да Прохорѣ старцѣ, да о чернецѣ Андреевѣ Рублевѣ» ⁽⁴⁾ Такимъ образомъ, получившій художественное образованіе подъ вліяніемъ гречина Теофана, нашъ русскій инокъ Рублевъ положилъ начало Московской живописной школѣ. Школа эта имѣла такое важное

⁽¹⁾ Цербат., стр. 372-я.

⁽²⁾ Писц. Казани Рыбушкиной, 1-е изд. стр. 61.

⁽³⁾ Соборн. Любарскаго, стр. 17-я.

⁽⁴⁾ Соф. Врем., ч. I, стр. 405. Никонновская лѣтопись, ч. IV, стр. 257-я.

значение для Русской Церкви, что Стоглавый Соборъ нашелъ нужнымъ однимъ изъ своихъ канонѣвъ утвердить иконы Рублевской школы особой санкціей, — онъ повелѣлъ иконописцамъ придерживаться «тѣхъ древнихъ переводѣвъ, како греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловущіе иконописцы.»⁽¹⁾ Соборныя Казанскія иконы, безъ сомнѣнія, принадлежатъ этой школѣ.

Храмовая Соборная икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, по описи Писцовой книги (стр. 10), была обложена серебромъ: «вѣяцы у Пречистыя и у Архангела серебряныя позолоченныя сканые; украшена была икона нѣсколькими лянниками червлеными и синими и хрустальными камнями, числомъ до 6-тью.» Украшеніе, какъ видимъ, очень небогатое, но за то вся Казанская аристократія увѣщала икону различными прикладами. Воевода Петръ Шуйскій сдѣлалъ къ иконѣ жемчужныя подвизи и гривну, украшенную жемчугомъ; два золотыхъ угорскихъ,⁽²⁾ да

(1) Стогл., изд. Кожанч. XII гл., вопр. I-й, стр. 128.

(2) Въ древней Руси ходили золотыя монеты иностраннаго чекана: золотыя Венгерскіе и золотыя *корабленники* или англійскіе монеты XIV столѣтія, чеканенныя при короляхъ Эдуардѣ III и Генрихѣ VI, — *корабленниками* назывались потому, что имѣли изображенія на одной сторонѣ короля въ латахъ *на корабль*, а на оборотной розу съ текстомъ по-латини 30 стиха IV глав. отъ Луки. Монеты эти шли въ Русь чрезъ Новгородъ; въ лѣтописяхъ есть замѣтка (Рус. лѣтописецъ, III, 53. 60), что Іоанну III Новгородцы въ 1475 поднесли 300 *корабленниковъ*. Что касается до Португальцевъ — (золотыхъ Португальскихъ монетъ), то ходившіе въ Россіи въ это время Португальцы едва-ли были настоящіе, а не ливонскіе золотые, чеканенныя при магистрѣ Плетенбергѣ, съ изображеніемъ съ одной стороны Богоматери, а съ другой бюста магистра. Выше упоминается въ числѣ привѣсовъ къ образу Преображенія о двухъ *новгородкахъ* позолоченныхъ, да двухъ *дѣньгахъ*. *Новгородками* назывались въ XV вѣкѣ золотыя монеты, вѣсомъ около 1/630-лотника, чеканенныя въ Новгородѣ, а *дѣньгами* — точно та-

золотой корабленикъ приложилъ къ иконѣ князь Семень Микулинскій, золотой угорскій—Петръ Морозовъ, два золотыхъ угорскихъ—князь Дмитрій Палецкій, золотой Прутугальской (а въ немъ 10 золотыхъ угорскихъ), да сережки жемчуги уродцы, одинцы (т. е. жемчужины неправильной формы, но крупныя) на золотѣ поступили отъ Ѳедора Адашева, золотой Угорскій отъ князя Ивана Хворостина, крестъ золотой отъ князя Михаила Оболенскаго, золотой угорской отъ княгини Татевой, серьги съ жемчугомъ и лаликами отъ Михаила Лыкова, словомъ—всѣ Казанскіе воеводы и всѣ тѣ люди, которые участвовали въ покореніи края своими доблестными подвигами, заявили свое усердіе къ Благовѣщенской церкви своими при-

кого же вѣса монеты Псковскія; на первой изображлся сидицій чловѣкъ съ рукою протянутою къ другому, стоящему предъ нимъ въ просительномъ положеніи, на оборотѣ крестъ и по полю надпись «*Великаго Новгорода*»; на второй—поясное изображеніе князя и надпись «*денъга Псковская*». Около этого времени появились *денъги* Московскаго чекана, нѣсколько большаго вѣса. Золотыя монеты давались нашими государями въ награду военачальникамъ, а серебряныя воинамъ послѣ какихъ-либо побѣдъ. За Казанскій походъ Царь Іоаннъ IV роздалъ 48.000 рублей войску, кромѣ почетныхъ шубъ, коней, кубковъ и ковшей (Щерб. стр. 382) Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ въ 1591 году подарилъ бояръ Мстиславскаго и Годунова португальцями. (Древн. Рус. Успенскаго, ч. II, 680) Вѣроятно, золотыя монеты, приложенныя къ иконѣ имѣли точно такое же происхожденіе. Иностранные писатели того времени рассказываютъ что русскіе воины, получавшіе за свою храбрость серебряныя монеты отъ Государя, пришивали ихъ къ шапкѣ или рукаву и гордо разбѣзжали въ этихъ медаляхъ между товарищами. За Ливонскій походъ, «за службу Богдану Бѣльскому Грозный пожаловалъ золотой Португальской да ч(ц)ѣпъ золоту, Демешѣ Черемисинову пожаловалъ прислалъ Угорской золотой, а дворянамъ всѣмъ по новгородѣ—золотой (Древ. Рос. Вавлюе. XIV, 156). Эти пожалованія были нѣчто въ родѣ медалей.

ношеніями. Участвовали въ этихъ приношеніяхъ и люди низшихъ сословій,—дьяки Кузьма Ѳедоровъ и дьякъ Мелентій и торговый человекъ Володимерецъ Иванъ Шахновъ также сдѣлали свои приклады къ иконѣ Богоматери и даже болѣе, чѣмъ прочіе, напримѣръ, дьякъ Ѳедоровъ пожертвовалъ три корабленика. (Писц. кн. стр. 11.).

Верхъ иконостаса былъ украшенъ Деисусомъ изъ 9 иконъ, пожертвованныхъ Царемъ. Подсвѣчники въ Соборѣ были и мѣдные, но большая часть изъ нихъ были сдѣланы изъ желѣза и дерева. Свѣчи изъ бѣлаго воска, разукрашенные, считались тогда очень цѣнными такъ, что составлявшіе опись соборному имуществу нашли нужнымъ записать въ опись свѣчи поставленія Государева и князя Горбатаго къ мѣстнымъ иконамъ. Просмотримъ опись Писцовой книги и отмѣтимъ особенно замѣчательныя записи.

Омофоры дѣлались съ изображеніями иконъ. На одномъ омофорѣ бѣлой замки были вышиты образа: «Спасовъ, да образъ Живоначальной Троицы, да Распятіе Христово, да Воскресеніе, да Благовѣщеніе.» (стр. 17) На шапкѣ святительской вышиты были образъ Св. Троицы, а на другой Деисусъ; шапки опушивались горностаемъ. (стр. 16) Въ ризницѣ находились двѣ *паремнатки* (монашескій параманъ?) съ крестами, вышитыми жемчугомъ и шелками и съ такимъ же подножіемъ у крестовъ. Судари также были и въ Соборной ризницѣ, какъ и въ Спасской съ вышитыми изображеніями Спасителя и Воплощенія Пречистой или образа Знаменія Прес. Богородицы Спасителя съ образомъ лежащаго на дискосѣ, въ видѣ младенца, охраняемый херувимами, ангелами съ рипидами и серафимами, какъ мы это видимъ на воздухахъ въ Преображенскомъ монастырѣ. ⁽¹⁾ Въ описи ризницы такъ

(1) На одномъ воздухѣ XVII вѣка въ Спасскомъ монастырѣ надъ Деисусомъ Христомъ паритъ Серафимъ, который держитъ въ одной *рукѣ* ложечку, а въ другой продолговатую бутылочку. Изображенія Серафимовъ съ распростертыми руками мы видимъ на Аѳонскихъ рипидахъ (Христ. Древн., 1864 г., кн. 3-я); склянка же есть символъ приобщенія Кровію Христовою. На мусіи Златовер-

же упоминаются ширинки и сулки, употреблявшіеся для обертыванія руки, когда святитель принималъ въ руку пастырскій жезлъ, обыкновенно металлическій. (Такой жезлъ показанъ и въ Писц. книгѣ, стр. 15-я). Такое употребленіе сулка объясняется тѣмъ, что наши древніе храмы не всегда были теплы, а на холодѣ зимой отъ прикосновенія голыми руками къ металлу легко было отморозить оконечности пальцевъ. Именно такой способъ употребленія сулки представляетъ портретъ патр. Іоасафа съ жезломъ въ «Христ. Древностяхъ» (1862 г. кн. 2). Подобная же предосторожность отъ прикосновенія головою къ холодному полу при земныхъ поклонахъ вызвала употребленіе въ церквахъ древней Руси возглавій или *столовейцевъ*, которыя записаны въ Соборной описи (Писц. кн. стр. 15); они были рытаго бархата, подложены тафтой. Въ числѣ вещей, состоявшихъ въ ризницѣ, было нѣсколько вещей, пожертвованныхъ святителемъ Гуріемъ; эти жертвованія состояли изъ ризъ, стихарей, ковровъ, образовъ, рукописнаго евангелія. Архіепископъ Германъ также пожертвовалъ нѣсколько иконъ въ Соборъ, которыя и были поставлены по правую сторону мѣстныхъ; это были образа—Живоначальные, Троицы, Николая Чудотворца и символическая икона Софіи Премудрости Божіей. Въ сказаніи (1) патріарха Гермогена объ открытіи мощей святителя Гурія упоминается, что «въ головахъ свят. Гурія былъ найденъ клобукъ греческій, визенъ, не довершенъ (т. е. неоконченный). Ученики Варсонофіевы сказали Гермогену, что этотъ клобукъ работы Святителя и былъ назначенъ имъ въ подарокъ св. Гурію, но какъ тотъ скончался ранѣе окончанія работы, то свят. Варсонофій и положилъ недоконченнй клобукъ въ гробъ своего паставника и архинастыря. Въ описи (стр. 16) показанъ бѣлый вязеный клобукъ, у котораго рясы (концы) шиты золотомъ, да серебромъ. Два такихъ визеныхъ клобука со-

хо-Михайловскаго монастыря Христось приобщаетъ апостоловъ изъ скляницы (Хр. Др. 1875 г. 66); то же видимъ на миниатюрахъ Годуновской Псалтири (Рукоп. Соловец. Библ. № 748 стр. 481).

(1) Сборн. Любарскаго, стр. 31.

хранились въ ризницѣ Соборной. Кромѣ того тамъ же хранятся нѣсколько бѣлыхъ шелковыхъ клобуковъ, изъ которыхъ есть вышитые золотомъ. По всей вѣроятности, эти послѣдніе клобуки Казанскихъ митрополитовъ; что же касается до клобуковъ вязенныхъ, то они совершенно сходны съ тѣми клобуками, которые показываются доселѣ въ старомъ Ростовѣ, при мощахъ святителей—Леонтія, Исаіи и Игнатія. Въ древней Руси всѣ святители носили бѣлые клобуки, что показываютъ намъ древнія изображенія Св. Леонтія Ростовскаго и другихъ и подтверждаетъ рассказъ Никоновской лѣтописи о кончинѣ Препод. Сергія. Легенда о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ узаконяетъ ношеніе бѣлаго клобука лишь одному Новгородскому Владыкѣ, получившему, будто-бы, клобукъ Сильвестра Папы Римскаго, данный этому послѣднему Константиномъ Великимъ ⁽¹⁾, но это неправда. Въ соборной ризницѣ сохранилась доселѣ панагія съ частицею мощей св. Гурія, съ частію его волосовъ и частями отъ одежды и той хлопчатой бумаги, которою Гермогенъ собиралъ миро съ мощей святителя при ихъ открытіи ⁽²⁾ Самою же не-

⁽¹⁾ Древн. Рос. Успенскаго, ч. II, стр. 436-я.

⁽²⁾ Сборн. Любарскаго стр. 30-я. Кромѣ того въ соборной церкви заслуживаютъ вниманія слѣдующіе предметы: 1) ковчегъ изящной работы, въ которомъ хранилась часть мощей святителя; 2) крестъ, обитый басменомъ деревянный, безъ изображеній, украшенный камнями; 3) панагія изъ темнаго камня въ родѣ шифера, рѣзвая; 4) нѣсколько вышитыхъ иконъ съ бахромою, назначенныхъ для ношенія во время крестныхъ ходовъ, 1621 года; онѣ надѣвались на шею носильщиковъ и полагались на грудь; 5) старинный холщевый антиминсъ времени Грознаго, данный въ одну Свѣяжскую церковь; 6) саккосъ съ прекрасными вышитыми изображеніями святыхъ, которыми онъ почти весь покрытъ, съ надписью по подолу, которая гласитъ, что онъ подаренъ братьями Димитріемъ Андреевичемъ и Григоріемъ Строгоновыми митрополиту Казанскому Лаврентію (1657—1672); 7) ковшь патріарха Филарета Никитича, пожертвованный имъ въ Ростовскій Соборъ; 8) митрополичье сѣдло на одну сторону, бархат-

оцвѣнной святыей Благовѣщенскаго Собора служить рака св. Гурія съ его мощами. Около раки находятся: фелонь изъ камки, въ которой лежалъ святитель во гробѣ и его жезлъ съ приспособленіемъ для того, чтобы опираться на него грудью; потому что святитель отъ страданій, вынесенныхъ имъ въ тюремномъ заключеніи у князя Пенькова, а частію отъ частыхъ и продолжительныхъ молитвъ въ послѣднее время своей жизни страдалъ слабостію въ ногахъ, и не могъ слушать Богослуженіе, стоя безъ опоры.

Перечислимъ другія церкви Казанскаго Кремля.

1) При Благовѣщенскомъ Соборѣ было два придѣла. «У Соборныя жъ церкви, говоритъ намъ Писцовая книга (стр. 10), у Благовѣщенія Пречистые въ придѣлѣ двѣ церкви: *Страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба*, да въ другомъ придѣлѣ у Благовѣщенія *Муромскихъ Чудотворцевъ* (Петра и Февроніи.)» Церкви были надѣлены утварью изъ Государевой казны, но это пожертвованіе Царя и Великаго Князя было не особенно щедро: нѣсколько образовъ, холщевыя ризы съ выбойчатымъ оплечьемъ, евангелія въ мѣдномъ окладѣ, сосуды съ приборомъ— въ одной церкви оловянные, а въ другой—деревянные точеные—вотъ и вся церковная утварь. 2) На Воскресенскихъ воротахъ была также церковь во имя *Воскресенія*

ное малиновое внутри, а снаружи обитое зеленою съ золотыми разводами матеріею. Сидѣнье сѣдла сдѣлано въ видѣ кресла, спереди придѣлана обыкновенная сѣдельная лука. Сѣдло это, должно быть, употреблялось для шествія митрополитовъ и архіепископовъ Казанскихъ на ослати въ недѣлю Ваій, которое отмѣнено по городамъ лишь Соборнымъ опредѣленіемъ 1678 года, допустившимъ въ замѣнъ хода только лишь молебствіе и освященіе ваій предъ иконою входа Господня во Іерусалимъ, которую выносили для этого въ Вербное воскресенье на особо уготованное мѣсто. (Ак. Арх. Экспед. IV, стр. 223-я) Впрочемъ, по епархіямъ совершался и другой обрядъ шествія на ослати епископа, вновь посвященнаго на епархію, для благословенія города, тотчасъ по его прибытіи послѣ посвященія изъ Москвы.

Христово. Зданіе ея сохранилось доселѣ, и оно напоминаетъ своею формою тѣ надворотныя зданія, которыя мы видимъ на рисункахъ того времени, напр. на миниатюрахъ Годуновой Псалтири (стр. 116-я). Утварь, пожертвованная Государемъ въ эту церковь, была совершенно сходна съ описанною нами,—сосуды были деревянные.

3) У *Збойливыхъ* или *Димитріевскихъ* воротъ стояла внутри Кремля *Церковь Димитрія Солунскаго*. Св. Великомученикъ Димитрій Солунскій былъ особенно чтимъ на Руси; это особенное почтеніе къ намъ перешло отъ южныхъ славянъ. У этой церкви былъ придѣлъ Аѳанасія Александрійскаго. Обѣ церкви были поставлены и снабжены утварью изъ Царской казны; утварь церквей была одинакова, по числу вещей и по стоимости, съ утварью вышеупомянутыхъ придѣльныхъ церквей при Соборѣ.

4) У *Сергіевскихъ* (бывшихъ *Тюменскихъ*) воротъ стояла *церковь Сергія Чудотворца*. Она была выстроена и снабжена утварью на счетъ архимандрита и братіи Троицкаго-Сергіева монастыря. При церкви Преп. Сергія была другая теплая церковь во имя Живоначальныя Троицы. Основаніе этихъ церквей имѣетъ связь съ осадою и взятіемъ Казани. Преп. Сергіи почитался въ древней Руси, какъ всегда готовый защитникъ и помощникъ ратныхъ людей въ битвахъ съ исконными врагами Россіи,—татарами. Онъ благословилъ Димитрія Донскаго, отправляшагося на Куликовскую битву. Въ нашемъ лагерѣ подъ Казанью въ 1552 году въ числѣ походныхъ церквей была церковь Преп. Сергія, «къ нему-же по вся дни хождаше Государь», по словамъ Царственной книги. ⁽¹⁾ По всей вѣроятности, эта церковь была устроена на счетъ Сергіевской Лавры и заключала въ себѣ Лаврскія иконы и святыни. По показанію Глазатова, ⁽²⁾ предъ вступленіемъ въ послѣднюю битву подъ Казанью, старецъ Сергіевой Лавры поднесъ Государю, для благословенія, крестъ съ мощами, образъ Видѣнія Сергіева и воду отъ раки его и преподалъ благословеніе Царю отъ Игумена Троицкой Лавры. Когда мы одержали побѣду надъ татарами на

⁽¹⁾ Царств. кн., стр. 268-я.

⁽²⁾ Ист. о Каз. царствѣ стр. 233-я.

Арскомъ полѣ, то Царь почелъ своимъ долгомъ тотчасъ же посѣтить церковь Чудотворца и помолиться предъ его иконою. ⁽¹⁾ Предъ приступомъ къ Казани Государь слушалъ обѣдню въ церкви Свят. Сергія Радонежскаго; въ свидѣтельствѣ о томъ одинаково сходятся и Глазатовъ и писатель Царственной книги. ⁽²⁾ Наконецъ послѣ штурма Царь съ воинами привоситъ благодареніе о побѣдѣ въ Сергіевской церкви. ⁽³⁾ Въ Русскомъ войскѣ ходило очень много слуховъ о чудесной помощи преп. Сергія войскамъ Царскимъ. Такъ говорили, что татары видѣли двухъ монаховъ, ходившихъ быстро по Казанскимъ стѣнамъ. Въ одно время татары зашли въ какую-то землянку въ Казани и нашли тамъ на богато убранной постели сѣдаго старика, который началъ ихъ уговаривать поддаться Московскому Государю, а потомъ сталъ невидимъ. ⁽⁴⁾ Когда царь перебрался чрезъ Суру, къ нему пріѣхалъ изъ Нижняго протопопъ и пересказалъ о явленіи пономарю Нижегородской Зачатейской церкви, передъ заутренею, какого-то святаго старца, который повелѣлъ ему идти звонить, и потомъ сказалъ, что онъ сиѣшитъ на помощь Царю Ивану въ Казань. ⁽⁵⁾ Очень понятно, почему по взятіи Казани дозволено было Троице-Сергіевой Лаврѣ имѣть въ Казани церковь, близъ тѣхъ воротъ, гдѣ былъ главный подкопъ подъ стѣну крѣпости, и свое подворье. Украшеніе церкви было также небогатое, а прикладъ отъ Государя состоялъ лишь въ деревянныхъ сосудахъ съ приборомъ и въ двухъ выбойкахъ. (Писц. кн. стр. 24-я) Мѣсто этой церкви, вѣроятно, было близъ стѣны у тѣхъ воротъ, которыя и нынѣ стоятъ, какъ мы сказали, въ оградѣ Преображенскаго монастыря. Дворъ Преображенскаго монастыря находился ближе къ Кипріяновской церкви противъ св. воротъ Преображенскаго монастыря (Писц. кн. стр. 35). Къ монастырскому двору приписано,

⁽¹⁾ Царств. книга, стр. 283-мъ

⁽²⁾ Ист. о Каз. царств. стр. 235. сравн. съ Царств. книг. стр. 301.

⁽³⁾ Арцибашева, Повѣств. о Россіи т. II, стр. 209.

⁽⁴⁾ Царств. кн. стр. 169-я.

⁽⁵⁾ Тамъ-же, стр. 257-я.

по Писцовой книгѣ, «мѣста пустаго межъ тюремъ и межъ ногайкова сторожева двора.» Вѣроятно, это было сдѣлано вслѣдствіе просьбы свят. Варсонофія, о которой мы упоминали выше. — Предполагать именно въ этомъ мѣстѣ церковь Препод. Сергія заставляетъ насъ вышеуказанное замѣчаніе Писцовой книги, помѣщающее Преображенскій монастырь между Сергіевскими и Спасскими воротами. 5) На большой Кремлевской улицѣ отъ Спасскихъ воротъ близко *старые городовыя стѣны* стояла церковь *Кипріяна и Устины*. Мы видимъ, что Писцовая книга во второй разъ упоминаетъ о старой городской стѣнѣ или городѣ; въ первый разъ говорилось о ней при описи Песольскаго двора. Городовая стѣна была сдѣлана не въ одинъ разъ вокругъ Казанскаго Кремля: часть ея была устроена въ 1555 году, когда строились Спасскія ворота и нѣкоторыя церкви изъ бѣлаго камня Псковскими мастерами; часть Кремля, обнесенная при взятіи Казани деревянными стѣнами, въ 1564 году была укрѣплена новою деревянною стѣною (Писц. кв. стр. 6-я), такъ какъ деревянные стѣны были всегда непрочны и скоро сгнивали. Потому мы видимъ въ Писц. книгѣ дѣленіе стѣны Казанскихъ на старыя и на новыя. Церковь Кипріяна и Устины, какъ говоритъ преданіе, ⁽¹⁾ основана въ день взятія Казани. Изъ Писцовой книги мы видимъ, что эта церковь была также предметомъ особой заботливости Царя Ивана Васильевича; церковь была поставлена и снабжена утварью на его счетъ. Впрочемъ ризница и утвари церковныя въ ней были совершенно тѣже, какъ и въ прочихъ кремлевскихъ церквахъ, о которыхъ мы говорили выше: сосуды деревянные, «у церкви два колокола невелики, жалованья годовыя руги попу 4 рубли... повома-рю полтина» и проч.

При Соборной церкви, на площади, стоялъ дворъ Архіепископа. Онъ состоялъ изъ двухъ горницъ съ комнатами и сѣнями съ повалушей; крыльцо было общее для

⁽¹⁾ Извѣстіе это сохранилось въ видѣ преданія, но о немъ не упоминаетъ ни Царственная книга, ни Лизловъ, ни Исторія о Казанскомъ царствѣ, и даже ни Карамзинъ, ни Арцыбашевъ.

обоихъ сѣней. Тутъ же во дворѣ стояла изба столовая на подклѣтѣ съ круглыми сѣнями, далѣе шли погребъ ледникъ, конюшня съ клѣтью. Со стороны площади стояла ограда съ двумя воротами. На заднемъ дворѣ построены были хозяйственныя строенія: два анбара запасныхъ, анбаръ соляной, да поварня, да приспѣшнѣя ⁽¹⁾, да хлѣбня, да житница запасная. (Писц. кн. стр. 34-я) За тѣмъ въ Писцовой книгѣ есть любопытная приписка, поясняющая намъ грамоту Царя Ивана Васильевича 13-го Августа, 1555 года ⁽²⁾, а отчасти и самую мѣстность около архіепископскаго дома. Въ Писц. книгѣ (стр. 34) сказано: «да архіепископужъ отмѣрили подъ конюшенный дворъ пустою порозжево мѣста по старое архіепискупля двора, за мостомъ Дмитріевскіе улицы, у Тезицкаго врага на взгорьѣ межъ мосту и годовальщиковыхъ дворовъ, отъ большіе улицы къ Дмитріевскимъ воротамъ по правой сторонѣ въ длину 24 сажени, а поперекъ отъ мосту къ годовальщиковымъ дворамъ 9 сажень съ полусаженью; а приписали порозжее мѣсто на конюшенный дворъ, что были конюшни на архіепискупли дворѣ въ тѣснотѣ близко хоромъ.» Во грамотѣ Царской эта прибавка земли къ Архіепископскому двору, сдѣланная по просьбѣ Св. Гурія, означена такъ: «да архіепископужъ прибавлено мѣсто въ городѣ, къ его двору по Большую улицу, по Тезицкій по первый переулочъ.» Для объясненія, нужно обратиться къ тому, что было высказано нами при опредѣленіи общаго характера Казанской мѣстности. Казань стояла на мѣстѣ гористомъ, пересѣченномъ оврагами и неровностями. Наблюдая мѣстность, на которой стоитъ Кремль настоящаго времени, нельзя не замѣтить, что середина Кремля, гдѣ идетъ большая улица, представляетъ самую возвышенную линію кремлевской площади; отъ нея въ обѣ стороны почва спускается склонами къ восточной и западной линіямъ кремлевской стѣны. Прежде эти склоны были еще круче.—Преображенскія ворота совершенно въ настоящее время завалены землею такъ, что

⁽¹⁾ О первыхъ двухъ постройкахъ мы сказали выше; приспѣшнѣя же—наша кухня.

⁽²⁾ Акт. Историч. т. I № 162-й.

арка ихъ возвышается надъ почвою лишь на аршинъ. Въ правой боковой спускъ кремлевской горы врѣзывались съ сѣверо-востока остроги Тезицкаго оврага, постоянно размываемые весеннею и дождевою водою; одинъ изъ такихъ водоспусковъ шелъ по направленію къ Дмитріевскимъ воротамъ. Онъ и доселѣ сохранился и оканчивается особой сквозной аркой подъ башней, находящейся на дворѣ Казанскихъ Присутственныхъ мѣстъ. Черезъ этотъ оврагъ былъ устроенъ мостикъ, приходившійся противъ Дмитріевскихъ воротъ и лежавшій на той улицѣ, которая вела къ церкви Дмитрія Селунскаго и потому называлась Дмитріевской. Отъ этой улицы около городской стѣны шелъ глухой переулочекъ, называвшійся Тезицкимъ, потому что онъ велъ Дмитріевскими воротами въ Тезицкій оврагъ, который, какъ мы сказали выше (стр. 9-я), охватывалъ кремлевскую гору съ юго-восточной стороны. Въ этотъ переулочекъ выходили заднія ворота Государева двора, и въ немъ стояли дворы годовальщиковъ, т. е. дѣтей боярскихъ, поселившихся на казенной землѣ и платившихъ въ казну годовую плату. Теперь намъ понятно будетъ измѣреніе новаго архіепископскаго мѣста: оно простиралось отъ Большой улицы къ городской стѣнѣ или точнѣе къ Тезицкому переулку на 24 сажени,—это мѣра поперечнаго пространства Государева Двора, который лежалъ на той же линіи:—а въ ширину было отмѣрено отъ моста къ дворамъ годовальщиковъ 6-ть сажень. Такимъ образомъ этотъ дворъ занималъ мѣсто нынѣшняго дома Соборныхъ, который недавно построенъ на мѣстѣ коношеннаго архіерейскаго двора.

Во время архіепископства святителя Германа въ 1566 году у архіепископа были слѣдующія населенныя земли и угодья: Село Тарлаши, гдѣ былъ лѣтній архіепископовъ дворъ и гдѣ жили дворецкій его Мѣшаевъ и архіепископскій боярскій сынъ Шемякинъ; починки—Тарлашевскій, Смйлово-Займище и Екшейковъ, село Карайшъ на р. Мешѣ, село Коракчей-Кабанъ, село Великъ-Кабанъ, деревня Четова, починки—Девлетъ-Кильдеевъ, Федьковъ починокъ, пустоши Ивачей-Кабанъ и Кумкесъ. Да еще вмѣсто взятыхъ у архіепископа дальнихъ деревень, отписанныхъ на новыхъ Казанскихъ жильцовъ, даны деревни Кульмаметева, Аметева, Круглая-Поляна и пустошь Ку-

земетева. Противъ грамоты Грознаго свят. Гурію отъ 13 Августа, 1555 года, мы видимъ значительное измѣненіе въ имѣніяхъ архіепископскихъ. Всего за архіепископомъ состояло 176 дворовъ крестьянскихъ. Въ прежнихъ имѣніяхъ было 11-ть вытей, изъ которыхъ 8-ми вытей крестьяне «за доходъ пашутъ на архіепископа десятины, по десятинѣ ржи, да по десятинѣ яри, 3-хъ вытей крестьяне сидятъ на льготѣ; 14 дворовъ татарскихъ сидѣли на ясакѣ, платили по полтинѣ съ двора; 18-ть сидѣли на льготѣ; чувани Тарлашевскіе Кабанскіе и Кураишевскіе платили съ своихъ бортныхъ ухажавъ (съ бортнаго пчеловодства) 27-мь батмановъ меду. Съ деревень новой дачи, въ которыхъ было 14 вытей, архіепископу платили барщинною запашкой по десятинѣ ржи и по десятинѣ яри. Съ рыбныхъ ловлей на Волгѣ, на Царевомъ озерѣ (подъ Казанью) и по Казаньѣ получалъ архіепископъ платы 76 рублей; сверхъ того давалось архіепископу «Государевой рыбы съ Камского ѣзу, зимней ловли, 15 лососей, 10 шеврюгъ и 5 осетровъ». Это перечисленіе доходовъ Казанскаго архіепископа чрезвычайно любопытно для насъ, такъ какъ даетъ намъ понятіе о мѣрѣ этихъ доходовъ, о размѣрѣ оброка и о способѣ заселенія монастырскихъ имѣній. Въ описи этихъ имѣній поражаетъ насъ также одна хозяйственная черта, черта предусмотрительнаго скопидомства, такъ похожаго на скопидомство Домостроя, по правиламъ котораго ничто не должно пропадать въ хозяйствѣ, потому что добрый хозяинъ гонится и за кофеечкой, которая *рубль стережетъ*. Вотъ примѣръ, представляемый Писцовою книвою. Въ Казанскомъ уѣздѣ, у рѣки Казанки стояла архіепископская мельница на истокѣ, который вытекалъ изъ-подъ Лисой горы. Эту мельницу сдѣлалъ крестьянинъ Тимошей Ступининъ, а сынъ его продалъ эту мельницу арх. Герману. При этой покупке мельницы Казанскіе дьяки Кузьма Федоровъ да Оменя Васильевъ наложили на эту мельницу оброка на годъ по *два рубля*, послѣ льготныхъ лѣтъ съ 1567 года съ 2-го Мая. Но архіепископъ Германъ билъ челомъ Государю, чтобы этотъ оброкъ съ его мельницы «сложить и Государь Богомольца своего архіепископа Германа пожаловалъ—велѣлъ съ той мельницы оброкъ сложити и по Государеву наказу писцы записали за архіепископомъ мельницу безоброчно.» (стр. 68.)

Скажемъ нѣскольکو словъ о святителѣ Германѣ. Святитель Германъ изъ рода Садыревыхъ—Полевыхъ, происходившихъ отъ рода князей Смоленскихъ; прибылъ въ Казань вмѣстѣ съ архіепископомъ Гуріемъ, и былъ назначенъ архимандритомъ Свѣяжскаго Богородицкаго монастыря; архіепископомъ Казанскимъ сдѣланъ въ 1564-мъ году, пасъ церковь Божію 3-ри года и 8-мь мѣсяцевъ. «Преставлся въ лѣто 1567-е, Ноября въ 6-й день, замѣчаетъ Платонъ Любарскій въ своей краткой исторіи Казанской Іерархіи, на основаніи Житія святителя, ⁽¹⁾ въ Москвѣ во время мороваго повѣтрія.» Но Курбскій въ своей Исторіи Князя Великаго Московскаго ⁽²⁾ относитъ смерть его къ гораздо раннему періоду; по его разсказу св. Германъ былъ вызванъ изъ Казани въ Москву ранѣе возведенія св. Филиппа на Московскую митрополию; онъ уже занялъ палаты митрополичьи, но колебался изъяснить свое согласіе на принятіе митрополии, а между тѣмъ старался своими бесѣдами вразумить Іоанна IV; любимцы царскіе и между ними Басмановъ съ сыномъ, боясь вліянія на царя новаго митрополита, упростили Грознаго удалить св. Германа въ свою епархію, и Государь послушался ихъ навѣтовъ, велѣлъ выгнать Германа изъ митрополичьихъ палатъ, говоря: «еще на Митрополию не возведенъ еси, а уже мя неволею обвязуешь!» На третій день нашли святителя мертвымъ на его подворьи и многіе подозрѣвали, что приближенные царя или отравили или удушили его, по повелѣнію царскому. Такимъ образомъ смерть св. Германа Курбскій относитъ ко времени ранѣе 1566-го года, іюня 20 дня, въ которой подписана была запись о назначеніи св. Филиппа Московскимъ митрополитомъ.⁽³⁾ Подписи св. Германа подъ этою записью нѣтъ въ числѣ подписей семи святителей, утвердившихъ ея. Въ Писц. книгахъ вездѣ, гдѣ дѣло касалось имѣній архіепископа, записывалось: «а на тѣхъ на всѣхъ земли и на бортовые ухажав и на пашни и на рыбныя ловли предъ казанскими писцы... Казанскій и Свѣяжскій архіепископ-

⁽¹⁾ Сборникъ Любар., стр. 63-я.

⁽²⁾ Сказанія Курб., ч. I, стр. 161-я.

⁽³⁾ Собран. Госуд. грамотъ, I, 557.

Германъ велѣлъ положить Государеву Цареву и Великаго Князя грамоту жалованную съ красною печатью, что Государь пожаловалъ прежнева архіепискупа Гурья.»⁽¹⁾ Эта запись Писцовой книги была сдѣлана въ 7075 (1567) году.⁽²⁾ Такимъ образомъ показаніе Курбскаго о смерти св. Германа является несправедливымъ, — ретивый противникъ Грознаго наклепалъ на него новое небывалое преступленіе.

Выше мы замѣтили, что Казанская аристократія захотѣла имѣть въ городѣ свою церковь и построила церковь Введенскую. Церковь эта имѣла придѣлъ во имя святит. Николая. «Все построенье и церковное строенье воеводское, да годовальщиковъ», говорится въ Писцовой книгѣ. Впрочемъ Государь пожертвовалъ въ церковь, по обыкновенію, евангеліе въ мѣдномъ окладѣ, деревянные сосуды, холщевые ризы и стихарь, даже положилъ попу руги 4-ре рубля въ годъ, да 11-ть четвертей хлѣба и т. д. Но мы должны здѣсь замѣтить, что царскія пожертвованія въ новопостроенныя Казанскія церкви имѣли неоспоримую цѣнность въ отношеніи снабженія церквей книгами. Во всѣ эти церкви, по Писцовымъ книгамъ, царь Іоаннъ IV жертвовалъ слѣдующія книги: слѣдованная псалтири, общія минеи, служебники, шестодневцы (книги со службами седьмичными и воскреснаго дня осьми-гласовъ),⁽³⁾ Евангелія и Апостолы. Почти всѣ книги эти были письменныя, стоившія въ тогдашнее время очень дорого, потому что переписчики употребляли на трудъ переписки одной книги по нѣскольку лѣтъ; мы видѣли выше, что св. Варсонофій на переписку Устава употребилъ нѣсколько лѣтъ, да и то самъ недокончилъ Устава, а dokonчилъ его Никифоръ Ярославецъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что Іоаннъ IV, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строящихся церквей, велѣлъ скупать книги по торгамъ, но очень мало оказалось книгъ годныхъ и исправно переписанныхъ; это навело его на мысль учредить въ Россіи

(1) Писц. кн., стр. 70-я.

(2) Тамъ-же, стр. 65-я.

(3) Церк. Словарь — Пр. Петра Алексѣева, т. IV, стр. 370-я.

книгопечатаніе, и онъ началъ это дѣло, по благословенію митрополита Макарія. Хотя и сохранилось подъ 1556 годомъ извѣстіе о какомъ-то печатникѣ Мартинѣ Нефедьевѣ, однако мы знаемъ достоверно, что только 1-го Марта 1562 года вышла изъ печати первая русская книга «Апостоль» въ томъ видѣ, какъ она нынѣ печатается для Церковнаго употребленія. При изданіи этой книги русскихъ мастеровъ Ивана Ѳедорова и Петра Метиславца руководили нѣмцы. Въ 1565 году вышелъ изъ печати Часословъ; въ 1568 была напечатана Псалтирь въ Москвѣ Андроникомъ Невѣжею. Но книгопечатаніе у насъ на этомъ, кажется, пока и остановилось. Въ Россіи существовала масса писцовъ полуграмотныхъ, которые продолжали наводнять Русь безтолковыми рукописями, приобрѣтая своимъ ремесломъ значительные барыши. ⁽¹⁾ По всей вѣроятности, всѣ книги, пожертвованныя царемъ, были рукописныя, скупленные по рынкамъ. Впрочемъ въ числѣ книгъ, находившихся въ это время въ Казанскихъ церквахъ, были и печатныя; въ описи Соборной упоминается между прочимъ: «осмеры псалмы Давидовы печатныя» (Писц. кн. стр. 17-я). Недостатокъ и дороговизна книгъ заставляла при Богослуженіи обходиться лишь самими нужными. Въ церквахъ не было Устава, который значится лишь въ монастырской и соборной описяхъ (Писц. кн. стр. 16-я и 32-я); точно также не было Трїодей Цвѣтной и Постной, Миней мѣсячныхъ, — онѣ были лишь въ монастырѣ и въ Соборѣ.

Церковь Введенія Пресвятыя Богородицы, по описанію Писцовой книги, стояла въ Кремлѣ, близъ *Царскаго двора* (Писц. кн. стр. 22-я) По нашему мнѣнію, подъ царскимъ дворомъ здѣсь нужно разумѣть бывший ханскій дворъ, дворъ Казанскихъ татарскихъ царей. Въ 1566 году дворъ этотъ стоялъ на его прежнемъ мѣстѣ, но отъ него чрезъ четырнадцать лѣтъ по взятіи Казани осталось лишь нѣсколько ветхихъ палатъ; мѣсто же его еще хорошо помнили и эти развалины назывались «Царевъ дворъ», «старый Царскій дворъ», «Царскій дворъ.» Дворецъ Покорителя Казани, въ отличіе отъ перваго, называли «Государевъ дворъ».

(1) Ист. Рус. Литер. Полеваго. 1874 г. стр. 121-я.

Писцовая книга при измѣреніи Кремля въ длину, какъ мы видѣли выше, (стр. 75-я) строго различаетъ оба двора. У насъ до принятія царскаго титула русскими Государями ⁽¹⁾ называли однихъ татарскихъ хановъ Царями. Въ Царственной книгѣ ⁽²⁾ говорится «и повелѣ *Государь* едину улицу въ Казани очистить къ *Цареву Двору*, отъ Муралеевыхъ воротъ мертвыхъ понести и едва очистили.» Послѣ этого Іоаннъ IV вѣхалъ въ городъ съ своими приближенными и свитой и вошелъ въ царскій дворъ. Дворъ грозныхъ для Россіи Казанскихъ хановъ былъ пустъ, полуразрушенъ и разграбленъ во время штурма. «Прежде, замѣчаетъ Царственная книга, на томъ дворѣ несчастивые цари водворились и многая кровь Христіанская по многу лѣтъ проливалася и много бѣдъ Христіане принималъ, нынѣ-жъ возсія на немъ праведное солнце, Животворящій Крестъ» ⁽³⁾ Другое сказаніе о взятіи Казани, принадлежащее само видцу и дѣятелю Казанской осады, князю Курбскому, описываетъ точно также мѣстоположеніе Ханскаго дворца «Отъ Казани-рѣчки гора такъ высока, яко окомъ воззрѣти прикро, на ней градъ стоитъ и палаты царскія.» ⁽⁴⁾ Припомнимъ, что Курбскій стоялъ за Казанкою, около слободы Гривки, противъ нынѣшняго Дворца и Воскресенскихъ воротъ; слѣдовательно дворцовыя зданія представлялись предъ нимъ прямо около нынѣшней Сумбекиной башни. Но мы ошиблись бы, если бы представили Царевъ или Ханскій дворъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній Казанскій дворецъ, онъ занималъ положеніе противъ Собора и по правую сторону Сумбекиной башни, на нынѣшней дворцовой площади, онъ состоялъ изъ нѣсколь-

(1) Іоаннъ IV принялъ титулъ царя въ 1547 году.

(2) Царств. книга стр. 31^я-я. Слово царь никакъ нельзя считать испорченнымъ словомъ «Caesar». Эти два слова рѣзко отличаются уже въ Остромировомъ Евангеліи: въ 16 стихѣ. XIX гл. отъ Іоанна читаемъ: *не имамъ царя тъкъмо кесара*. Слово «царь» явно восточнаго происхожденія, — по-персидски оно значитъ «тронъ или верховную власть; по-еврейски — это титулъ Государя.

(3) Царств. кн. стр. 12.

(4) Курб. 21 стр.

кихъ каменныхъ строеній или *палатъ*, въ родѣ тѣхъ, какія находились недавно въ Болгарахъ; эти палаты были сдѣланы изъ известковаго камня и изъ кирпича. Въ то время, когда составлялась Писцов. книга, въ бывшихъ постройкахъ Царева двора хранилась Государева Царя и Великаго Князя *казна*, городской *нарядъ*: въ одной палатѣ стоялъ порохъ, селитра, свинецъ, (стр. 8-я), въ другой было устроено сушило. (стр. 34) *Sic transit gloria mundi!* Въ этотъ-то бывший дворецъ 2-го Октября 1552 года торжественно вступилъ Царь Иванъ Васильевичъ, войдя въ Казань чрезъ Муралеевы или Воскресенскія ворота. Что касается до тождественности Воскресенскихъ воротъ съ Муралеевыми, то это подтверждается сохранившимся донныѣ Тайницкимъ ключемъ, текущимъ изъ-подъ башни этихъ воротъ и составляющимъ предметъ благочестивыхъ путешествій татаръ и доселѣ. Полоняники и Камай Мурза «сказывали Государю, говорится въ Царственной книгѣ, что есть у татаръ *тайникъ* отъ Казани отъ рѣки, у *Муралеевыхъ* воротъ ключъ къ берегу, а ходить къ нему по подземелью.»⁽¹⁾ Понятно, почему Царь Иоаннъ IV избралъ этотъ короткій путь отъ Муралеевыхъ воротъ къ Царскому дворцу для перваго вступленія въ Казань. Казань была полна труповъ, утомленныя войска не могли скоро очистить городъ, стѣны котораго съ другихъ сторонъ были разрушены и лежали въ развалинахъ; русскіе наскоро только оттащили трупы съ пути царскаго шествія и Иоаннъ, входя въ Казань, видѣлъ ужасное зрѣлище искаженныхъ и обезображенныхъ труповъ татарскихъ, которые лежали грудами на Царскомъ дворѣ. «И восплакася погибели ихъ, рече: аще нечестивіи, обаче Богомъ сотворенніи челоѣцы!»⁽²⁾ Такимъ образомъ Писцовая книга рѣшаетъ намъ вопросъ, гдѣ былъ Казанскій Ханскій дворецъ, вопросъ, или вовсе ничѣмъ нерѣшавшійся, или же рѣшавшійся чрезвычайно неправдоподобно⁽³⁾, начиная съ описаній Казанѣ Рыбушкина и Рыч-

(1) Царст. кн. стр. 284.

(2) Лызлова стр. 138.

(3) Крат. Ист. Казани. Рыбушкина. 1834 г. стр. 31.

кова ⁽¹⁾ до описанія ея Лаптевыми, ⁽²⁾ предполагавшимъ мѣсто Ханскаго двора на Воскресенской улицѣ.

Наконецъ попытаемся сказать нѣсколько словъ о башнѣ, доселѣ сохранившейся въ Казани, подъ названіемъ Сумбелной или Сююбекиной. Дѣйствительно ли эта башня остатокъ древней татарской Казани? Сумбека (Сююньбека), жена умершаго Казанскаго царя Сафагирея, была взята съ своимъ сыномъ Утешитъ-гиреемъ изъ Казани въ Москву. «1551 года, Сентября 5 дня привезли царя и царицу Казанскихъ къ Государю въ Москву, да въ Богъ здраво», замѣчаетъ Царственная книга. (стр. 181) Царственная книга рассказываетъ, что это было сдѣлано, по повелѣнію Іоанна IV, въ видахъ прекращенія въ Казани Крымской династіи и для утвержденія на Казанскомъ престолѣ царя Шигалея. ⁽³⁾ Когда Шигалей вовсе оставилъ Казань и пріѣхалъ въ Москву, онъ просилъ у царя Іоанна IV позволенія жениться на Сююньбекѣ ⁽⁴⁾, да и самъ царь о намѣреніи своемъ выдать за него царицу писалъ отцу ея князю Юсуфу въ особой грамотѣ ⁽⁵⁾, посланной въ февралѣ 1552 года. Писатель Исторіи о Казанскомъ царствѣ рассказываетъ дѣло иначе. — Онъ пишетъ, что царица была выдана за Шигалея, когда онъ былъ посланъ царемъ въ Казань; но изъ ненависти къ нему и злости поднесла мужу кушанье съ ядомъ и наколдованную рубашку, но предупрежденный царь Шигалей далъ отвѣдать кушанье собакѣ, а рубашку велѣлъ надѣть на татарина, приговореннаго къ смерти, та и другой умерли тотчасъ-же. Послѣ этого Шигалей выслалъ царицу съ сыномъ въ Москву. ⁽⁶⁾ Авторъ «Исслѣдованія о Касимовскихъ Царяхъ и Царевичахъ» замѣчаетъ: «Разсказъ о власти, которою Сююньбека пользовалась по смерти Сафаги-

⁽¹⁾ Опись Казан. исторіи. 1767 г. стр. 160 и 176-я.

⁽²⁾ Матер. Геогр. и Стат. Рос. Губ. Казан. Лаптева 1861 г. стр. 555 и 556-я.

⁽³⁾ Царств. кн. 179 и слѣд.

⁽⁴⁾ Нив. лѣт. VII. 115.

⁽⁵⁾ Прод. Древ. Рос. Вивліон. VIII. 310. Иссл. о Касим. цар. и царев. I. 365.

⁽⁶⁾ Ист. о Каз. цар. стр. 138.

рея во все время царствованія Утямишь-гирей, о тогдашней связи ея съ извѣстнымъ Кучакъ-Оглапомъ и о томъ, какъ она едва не отравила Шахъ-Алія можно видѣть въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. (Ик. 129—152, Подр. лѣт. II, 116—135). Быть можетъ, прибавляетъ г. Вельяминовъ-Зерновъ, въ этомъ разсказѣ заключается и доля правды. Сююпъ-бека, по увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ, была по времени выхода своего за мужъ за Сафагирей, одною изъ меньшихъ его женъ, а именно пятой. Если это и было такъ, то она, должно быть, считалась старшей его супругой, по вліянію ея отца и по той зависимости, въ которой онъ могъ держать Сафа-гирей, обязаннаго ему престоломъ: недаромъ ребенокъ Утямишь, въ 1549 г. не смотря на происки противной партіи, желавшей имѣть «сверстнаго» царя, былъ признанъ ханомъ помимо старшихъ его братьевъ, рожденныхъ отъ другихъ женъ.» (Изсл. о Касим. цар. и царев. т. I, стран. 349-я). Утямишь-гирей, послѣ его привезенія въ Москву, въ сентябрѣ 1555 года крещенъ и названъ Александромъ; умеръ въ 1566 г. и положенъ въ Архангельскомъ Соборѣ въ Москвѣ. Разсказъ повторяютъ Лызловъ ⁽¹⁾ и Степенная книга. Глазатовъ, ⁽²⁾ по обыкновенію своему, придаетъ поэтической оттѣнокъ своему разсказу, онъ, по примѣру Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ или великой княгини Евдокии въ Похвальномъ словѣ Дмитрію Донскому, помѣстилъ на страницахъ своего разсказа плачь и Сумбеки. ⁽³⁾ Предъ отъѣздомъ изъ Казани она вошла въ ту мечеть, гдѣ былъ гробъ царя Сафагирей и, упавши предъ нимъ, горько плакала. Народъ видимо ей сочувствовалъ и въ городѣ произошло волненіе, грозившее обратиться въ вооруженное возстаніе: но власти не дали татарамъ воли, а разогнали татаръ *по домамъ шалыгами и ботогами*. Очень можетъ быть, что Глазатовъ передаетъ то, что видѣлъ самъ, подкрасивши разсказъ. Во всякомъ случаѣ преданіе объ отъѣздѣ царицы Сумбеки изъ Казани, опоэтизированное могою, сохранилось долго и у татаръ, и у русскихъ; у та-

(1) Лызлова, стр. 115-я.

(2) Степ. кн., ст. 17-я, гл. 10-я.

(3) Ист. о Каз. царствѣ, гл. XXXIX, стр. 140 и слѣд.

тарь сохранилось оно потому, что съ отъѣздомъ царицы и царевича, сына храбраго и умнаго Сафагирея, настали для Казани черные дни: у русскихъ это преданіе распространено было многочисленными списками Казанской Истории и нашло готовую почву въ томъ сочувствіи, которое русскій человѣкъ способенъ питать къ покорившемуся врагу. ⁽¹⁾ Мы позволяемъ себѣ сдѣлать предположеніе, что названіе «Сумбекиной» этимъ же преданіемъ перенесено было на ту мечеть, гдѣ погребались Казанскіе ханы и которая была свидѣтельницей послѣдняго прощанія царицы съ Казанью. Писцовая книга нѣсколько разъ упоминаетъ о стоявшей близъ воротъ Муралеевыхъ *мизгити* (мечети), *что была Муралеева*: по тому поводу, что противъ этой мечети стоялъ дворъ Илантовскаго монастыря (стр. 34 и 35), и что у мечети же была Муралеева палата, гдѣ хранились пушечные лафеты, колеса и пушки деревянные. (стр. 9.) Покойный Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ справедливо замѣтилъ въ выноскѣ къ списку Писц. книги: «Не Сумбекина ли это мечеть?» Очень можетъ быть, что эта мечеть была построена знаменитымъ Казанскимъ княземъ Муралеемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ переговорахъ Шигалея съ Московскими послами и съ самимъ царемъ Іоанномъ IV и старавшимся во что бы то ни стало уладить несогласія русскихъ съ Казанцами мирнымъ путемъ. Этимъ посредникамъ, какъ доказываетъ вѣковая историческая опытъ, всегда подъ конецъ приходится пить горькую чашу, не смотря на то, что ихъ намѣренія иногда бываютъ очень честныя. Въ концѣ концовъ они садятся между двухъ стульевъ и навлекаютъ на себя подозрѣніе и недовольство обѣихъ сторонъ. Муралей, посланный въ послѣдній разъ предъ бѣгствомъ Шигалея изъ Казани въ Москву, для переговоровъ, просилъ Государя дозволить ему не возвращаться въ Казань, а остаться у Русскихъ, въ Казань же послать за его жепами.⁽²⁾ Въ

⁽¹⁾ Дѣйствительно, судьба Сююпъ-беки заслуживаетъ полнаго сочувствія. Сначала жена царя Жанъ-Али (Эпалея), она послѣ него, какъ жертва политики, переходитъ къ Сафа-гирею, а отъ него къ Шигалею.

⁽²⁾ Царств. кн., 191-я стр.

Царственной книгѣ полный титуль Муралеевъ: «Карачъ Казанскій большой. Ширинъ, Муралей князь Булатовъ». (1) Послѣ ухода Муралея изъ Казани о немъ ничего не упоминается въ лѣтонисяхъ, только въ Разрядной книгѣ 7085 года значится, что Иоанномъ IV велѣно было въ Ливонскій походъ «изъ Новгорода съ татарами идти *Муралею* съ товарищи, а татарамъ стать въ Новгородѣ на срокъ на Вознесеневъ день.» (2) Не тотъ ли это Муралей, о которомъ намъ рассказываетъ Царственная книга? У магометанъ строить мечети считается дѣломъ богоугоднымъ. Муралей, вѣроятно, перестроилъ или украсилъ мечеть, гдѣ погребались Казанскіе ханы. Что именно здѣсь стояла мечеть, гдѣ погребались цари Казанскія и гдѣ, по всей вѣроятности, плакала несчастная Сююнбека, подтверждаетъ князь Курбскій, который говоритъ, что именно на горѣ отъ Казанки стояли «палаты царскія и мечети *злы высокія* мурованная, идѣже ихъ умершіе цари клались числомъ, помнится мнѣ, пять.» (3) Вотъ почему Писцовая книга упоминаетъ не только о мечети, но и о нѣсколькихъ палатахъ. Въ день приступа Курбскому пришлось идти на приступъ отъ Казанки на Кремлевскую гору; «потекохомъ, рассказываетъ онъ, ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, яже предъ враты стояла на горѣ.» (4) Все это доказываетъ существованіе въ Татарской Казани высокаго минарета или башни въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Сумбекина башня. Очень можетъ быть, что эта башня неправильно носить названіе Сумбекиной башни, очень можетъ быть, что ея форма измѣнена, но о принадлежности ея къ старинной мечети едвали можетъ быть сомнѣніе. При первомъ взглядѣ на башню вы видите, что

(1) Царств. кн., стр. 189-я. Имя *Карачіевъ* принадлежало по праву *бикамъ* главныхъ дворянскихъ родовъ въ Крыму, которыхъ считалось четыре: *Ширинъ*, *Баринъ*, *Аршинъ* и *Кыпчакъ*. Муралей былъ изъ рода Ширинъ, изъ котораго происходила вторая жена Сафа-Гирея.

(2) Древ. Рос. Вивліюэ., т. XIV, стр. 357.

(3) Курб., стр. 24.

(4) Тамъ-же, стр. 36-я.

три нижнихъ этажа ея несомнѣнно древней постройки, и рѣзко отличаются отъ остальныхъ.

Расположеніе улицъ въ Кремлѣ было приблизительно такое. Посреди Кремля во всю его длину отъ Спасскихъ къ Воскресенскимъ воротамъ шла *Большая* улица, которая имѣла нѣсколько переулковъ. Первый переулокъ слѣва велъ въ Преображенскія ворота, мимо монастырской ограды и церкви Кипріяна и Устини. Въ этомъ переулкѣ по правую руку стоялъ конюшенный дворъ Спасо-Преображенскаго монастыря и здѣсь же «около Кипріяна святаго» были расположены «четыре тюрьмы—опальная, да двѣ татинныя, да женская; а у тюремъ изба сторожевая» (караульня, гаубвахта.) (Писц. кн., стр. 35-я). Другой переулокъ шелъ нѣсколько далѣе и также налѣво, противъ Соборной Благовѣщенской Церкви. Онъ велъ въ улицу, шедшую параллельно западной сторонѣ Кремлевской стѣны; въ этой улицѣ стояла церковь пр. Сергія около городской стѣны и стояли дома тогдашнихъ младшихъ воеводъ Казани, о которыхъ мы говорили выше (см. стр. 25-я); этотъ переулокъ, вѣроятно, велъ къ Никольскимъ воротамъ. За Соборною Церковью стояли дворы дьяковъ (Писц. кн. стр. 35-я), здѣсь же и у *мизгити* (мечети), *что была Муралева*, расположены были дома дѣтей боярскихъ, старыхъ и новыхъ жильцовъ и иногородныхъ дѣтей боярскихъ. На Большой же улицѣ, на лѣвой сторонѣ стояли дворы—Троицкаго игумена Давида и дворъ Сергіевскаго игумена,—это были, вѣроятно, настоятели двухъ церквей Троице-Сергіевской Лавры, холодной—Сергіевской и теплой—Троицкой. Объ этихъ игуменахъ говорится и въ Царственной книгѣ⁽¹⁾, когда описывается освященіе мѣста для постройки Благовѣщенскаго Собора, которое совершалъ Андрей протополь и игумены. Въ сѣверной части Кремля находился непроходной, неправильной формы переулокъ—*туликъ*; миновавши этотъ переулокъ около сѣверо-восточной стороны городской стѣны можно было войти въ улицу, доходившую до Дмитріевскихъ вѣровъ и потомъ далѣе до Государева Дворца, эта улица пересѣкалась, какъ мы выше сказали, Тезицкимъ переулкомъ. На этой улицѣ и

(1) Царств. кн., стр. 315-я.

на Большой стояли дворы священниковъ и архіепископскихъ людей, а также сторожей, часовниковъ и т. п. Вотъ общій планъ Казанскаго Кремля XVI вѣка; сколько возможно возстановить его по отрывочнымъ выраженіямъ Писц. книгъ. Прибавимъ къ этому, что въ Кремлѣ XVI в. была площадь около Собора и Архіепископскаго двора, на этой площади стояли развалины бывшаго дворца казанскихъ татарскихъ Царей, между которыми уцѣлѣли и остатки Муралеевой мечети. Кремлевскія стѣны стояли не на одной плоскости; на сѣверѣ онѣ западали и понижались къ Муралеевымъ или Воскресенскимъ воротамъ, а отъ этихъ воротъ стѣна шла довольно крутымъ подъемомъ на дворцовую гору, гдѣ и соединялась съ острогомъ.

Оканчивая эту главу, въ которой мы близко коснулись богослуженія въ церквахъ Казани XVI вѣка и быта ея духовенства, во главѣ котораго стояли дорогія для Казани личности первыхъ ея іерарховъ—просвѣтителей; мы находимъ не лишнимъ сказать два-три слова о бібліотекахъ соборной Благовѣщенской и монастырской Спасской. Въ этомъ случаѣ описи Писцовой книги даютъ намъ довольно богатый матеріалъ. Изъ этихъ описей мы узнаемъ, какія это были книги, которыми снабдилъ Грозный посланнаго въ Казань на архіепископію свят. Гурія и другихъ его спутниковъ. Въ Житіи святителей есть замѣтка, что при избраніи св. Гурія въ архіепископа Казанскаго края, Іоаннъ IV «далъ многія книги изъ своей царской казны, къ тому же и изъ монастырей повелѣлъ къ архіепископу приносить образа, а властямъ—книги.»⁽¹⁾ Здѣсь, конечно, нужно разумѣть не однѣ лишь богослужебныя книги, но дубликаты переводовъ съ греческаго замѣчательныхъ произведеній большею частію духовнаго содержанія. Въ Москвѣ у великихъ князей находилась обширная бібліотека рукописей не только славянскихъ и русскихъ, но и греческихъ и латинскихъ. Говорятъ, когда Максимъ Грекъ былъ приведенъ въ эту самую великокняжскую бібліотеку Василиемъ Іоанновичемъ, то онъ сказалъ, что въ ней собраны такіа богатства, какими не

(1) Сборн. Любарск., стр. 15 и 16-я.

обладаетъ и Италия, что въ ней хранятся многія творенія богослововъ, истребленныя фанатизмомъ латинцевъ и варварами магометовыми. ⁽¹⁾ Другое извѣстiе о замѣчательной библиотекѣ царской сохранилось въ хроникѣ рижскаго Бургомистра Нiенштедта. Онъ рассказываетъ, что лютеранскій пасторъ города Дерпта Веттерманъ, взятый въ плѣнъ при Грозномъ, видѣлъ эту библиотечку, благодаря тому уваженiю, которымъ пользуются у царя, какъ человекъ ученый; онъ также съ удивленiемъ говорилъ о богатствѣ Великокняжеской библиотечки, гдѣ онъ видѣлъ огромное количество книгъ богословскихъ и классическихъ. ⁽²⁾ По нѣкоторымъ выдержкамъ изъ писемъ Грознаго видно, что ему знакомы были творенія классическихъ писателей и что для царя дѣлались переводы не однѣхъ богословскихъ книгъ, но латинскихъ и греческихъ писателей. Царскiе дѣятели Иоанна IV предлагали Веттерману и тремъ иностранцамъ—Шрѣфферу, Шрѣдеру и Бракелю заняться переводами книгъ царской библиотечки и обѣщали за трудъ очень приличное вознагражденiе ⁽³⁾, но предусмотрительные нѣмцы отказались отъ этого, боясь, чтобы вольный трудъ не превратился въ подневольный въ томъ случаѣ, если бы Грозный вошелъ во вкусъ чтенiя.

Профессоръ Срезневскiй гдѣ-то замѣтилъ, что Византiйское влiянiе имѣло важное образовательное значенiе на Русь потому, что греки въ то время, когда начали влiять на наше отечество, имѣли уже вполне законченную богатую духовную литературу. Дѣйствительно, произведенiя великихъ духовныхъ писателей были во множествѣ переводимы болгарами и русскими и распространены по Руси съ самыхъ первыхъ вѣковъ водворенiя у насъ Христіанства. Въ Константинополѣ до взятiя его турками сосредоточивалась обширная книжная дѣятельность русскихъ: тамъ одни изъ русскихъ переводили книги съ греческаго на славянскiй, а другiе списывали эти переводы и по-

⁽¹⁾ Карамз., VII, 107.

⁽²⁾ См. Хроника Нiенштедта: *Monumenta Livoniae antiqua*, 1839, II, 67. Ср. Жур. Мая, нар. просв., 1834 г., июнь, статью проф. Кюссiуса.

⁽³⁾ Журн. Мая, нар. просв., 1834 г., июнь, 404—413.

сылали въ Россію. Въ Студійскомъ монастырѣ, по словамъ Стефана новгородца, ⁽¹⁾ жили русскіе въ XIV вѣкѣ и много переводныхъ книгъ посылали на Русь. Подобная же дѣятельность русскихъ сосредоточивалась въ другомъ Константинопольскомъ монастырѣ св. Предтечи, о чемъ свидѣтельствуетъ другой русскій путешественникъ того же вѣка. ⁽²⁾ Въ Студійскомъ монастырѣ жилъ митрополитъ нашъ Кипріанъ и тамъ перевелъ онъ Лѣствацу съ толкованіями. ⁽³⁾ На Аѳонѣ эта переводная дѣятельность русскихъ была еще обширнѣе. Тамъ въ XI вѣкѣ уже упоминается русскій монастырь. Въ спискѣ имущества русскаго монастыря Ксилургу упоминаются русскія переводныя книги: ирмологіи, синаксары, пареміаки, минологіи, номоканоны и творенія св. Ефрема Сирина. ⁽⁴⁾ Въ 1371 году монахъ русскій Исаія, перевелъ на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита, съ толкованіями Максима и различными бесѣды Іоанна Златоуста. Изъ древнѣйшихъ рукописей русскихъ привезены изъ Аѳона—прологъ XIII вѣка и Тактиконъ Никона Черногорца XIV вѣка. ⁽⁵⁾ Кромѣ того въ Россію шли рукописи, переведенныя еще ранѣе съ греческаго южными славянами. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что Болгарскій князь Симеонъ, названный Книголюбомъ, самъ перевелъ 136-ть избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и назвалъ этотъ сборникъ *Златоструемъ*. Его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, перевелъ Богословіе и Философію (діалектику) Іоанна Дамаскина, и написалъ Шестодневъ, пользуясь трудами по этому предмету св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста. ⁽⁶⁾ Мы достоверно знаемъ, что въ XV вѣкѣ переведены Патерикъ Скитскій ⁽⁷⁾ и поученія Исаака Сирина. Въ XVI вѣкѣ

⁽¹⁾ См. Сказ. рус. нар. Сахарова, II, 53 и 54.

⁽²⁾ Тамъ же, пут. Игнатія, стр. 100.

⁽³⁾ Обзоръ Дух. Литер. Филарета, стр. 78.

⁽⁴⁾ См. Христ. Чт. 1853 г. Окг. статью «Русскіе иноки на Аѳонѣ» в Чт. Моск. общ. Ист. и древн., 1846 г., № 4-й.

⁽⁵⁾ Правосл. Собесѣдникъ, 1859 г., декабрь, стр. 382 и 383.

⁽⁶⁾ См. Іоан. экз. Болгар. Калабдовича, стр. 15, 75.

⁽⁷⁾ Ист. Церкв. арх. Маварія III, 182.

въ великокняжеской библиотекѣ хранилась греческая Толковая Псалтирь, которая заключала въ себѣ 24 толкователя; для перевода этой Псалтири былъ вызванъ Максимъ Грекъ, но въ это время русскіе уже имѣли толковую псалтирь Анастасія, переведенную въ XII вѣкѣ. ⁽¹⁾ Въ XVI вѣкѣ появляются переводы 16-ти словъ Григорія Богослова, *Маргаритъ* или собраніе поученій Іоанна Златоуста. и т. д.

Большую часть этихъ переводовъ лучшихъ святоотеческихъ твореній мы находимъ въ библиотекахъ вышесказанныхъ Казанскихъ церквей XVI вѣка. Вотъ ихъ опись по Писцовой книгѣ. При Соборѣ перечисляются книги: *три Евангелія воскресныя толковыя, Златоструй, Правила свят. апостолъ, Льствица, два Евангелія толковыя Іоаннъ да Лука, евангелистъ толковой же Матѣй, Григорій Богословъ, Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ* ⁽²⁾, книга Кирила Іерусалимской, книга *Маргаритъ, Посниковы правила* (архіепископской прибавки), книга *Ефремъ Сиринъ*. (Писц. кн. стр. 16—17). Въ ризницѣ Преображенскаго монастыря хранились книги: *Евангелисты въ двухъ книгахъ толковыя, Евангеліе воскресное толковое, Прологъ въ трехъ книгахъ на весь годъ, Патерикъ Скитскій, Псалтирь толковая, Патерикъ Печерскій, Патерикъ отца Данила оевлогій(?)*, два *Трефолоя*—кануны новымъ чудотворцамъ, которые были канонизованы при митрополитѣ Макаріи Соборомъ, *Маргаритъ, Исаакъ Сиринъ, два Златоструя, Ефремъ Сиринъ, Григорій Богословъ, Діонисій Ареопагитской, Притчи евангельскія, Козьма Адикопловъ, Житія—Сергія чудотворца, Соловецкихъ чудотворцевъ*. ⁽³⁾ *Ярославскихъ чудотворцевъ, книга Синаксаръ, Василий Кесарійскій*. (Писц. кн., 31—32).

⁽¹⁾ Твор. Св. Отцевъ, годъ XVII, кн. II, стр. 190-я. Обз. Рус. Дух. Лит., стр. 14.

⁽²⁾ Писатель XI вѣка; о немъ говорили: «Симеонъ достоинъ названія новаго Богослова, потому что онъ преподавалъ такія тайны внутренняго подвижничества, о которыхъ давно не слыхали. Ист. уч. объ Отц. Цер. Филарета, III стр. 404-я.

⁽³⁾ Первое, вѣроятно, принадлежало Елифанію, а второе

Перечитывая эти описи, нельзя не замѣтить, что большее количество записанныхъ въ нихъ книгъ относится къ литературѣ аскетической, какъ и большая часть переводныхъ сочиненій съ греческаго, получившихъ свое начало въ келліяхъ иноковъ. Благодаря массѣ переводныхъ сочиненій, въ древней Руси распространено было общее уваженіе съ иноческой жизни, какъ къ высшему проявленію Христіанства на землѣ. «Патерики, говоритъ проф. Буслаевъ, проливнутые восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII включительно. Эти же аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологъ, имѣли громадное вліяніе на нашу древне-русскую литературу.»⁽¹⁾ Тѣмъ сильнѣе должны были любить чтеніе подобныхъ книгъ монахи, духовенство и все высшее грамотное сословіе Казани XVI вѣка, что это общество имѣло руководителями такихъ высокихъ представителей монашескаго житія, каковыми были первые архіепископы Казани. Что книги находили читателей, можно заключить изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ (толковыя Евангелія, Златоструй и т. п.) имѣлись въ обѣихъ бібліотекахъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Между книгами Спасскаго монастыря была лишь одна мірская книга, а именно—переводъ «Христіанской Топографіи» Козьмы Индикоплова, но и то только потому, что она содержала въ себѣ опроверженіе мнѣнія о шарообразности земли, почитавшагося въ Византіи еретическимъ. По мнѣнію Индикоплова, земля не кругла, но есть ничто иное, какъ четырехъ-угольная плоскость, простирающаяся на четыреста дней пути отъ востока къ западу и ровно на половину этого отъ сѣвера къ югу; она окружена горами, на которыя опирается небо; одна изъ этихъ горъ на сѣверѣ очень высока такъ, что закрываетъ отъ насъ лучи солнца и производитъ ночь; земля немного наклонена къ югу, отчего рѣки, текуція на югъ, Евфратъ, Тигръ и другія быстры, а Ниль, который направляется

митрополиту Спиридонію. См. Обз. Рус. Дух. Литер., стр. 119 и 166-я.

(¹) Историч. очер. Рус. народ. слов. и искус. II, стр. 231, 232.

въ своемъ теченіи на сѣверъ, по необходимости, долженъ течь медленно.

VI.

Казанскій посадъ XVI вѣка: гостинный дворъ, главныя улицы, ихъ число и направленіе; входилъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣпость прежде и во время осады ея въ 1592 году; церкви, острогъ, вокругъ посада, ворота Казанскаго острога, названія ихъ русскія и татарскія.

Казань шестидесятихъ годовъ XVI вѣка представляетъ много сходнаго въ расположеніи ея улицъ съ современною Казанью, только необходимо принять во вниманіе, что тогда Казань представляла всѣ недостатки стариннаго города, а именно: неправильность улицъ, пресѣченность главныхъ улицъ множествомъ переулковъ неправильной формы, въ которыхъ дома часто стояли не по прямой линіи, а одинъ къ другому бокомъ, отчего въ самыхъ переулкахъ и на главныхъ улицахъ по линіи домовъ приходились глубокіе впадины въ сторону, имѣвшіе форму неправильныхъ треугольниковъ или глухихъ переулковъ, называвшихся Тупиками. Это послѣднее названіе сохранилось и доселѣ во многихъ современныхъ намъ старинныхъ русскихъ городахъ. Особенно неправильны были площади. Самыя улицы были узки, поверхность ихъ была неровна и холмиста, пресѣкалась промоинами, чрезъ которыя перекидывались живые мостыки; линія домовъ то повышалась, то понижалась сообразно неправильной поверхности улицы. Въ Писцовой книгѣ мы часто встрѣчаемъ выраженіе: дома стоятъ *на вымль*, т. е. на возвышенномъ мѣстѣ. Тѣснота улицъ, наполненныхъ исключительно деревянными постройками была причиною частыхъ пожаровъ, истреблявшихъ Казань до тла въ 1595, 1672, 1694, 1749, 1754 и 1774 годахъ ⁽¹⁾ Однимъ словомъ—до конца XVIII

⁽¹⁾ Кратк. Ист. гор. Казаня. Рыбушкина. Изд. 1-е, ч. I, стр. 10-я.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. Казань во второй половине XVI вѣка	3.
II. Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань	6.
III. Администрация города и дрѣя, административный лицъ, судъ, внутреннй полицейскй мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападений	16.
IV. Населеніе города Казани въ XVI вѣкѣ; казанская аристократія тогдашняго времени, казанскіе опальные и переселенцы иногородные: черныя и духовенство, стрельцы, пушкарки, землепашцы, новокрещенныя	30.
V. Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Первозвреннаго, Царскій дворець, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепіскопа, Сурьбяннн башня и старинный Ханскій дворъ	72.
VI. Казанскій посадь XVI вѣка: гостиный дворъ, главныя улицы, ихъ число и направленіе; входили ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую мѣстность прежде и во время осады съ кѣ 1532 г.; цѣркви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанскаго острога, названія ихъ русскія и татарскія	136.
VII. Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками	204.

в своем течении на север, по необходимости, должен
течь медленно.

VI.

Казанский посадь XVI века: гостинный дворъ
главныя улицы, ихъ число и направление; входилъ
ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую
крѣпость, прежде и во время осады ея въ 1522
году; церкви, острогъ, вокругъ посада, ворота
Казанскаго острога, названія ихъ русскія и та-
тарскія.

Казань шестидесятых годовъ XVI вѣка представляет
много сходнаго въ расположеніи ея улицъ съ современ-
ною Казанью, только необходимо принять во вниманіе,
что тогда Казань представляла всѣ недостатки стариннаго
города, а именно: неправильность улицъ, пресѣченность
главныя улицъ множествомъ переулковъ неправильной
формы, въ которыхъ дома часто стояли не по прямой ли-
ній, а одинъ съ другою бокомъ, отчего въ самыхъ пере-
улкахъ и на главныя улицахъ по линіи домовъ прихо-
дились глубокіе впадины въ сторону, имѣвшіе форму не-
правильныхъ треугольниковъ или гнѣздовъ переулковъ, на-
зывавшихся Тупиками. Это послѣднее названіе сохрани-
лось и доселѣ во многихъ современныхъ намъ старинныхъ
русскихъ городахъ. Особенно неправильны были площади.
Самыя улицы были узки, поверхность ихъ была неровна
и холмиста, пресѣкалась провозами, чрезъ которыя по-
рекивались живые мостки; линія домовъ то возвыша-
лась, то понижалась, сообразно неправильной поверхности
улицъ. Въ Писцовой книгѣ мы часто встрѣчаемъ выра-
женіе: дома стоятъ на вымжѣ, т. е. на возвышенномъ
мѣстѣ. Тѣснота улицъ, казенныхъ исключительно дере-
вянными постройками была причиною частыхъ пожаровъ,
истребившихъ Казань до тла въ 1595, 1672, 1694, 1749,
1754 и 1774 годахъ (*) Однимъ словомъ—до конца XVIII

(*) Кратк. Ист. гор. Казаня. Рыбушнина. Изд. 1-е, ч.
1, стр. 10-я.

вѣка, именно: до разрушенія Казани Пугачевымъ и до известнаго указа Императрицы Екатерины II, отъ 4-го декабря 1775 года, которымъ повелѣно было Губернатору князю Мещерскому строить вновь Казань по правильному плану, для чего отпущено жителямъ 500 тысячъ рублей. Казань представляла видъ не города, а большой деревни, какъ называли прежде и самую столицу Русскаго Государства, Москву.

Строится улицами было издавна въ обычай у русскихъ, въ противоположность народамъ средне-азиатскимъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церквей, построенныхъ на нихъ, напр. Дмитриевская, Воскресенская, Успенская, иногда—по дальнимъ тѣмъ, которые на нихъ жили, напр. Казачья, Ямская, иногда—по какому-нибудь собственному имени провинца, напр. Бутырѣва, Шаронова. Въ Казани XVI вѣка мы видимъ улицы *Спаскую, Воскресенскую, Водвиженскую*, получивши свои названія отъ церквей, на нихъ стоявшихъ и доселѣ сохранившихся. Казанскія улицы и слободы *Ираркерека, Стрѣльчика, Ямская, Новокса, Волотовка* и *Тулская* получили свои названія отъ жителей этихъ улицъ, пушкарей, стрѣльцовъ, ямщиковъ, переселенцевъ изъ Пскова, изъ Вологды, изъ Тулы и т. д. Кроме того въ Казани существовало довольно значительное количество улицъ и переулковъ, получившихъ свое названіе отъ прозвищъ ихъ старинныхъ жителей, напримеръ *Шошунья* переулокъ часть улицы, гдѣ дворъ *Шошова* или дворъ *Шеложова*, дворъ *Истомы Аляшова*, *Гулкова Шарова*, *Лучи Толмача*, *Емвара Нина*, *Нина Долгова*. Это были, вѣроятно, зажиточные именитые жители, дома у которыхъ были лучше другихъ, и писцы, записывая имена ихъ въ Писцовую книгу, только съблужемъ обмену обычай всѣхъ жителей Казани употребляли эти прозвища для означенія известной мѣстности въ городѣ, которую могъ указать и встрѣчный и поперечный, если ему назвать только прозвище именитаго человека, выстроившаго тамъ себя домъ. Мы и до сихъ поръ пользуемся этихъ способовъ, чтобы направить посланнаго куда съѣзду въ городѣ. Наконецъ были такіа улицы въ Казани, которыя назывались или отъ тѣхъ зданій и заведеній, которыя на нихъ стояли, или отъ тѣхъ городковъ или селъ въ окрестностяхъ, изъ которыхъ

через эти улицы лежала дорога, например, *Бирная, Писаревская, Арская*.

Улицы в наших старинных городах по простоте как украшались, образами в воротах, иногда образа ставились по краям улиц, — на мостах же торговых обр-ва ставились на крестах. Все улицы со всех сторон обыкновенно сходились, неправильными линиями к площадям, которые служили центром торговли и вообще всех сношений между собою жителей посада. На площадях обыкновенно стояли ряды лавки, где не только продавали, но и работали, приехали с различными товарами, сенами с мясными и рыбными припасами, пшеницы, харины, где собирались гуляки, тут же стояла изба земская, место выборного управления. Иногда этот торг обособился стянжи и представлял собою отдельное строение с воротами, запиравшимися на ночь и охраняемым сторожами. В Казани XVI в. существовало несколько площадей: между ними главной площадью была Спасская, где сосредоточивалась вся торговля. Кроме этой площади около церкви Петра и Павла была еще *кошмакская площадь*; за Булаком около Казани даже была площадь. (Писц. кн. стр. 57, 61).

В древней Казани улиц было не много, но нас поражает многочисленность малых улиц и переулков. Геодезист Нестряков нашел в 1739 году в Казани 9-ть больших или главных улиц, когда уже город значительно увеличился в сравнении с Казанью XVI века и в нем застроились такие местности, где прежде были выгоны или леса. Малых улиц и переулков Нестряков насчитал огромное количество — 170-ть; а торговые базары и площади было 10-ть. (*) Попытаемся набросать в общих чертах картину Казанского посада XVI века, начиная наше описание от Спасских восточных ворот.

От Спасских ворот начиналась Спасская улица: она шла не так прямо, как выш., а ее направление было именно вправо сторону — на это указывает план Писарева и в этом убеждает нас при делении, рас-

(*) См. Опыт. Каз. Ист. Рачкова, 1767 г., стр. 183.

конец улицы для прокладывания водопроводных и газовых труб: толстый слой гравия и различные угловатые камни и остатки шельв по направлению от каменного мостика вправо в Гостинному ряду, вся же левая часть Воскресенской улицы, где стоят дома Городского Общества и т. Алмазов, представляла твердым, глинистым грунтом. Прядь Спасскими воротами и всей юго-восточной стеной кремлевской стѣны, за Троицкими воротами, находилась Спасская площадь, а на ней-то стояла Гостинный двор, почти на его восточнейшей части. «Отъ городской каменной стѣны до Гостинного двора площадь широкаго мѣста 52 сажени, говорится въ Ниццовоу книгѣ (стр. 57), на Гостиннѣ-дворѣ три воротъ, а вѣра двору отъ Спасскѣи улицы и отъ Псковскаго ряду и отъ большѣихъ воротъ. Гостинна двора по Псковской улицѣ сзади посадекахъ свещенныхъ дворовъ длина и съ гѣмъ, что подъ забары, 56 сажени а поперекъ двора отъ воротъ Гостинна двора, которое ворота въ городъ въ Никольскимъ коровъ, Гостинна и съ гѣмъ, что подъ забары, 48 сажени. А длина Гостинн дворъ весь изъ Государени каменъ и плотниа Государени.»

Изъ этого описанія мы видимъ, что площадь Спасской улицы почти равнялась по пространству вышедшей Спасской площади: что въ Елизаветинскомъ Гостинномъ ряду сохранилось столько же воротъ, сколько было ихъ въ Гостинномъ дворѣ XVI вѣка; что Никольскія ворота стояли въ выходящей на западъ части Кремлевской стѣны и отъ нихъ до западной части Кремлевской горы шла дорога въ церковь Николы-Игуменовской, отъ которой эти ворота, можетъ быть, и получили свое имя, какъ въ настоящее время восточныя кремлевскія ворота называются Ипатьевскими потому, что ведутъ къ Ипатьевской церкви. Гостинный рядъ въ XVI столѣтїи, по описанїю Ницц. книги имѣлъ нѣкоторое сходство, по своему внутреннему расположенїю, съ нынѣшнимъ. Съ лѣвѣй стороны, выходящей на Спасскую улицу, расположено были лавки остатковъ овецъ, а внутри дворе стѣны различныя мясные торговни, въ западной же его части расположено были лавки торговцевъ съѣстными припасами: рыбью, мясомъ и т. и. Ниццы записали въ книгу лишь мѣсто, и число забаровъ (лавочъ), и сколько съ каждымъ изъ этихъ забаровъ связалось въ тодѣш-

даны, но не зависели предметов торговли. Съ промышленъ быше дѣланныхъ и доходящихъ оброкъ въ пользу казна вымалось въ недѣлю до 20-ти алтынъ съ гривною, съ мелочной торговли по 11-ти денегъ въ недѣлю. Особенно высокою пошлюною обложены были лавки Исковскихъ гостицъ. Серебряные мастера обложены были податью въ 10-ти и въ 5-ти алтынъ; хлѣбна лавокъ съ жѣсткими товарами платили по 15 алтынъ. Въ Гостинномъ дворѣ близъ Костромской ряды, въ которомъ было до 23-хъ лавокъ. Чѣмъ торговали Костромичине, мы незнаемъ достоверно, но можно полагать, что предметы торговли Исковскихъ гостицъ были разными матеріи, сукна, металлическія издѣлія, жемчугъ и т. п. (*) Въ Дворѣ было нѣсколько крестцовъ; крестецъ *крутиной* находился вправо, если войти въ Гостинный дворъ чрезъ ворота со Спасской улицы, на *мыль* (?); даѣе на этой же сторонѣ на нѣмѣй же былъ крестецъ *рыбный*, на другихъ крестцахъ продавали хлѣбъ и качачи, находилась разнаго рода лавки торговцевъ живыми привасами и стоили бочки съ квасомъ; были также крестцы мушной, молочный и т. п. Около Спасскаго крестца назывался рыбный рядъ, имѣвшій 25-ть лавокъ по лѣвой и 26-ть лавокъ по правой сторонѣ. Наѣво отъ Спасскаго крестца шли живыя лавки—всего 16-ть лавокъ. Гостинный дворъ имѣлъ позадѣ къ Николѣ-Гостинному, проѣздами ворота, близъ которыхъ также были крестцы, называвшіеся Никольскими. Такимъ образомъ Гостинный дворъ въ XVI вѣкѣ означался около Никольской Гостинно-дворской деревни. Ворота отъ Спасской улицы были

(*) Очеркъ торг. Моск. Гос. Костохарова, стр. 94.

(?) Не въ одною изъ нашихъ лексиконовъ мы не нашли объясненія этого слова. Мы думаемъ, что это слово происходитъ отъ стариннаго корня: *mett—метъ—metti, wuszukas—высовывать* (польск.) въ смыслѣ поднятія вверхъ, вѣ, возъ; отсюда—*наметъ, выметать, выметка, выметушка, вымя, вымя*. (См. Сравнит. Грам. Слав. и Друг. род. язык. Шерера 1871 г. ч. I, стр. 281). Неручаясь за вѣрность нашего объясненія, мы должны присовокупить, что вездѣ гдѣ Писецъ кн. указываетъ вымя, почва возвышена.

несколько ближе к Кремлю, чем нынешние. Около Никольского востина был особый каменный ряд: здесь были лавки, скамьи, поля, на которых торговали хлебом и кашами,—всего таких торговых мест было 39-ть. Русские XVI века предпочитали ржаной хлеб шведскому: первый почитался более питательною пищей, чем пшеничный, последний же хлеб кашею составлял самое лучшее лакомство, даже из царскому столу белый хлеб пеки пополнялся ржаной мукою. Выше мы заметили, что в Казанском Гостинном дворе было около 60-ти рабочих лавок. По отзывам иностранцев, Московское Государство потребляло рыбу и рыбная пища предпочиталась русскими людьми мясной. Большею частью употребляли рыбу соленую и даже предпочитали такую рыбу, которая была недосолена и вошла вли, как говорили русские, *бонка* (1), т. е. тогда ее употребляли. Кроме Гостинного двора на коневой площади, у Петра и Павла, был также торг, где продавали в шалахах вареную рыбу, пироги иряженые и кисели; хозяева шалаха платили оброк за право торговли по 4-ре алтына. Всего в Казанском *торгу*, включая сюда Гостинный двор и кузницы, было 365 лавок оброчных, 102 скамьи, 86 полозья, 55 иваншей, 16 бочек квасных, (плативших по 25 и по 15 коп.) и 19 кузниц. Всего съ торга вымалось 116 рублей, 5 алт. и 4 денги. Кроме того в Гостинном дворе было 11-ть лавок безоброчных,— это были лавки гостей, жалованных Государем, перееденцев из других городов. В XVI столетии в то время, когда составлялся Писем. книги, Казань не получила еще значения торгового центра, но и при Грозном, после покорения Астрахани, Казанские купцы в числе купцов прочих городов Поволжья участвовали в ежегодных караванах в Астрахань. Караваны эти состояли из 500 судов, (2) Казань еще раньше служила центром торговли мехами из Джигатая и Бухарских

(1) Очеркь домаш. жизни Великор. нар. Костомарова, стр. 86-я.

(2) Очеркь торг. Моск. Гос. в XV и XVI в. Костомарова, стр. 105-я.

травяни. ⁽¹⁾ Оброкъ, взимаемый съ лавокъ, назывался *албарчиной, телювымъ и соровымъ* (Исп. книг. стр. 58); подъ именемъ *сорового* разумеется плата мещанства, которые обязаны были отпущать Гостинный дворъ отъ сора и грязи. Крошѣ оброка лавки Казанскаго торгоу обложены были *Евильевиной* или налогомъ въ четыре алтина въ годъ. Что это была за подать? Мы знаемъ, что въ Казани былъ въ 1332 году царь Джанъ-Али, нашимъ дѣтосцами, называвшимся Аналѣй, Аналѣй и Ешалѣй (?); это былъ одинъ изъ Касимовскихъ царевичей, правившій до назначенія его Русскимъ Правительствомъ въ Казанскіе дари, городскѣхъ Менчереклѣ; онъ царствовалъ недолго именно—онъ убитъ въ 1335 году. Не была ли эта подать установлена въ царствованіе Джанъ-Али на какаго-либо особые городскіе расходы или же, можетъ быть, эта подать назначена русскими и обращена была въ пользу семейства, убитаго за преданность Россіи Джанъ-Али? Изъ договорной грамоты Великаго Князя Василія Ивановича и сына его Ивана Василевича съ братомъ его, княземъ Юриемъ въ 1534 году, Августа 4-го ⁽²⁾ видно, что оказавшимъ Государству различныя послуги татарскимъ Касимовскимъ царямъ выдавались субсидіи, называвшіяся *выгодами и проторами* и что на этотъ предметъ взимались особня подати не только съ жителей Московскаго, но и съ удѣльныхъ князествъ. Это былъ обыкновенный, по тогдашнему времени, способъ выходить изъ финансовыхъ затрудненій: нужны были деньги на новый расходъ—и казна пополнялась новыми налогами. У татаръ было обыкновенно назначать известному роду положительную часть изъ общаго податей. Напримѣръ, изъ Ногайскихъ дѣлъ мы знаемъ, что Сафа-гирей домогался въ Казани доходовъ, принадлежавшихъ крымскимъ сановникамъ рода Мангитъ. «Миръ Сафа-гирей приказалъ дожди Мангитские доходы» ⁽³⁾ Очень можетъ быть, что Джанъ-Али,

⁽¹⁾ Отсюда-то такое изобиліе Бухарскихъ травяни въ церковныхъ опискахъ Казани, какъ мы видимъ это выше. Тамъ-же, стр. 9-я.

⁽²⁾ Касим. Цари и Царевич. т. I, стр. 255-я.

⁽³⁾ Собр. Гос. грам. I, № 160 и 161.

⁽⁴⁾ Прод. Древн. Рос. Визлюювка, VIII, 144—147.

новная всю опасность политики Русской, назначившей его Казанским царем, вопреки желанию сильной Крымской партии в Кавкази, которая не обещала ему престола положеши на престоле, выговорить себя и своему роду известную долю в Казанских торговых пошлинах. «Противъ города Спасскихъ воротъ на площади близко Ростина двора стояла изба таможенная съ комнатою безъ полаты, а передъ избею изба, да у избе же на площади *вазля допана*» (Иисц. кн. стр. 57-а) В этой таможе *тажжени* товаръ, брали съ проданнаго наобихъ продохъ въ пользу казны; въ *вазю* же стояла *ваз* (1) или *ваз*, на которыхъ товары вѣсели, кромѣ того здѣсь находились и казенныя мѣры сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ. Мы знаемъ что Грозный въ 1550 году учредилъ печатныя мѣры сыпучихъ тѣлъ; онѣ послыались въ послѣднѣмъ уѣздѣ гдѣ староста обязывали сдѣлать по тѣмъ моделямъ деревянныя мѣры, *вазятаны* ихъ (заключить) и отослать ихъ *пожоричикамъ*, т. е. лицамъ, опредѣленнымъ для мѣры во время продажи. Въ 1555 году по всему Государству введена Государемъ *ваз* и приставлены къ нимъ *вазичи сторожи* и *вазичи*, т. е. лица, назначенныя для взвѣшыванія товаровъ. (2) При Іоаннѣ IV даже запрещено было имѣть кому-либо свои *ваз*, хотя бы и не для продажи, но *ваз* должны были ходить въ городскія пудовничкамъ и платитъ за *ваз* *вазичи*. (3) Въ чѣмъ состояло тогдашнее таможенное право? Постоянное увеличение государственныхъ потребностей требовало и увеличения финансовыхъ средствъ Россіи; эти новыя потребности, по политикѣ того времени, удовлетворялись новыми прямыми налогами,—отсюда накопление различныхъ податей и пошлинъ, затруднявшихъ хозяйство въ города и торговлю въ городахъ. Въ чѣмъ состояли таможенные пошлины съ торговли, видно изъ таможенныхъ грамотъ.

(1) По-польски и по-малороссійски *ваз*—тажестъ и *ваз*. См. Польск. Язык. Пизда. 1845 г. и Малор. словарь при Старосѣ. Вандуричѣ. Захарьскаго, 1860 г., стр. 272.

(2) Доноян. въ Историч. Акт. I, 39.

(3) Тамъ-же, I, 39.

До насъ дошли таможенные уставы Иоанна III откупни-
камъ *тамаи* и *тамаи* на Белоозере. (1) Если городской
человекъ кунитъ себѣ въ лавку меду, перо, рыба, то
брать у него съ рубля по денгѣ; съ кади сельдей, съ
помеза соли—по полуденгѣ. Съ мяса—по полуденгѣ со
стага, съ коровы, съ 20 гусей, съ 30 поросать, съ 10
барановъ, съ 20 зайцевъ; съ вола лужу, ману, аблокъ,
хотто, зема по денгѣ. Рядомъ съ этимъ уставомъ со-
хранились грамоты, данныя Иоанномъ IV тоже на Бело-
озере. Въ сравненіи съ уставомъ, даннымъ Иоанномъ III,
пошлины тамъ значительно увеличены: въ грамотѣ Иоан-
на IV былъ прибавленъ уставъ поварной и дворовой
пошлины. Со всякаго хлѣба и овощей бралось *померное*,
по денгѣ съ 4-хъ четвертей проданнаго, съ хлѣба *тамаи*
не брать. Дворовая пошлина состояла въ томъ, что
съ прикащиковъ сидѣть на Гостинный дворъ дворники
брали съ тысячи бѣлки по 4 денги, съ постаны сушна
по 3 денги, съ 7—10 пудовой кадди меда по денгѣ, съ
бочки сельдей и якры по денгѣ, съ бочки сальнъ по по-
луденгѣ, съ стопы бумаги по полуденгѣ. Кто придетъ
съ товаромъ и встанетъ не на Гостинномъ дворѣ, то на-
мѣстникъ беретъ съ хозяина дома и съ вушна по пол-
тави, да приставъ—хоженато 4-ре денги. Если кто оста-
новится съ товаромъ на Гостинномъ дворѣ, съ того бе-
реть амбарную пошлину за постой тогда только, если кто
останется съ товаромъ болѣе одного дня и если у него
товару болѣе двухъ рублей; если кто не поѣдетъ на
Гостинный дворъ, того ставить на дворъ *васильно*. (2)
Вотъ обращеніе тѣхъ таможенныхъ пошлинъ которыя
взимались въ царствованіе Грознаго. Какъ увеличи-
вались пошлины, видно изъ указа Алексѣя Михайловича
30 Апрѣля, 1654 года. Кроме указанныхъ пошлинъ на
Гостинныхъ дворахъ въ XVII столѣтіи брали множество
пошлинъ, напримеръ, съ рыбы складки съ лавки и въ
погреба, съ раздѣлки бочесъ, съ мыла рыбы, съ рыб-
ныхъ бочесъ и т. п. (3) Таможенными казнами заведывали

(1) Акт. Арх. Эксп. I, № 134.

(2) Ист. Рос. Соловьева, ч. VII, стр. 34 и 35.

(3) Опись поевств. о Древи. Рос. Успенскаго, ч. II,
стр. 615-д.

выборные граждане, присяжные или цѣловальники. Въ 1566 году, бѣлъ Государевыхъ тамошниковъ въ Казани Матѣй Таракановъ. Тамошникамъ вѣнялось въ обязанность стараться о прращеніи дохода казны и добросовѣстно оцѣнять товаръ, состояніе и достатокъ купца, что торгомъ и по промысламъ и... по Государеву крестному цѣлованью.» (Писцовая кн. стр. 37-я). «Какой, говоритъ Котошихинъ, (*) гость или торговый человѣкъ, будучи въ годовостѣ въ таможи, годъ передъ годомъ казны собереть больша, за тое службу отъ Царя биваетъ похвала, биваетъ жалованье по кубку или по ковшу серебряному; а кто предъ старыми годами собереть меньше, и ту прибыль, которая была бы... берутъ съ нихъ самихъ; да сверхъ того биваетъ наказаніе винутомъ.» Вотъ какъ тажека была въ древней Руси таможенная служба. Спасская улица XVI вѣка имѣла 10 дворовъ на своей правой сторонѣ, по лѣвой—15. (Писц. кн. 37, 38). Переулкомъ или скорѣе поворотомъ направо Спасская улица соединялась съ Воскресенской улицей, которая тогда шла, кажется, вѣстому правѣе, чѣмъ въ настоящее время. Это доказывается тѣмъ, что на самой средней вышней Воскресенской улицѣ, противъ дома Полицейскаго управленія при недавнемъ прокладываніи водопроводныхъ трубъ открыто было много гробовъ; следовательно на этомъ мѣстѣ былъ церковный монастырь или ограда, гдѣ погребали умершихъ. Церковь Воскресенія Христова, по показанію Пестрикова, (**) каменная, востроена въ XVIII вѣкѣ (1734), а при ней Церковь Происхожденія Честннхъ Дрѣвъ въ XVII вѣкѣ (1671). Въ Писцовой книгѣ нѣтъ описанія этой церкви, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Церковь Воскресенія существовала въ это время въ Казани. Въ Писцовой книгѣ мы читаемъ: «дворы посадскихъ людей прешліа изъ послѣдній мѣста у Воскресенія Христова, къ Спасскимъ острожнымъ воротамъ.» (стр. 41.) Мы увидимъ ниже, что острожныя Спасскія ворота лежали около нынѣшняго Университета. У Воскресенской Церкви были погребены одинъ изъ Казанскихъ мучениковъ, поимено-

*) Котошихн., стр. 716-я.
(**) Опнгъ Каз. Ист. Гачкова. 1767 г., стр. 179-я.

щенный татаринъ Петръ, котораго, по удаленіи изъ Казани Пичагала, убилъ его родственникъ за то, что онъ не хотѣлъ отречься отъ недавно принятаго имъ христіанства. Это описано въ челобитной митроп. Гермогена къ патриарху Іову (1), въ ней сказано: «и положенъ Петръ: поворотецъ на мѣстѣ, и дѣже иныи стоятъ храмъ Св. Воскресенія на земновъ мѣсту.» Такимъ образомъ на концѣ Воскресенской улицы былъ въ XVI вѣкѣ, именно въ 1592 году (годъ написанія челобитной), хлебный рынокъ.

Спасская улица переулкомъ, который шелъ отъ Спасскихъ воротъ къѣно, совпадала съ обоими Погаными озерами—Верхнимъ и Нижнимъ. Тамъ, гдѣ Спасская улица совпадала съ Воскресенской, почва возвышалась и отъ этого возвышенія шелъ вправо два переулка—одинъ къ Петропавловской Церкви, а другой къ Гостиному двору: они имѣли по 7-ми дворовъ на сторонѣ. Ограда или монастырь: съ монастыря вправо къ Кремлю шла улица, въ которой было до 30 дворовъ. Отъ Петропавловской же церкви шла другая небольшая улица вправо къ Проломнымъ воротамъ; улица эта (или переулокъ) имѣла поперечный поворотъ обратно къ той же церкви направо. Отъ переулка эта улица продолжалась по направлению къ Проломнымъ воротамъ, подходила къ остритъ и шла параллельно остритной стѣнѣ, шедшей, какъ мы уже знаемъ, къ этимъ воротамъ съ Арскаго поля, отъ Ногайскихъ воротъ. Отъ Проломныхъ воротъ къ Церкви Николаи-Боровскаго (2) шла большая улица (Проломная), имѣвшая на правой сторонѣ (къ Бульву) 10-ты дворовъ, а на другой 14-ты. Попадъ этой улицы по направлению къ Гостиному двору и къ той же Церкви шла небольшая улица, имѣвшая 9 дворовъ. Отъ Николаи-Боровскаго къ мѣскому рынку шла улица, имѣвшая по обѣ стороны 16-ты

(1) Сборн. Любар., стр. 72-я. Ср. Ист. о Каз. Царств. 183-я.
(2) Церкви Николаи-Боровскаго не была-ли построена атаманомъ Никитой Боровскимъ, о которомъ говоритъ Писск. кн. на стр. 9-й?

дворец. Посады Николь—Гостина между Петропавловскою церковью и Гостинным двором лежал Щезунинъ переулокъ. Въ этихъ улицахъ, лежащихъ между Николою Гостиннымъ и Петропавловскою Церковью въ различныхъ мѣстахъ стояли дома архіерейскихъ людей, а именно—въ переулокѣ отъ Бокрешинской улицы къ Петропавловской церкви 7 дворовъ и за мѣсяцъ и рыбацкѣ рядами въ Туникѣ 4-ре двора. (Шен. кн. стр. 37 и 38-а) Этими показаніемъ Писцовъ книги находится мѣсто въ грамотѣ Царя Ивана Васильевича Свят. Гурія отъ 13-го Августа 1555 года: «да ему архіерейскому дано мѣсто на посады у Николы Чудотворца за горгомъ къ Петру Святоточу на его дворные люди.»⁽¹⁾ Это мѣсто изъ грамоты составляло предметъ ошибокъ многихъ исследователей казанки, которые зовутъ именомъ Церковь Св. Петра цѣльки видѣти Церковь Московскихъ Чудотворцевъ⁽²⁾, неподозрѣвая о существованіи Петропавловской Церкви въ XVI вѣкѣ, въ Казани. Писцовая книга рѣшается недолжнѣе. Между Гостиннымъ дворомъ и Церковью Николы—Гостина мѣстъ также переулокъ, имѣвшій 13-ть дворовъ. Отъ этой же церкви къ городу, параллельно Проломной улицѣ шла улица *Икономскія*, населенная большею частью искомскими перебежниками. Эта улица соединялась съ Проломною переукомъ, который шелъ къ церкви Николы—Липунова и потомъ съ бавномъ, которая шла къ Булаку, гдѣ стояли бани, какъ имъ говорили выше. Церковь Николы—Липунова съ предѣломъ Зосима и Савватія, стояла рядомъ съ другою церковью Юсима и Даміана. При этой церкви въ XVIII вѣкѣ былъ Дѣвичій монастырь и въ немъ, кромѣ церкви Николы—Липунова, была церковь Папіи Пророка.⁽³⁾ Не бѣдали строители Новольской Церкви тотъ самый атаманъ Липуцъ Билаковъ, о которомъ говорится у Щербатова⁽⁴⁾, который въ 1557 г. былъ посланъ Иоанномъ IV на Волгу, на защиту Ногайскихъ улусовъ отъ воров-

⁽¹⁾ Акт. Истор. т. I, стр. 299-я.

⁽²⁾ Казанскія Губ. Вѣд. 1844 г. Историч. Очерки Казани. МЛМ 33—46-В.

⁽³⁾ Оп. Ист. Казани. Рязк., стр. 180.

⁽⁴⁾ Щерб. стр. 166.

скизь казаков, но вскорѣ этимъ посябленими бытъ издѣлячеси убитъ? Отвѣстить за него пришлося Давидѣ Хохлову, изъ Казани. Церковь Никола-Ланцова захѣла при себѣ въ XVI вѣкѣ, богадѣвлю, которая стояла на томъ самомъ мѣстѣ, на *горѣ*, гдѣ имѣе стоять Исаевскій монастырь. (*) Отъ этой богадѣвни шла внизъ улица, мѣлила по 8-ми двороу на обѣихъ сторонахъ. Между церквами Николи-Боровскаго и Николи-Ланцова была переулочекъ, отъ Николи-Боровскаго шла улица по направлению къ Булаку, къ банѣ, къ Куршевскимъ воротамъ. Баня, какъ мы знаемъ, стояла на Булакѣ, Куршевскіи ворота впадали въ Булаковъ въ острожной стѣнѣ. По краю Булака также тянулась улица и на этой улицѣ были двѣ бани и ливоварня. Одна изъ этихъ бань называлась верхняя и къ этой-то банѣ и шла банная улица. Ливоварни (три) стояли на улицѣ Булака. Другая банная улица шла ближе къ Кремлю, къ этой-то банной улицѣ шла улица съ горы отъ Песковой ул. (Исаев. ии. стр. 36 и 39). Проломная улица не шла такъ прямо, какъ шель. Вотъ по выданому ея направлению. Изъ вѣрностныхъ Никольскихъ воротъ шла дорога гороу, эта дорога перешлась другою, дорогою, пролегалшею внизъ также изъ Кремля чрезъ Преображенскіи ворота. Дорога къ Никольскимъ воротъ выходила въ улицу, которая шла около планерги Николи-Ланцовой церкви и поворачивая влево, изгибомъ доходила до Николи-Боровскаго, а потомъ шла къ Проломнымъ воротамъ. Эта кривая улица и была пѣшбиная Проломная. На Проломную улицу выходила отъ Булака Пушкарская улица, которая тянулась вверхъ, начавши отъ нижняго второго Булакского моста. Пушкарская улица давала вправо вѣтвь — Вологодскую улицу. Подъ горой у Преображенскихъ во-

(*) Объ Исаевскомъ монастырѣ въ Писцовой книгѣ не упоминается, хотя этотъ монастырь, по своей архитектурѣ, носитъ на себѣ слѣды древняго происхожденія. Три стѣны Исаевского монастыря принадлежатъ Москов. церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Пугачкахъ, отнесенную къ началу XVII столѣтія. См. Рус. Старину въ наметивахъ и проч. г. 3-4, изд. 3, стр. 257-я.

рогъ была еще улица на Булакѣ—Преображенская или низоваренная. За Булакомъ, переѣхавши мостъ, лежала улица, вѣтвиная на обѣихъ сторонахъ 40 дворовъ. Не доходя до моста, (если мы не ошибаемся) стояла Церковь Пророковъ Чудотворцевъ. Она была ружная: попу жаловалъ годовая руги 3 рубля, да хлѣба 6 четъ, и овса въ большую мѣру, муку соли, пономарю полтина и т. д. (Исц. кн., стр. 40-я).⁽¹⁾ Въ улицѣ, галушейся по правому берегу Булаку, около бани стоялъ 41-й дворъ. Между ними былъ дворъ Сынжакскаго Богородицкаго монастыря *архіепископскаго*. На рѣкѣ Кавказѣ отъ устья Булака противъ армянскихъ Воскресенскихъ воротъ стояло на одностороннѣ восемь дворовъ: они галушались отъ устья Булака къ мельницѣ, принадлежавшей Архіепископу. (стр. 40 и 47-я).

Передъ на Булакскій мостъ отъ Иушкарейской улицы, стояла слобода Архіепископская. «За Булакомъ, говоритъ Писцовая книга, въ острогѣ, переѣхавъ Булацкій мостъ противъ Пушкарскіе улицы слобода архіепископская.» (Стр. 47-я). Эта слобода гинувалась параллельно Булаку къ Успенской Церкви, у ограды которой стоялъ домъ Архіепископскаго боярина Заставскаго; въ ней было 47-мь дворовъ. «Да архіепископская же слобода подлѣ острога, позадя его слободы, улица, мѣста порожни отъ острожныхъ Курашевскихъ воротъ по бѣлскіи острожнымъ воротамъ даны ноль двори архіепископскихъ дворовныхъ людей, которые сведены съ большаго посаду и тѣхъ еще дворовъ не ставная» (стр. 47-я). Въ грамотѣ Проноваго, данной Свѣт. Урлю 1555 года, 13 Августа, говорится, что «архіепископу дана слобода за булакомъ на Курашевѣ, отъ острогу вверхъ по Булаку на сто дворовъ крестьянскихъ.»⁽²⁾ Ясно, что здѣсь разумется записанная писемъ въ 1566 году Архіепископская слобода: что касается до прѣдвѣсти земли къ этой слободѣ, покуда она для пере-

⁽¹⁾ Пострѣвѣтъ, упоминаеть объ этой церкви, но, по объясненію, не означаетъ, за Булакомъ или на правомъ его берегу она стояла. См. Омичъ Каз. Ист. Ручкова, стр. 181.

⁽²⁾ Азѣтъ Истор. т. I. № 162, стр. 299-я.

селения на новое место тех архиепископских людей, которые выстроили себе дома на Посаде, то это столько было, вероятно, вследствие нового царского указа, который нам неизвестен. Это распоряжение нельзя связывать с распоряжением об отводе земли под архиепископские огороды, о которых мы говорили выше (стр. 36). Сначала архиеп. владеть участком от острова под Татарским владением, *«в подорож»*, вверх по Булаку против *Курашинева*.⁽¹⁾ Но эти места заняты были по распоряжению местного начальства, подь посади и обнесены поворот острогом, а на место их даны были земля под огорода на Булаке, за старыми острогом. При этом необходимо сделать замечание, что текст грамоты и текст Писцовой книги, в которых говорится об одной и той же Архиепископской слободе подают повод к весьма интересному вопросу. По Писцовой книге 1566 года, слобода Архиепископская значится внутри города, вокруг нее существует острожная стена с двумя воротами, но по грамоте этого не видно: для слободы напротив назначено место *«на острову вверх по Булаку»*. Входила ли в тогда волна Забулачная часть г. Казани в черту крепостной или острожной ограды?

Останется на время описание расположения улиц в юго-восточной стороне Казани XVI века, попытаемся решить весьма важный во многих отношениях вопрос: шла ли татарская Казань 1552 года как крепость и как город за Булак? ⁽²⁾ Планы Казани 1552 года, Фомы Кавица и проф. Суворова проводят Казанскую татарскую крепостную ограду далеко к западу так, что она захватывает Булак ⁽³⁾ во время его среднем течении. Но Устрялов, поживши план Казани 1552 г.

⁽¹⁾ Там же, стр. 299-и.

⁽²⁾ Мы здесь разумеем город в двух его значениях: а) в смысле укреплённого места и б) в смысле населённой территории.

⁽³⁾ Мы говорили уже о плане Фомы Кавица. Что же касается до плана профессора Гр. Ст. Суворова, то он приложен к № XXIX, VI ч. Военно-Истор. журн. С.-Петербурга 1828 г. стр. 74—86.

составленный, Фоль-Кайдемъ при своемъ изданіи «Сказаній Курбскаго», измѣнилъ его, проведя замѣтную стору татарской вѣрности исключительно по правому берегу Булака. Съ этимъ согласокъ и г. Лаптевъ. Сколько помнитъ, г. Ласковскій въ своемъ замѣчательномъ и обширномъ трудѣ «Опись Исторіи нижнегородо истрева въ Россіи» (изд. 1838 г.) придерживается этого же взгляда. (*) На чьей сторонѣ правъ?

Я думаю, что едвали можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что татарская Казань имѣла поселеніи или слободы за Булакомъ. Ужо одно то, что Царственина книга ставитъ Царскій татарскій на Царевомъ вѣту, близъ *Отучевой мечети*, т. е. мечети, которая съ своей стороны предполагаетъ вокругъ нея приходъ или поселеніе, не оставляетъ сомнѣніи въ существованіи до 1552 года вокругъ Казани форштадтовъ или предѣлѣвъ за Булакомъ. Отучева мечеть, вѣроятно, обязана была постройкой одному изъ сторонниковъ Шигаева, Чепкуну Мурзѣ Оту-

(*) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этого сочиненія, которое вышло изъ продажъ. Въ этомъ случаѣ мы искали на себѣ тоже, что доводится испытывать каждому, кто предпринимаетъ какою-либо трудъ по исторіи, живя въ провинціи и не имѣя подъ рукою богатыхъ столичныхъ книгохранилищъ. Не важно ли было бы также для пониманія древней Казани видѣть рисунки Царствениной книги? Но подробное знакомство съ рисунками Царствениной книги возможно только для жителей Москвы, въ Патриаршей Ризницѣ которой хранится это рукопись. Въ послѣднее время Г. Прохоровъ началъ издавать нѣсколько рисунковъ изъ Царствениной книги, но эти рисунки, вѣроятно, имѣли съ специальною цѣлью научить древнія образцы, оружія и т. п. не могли представить никакой пользы нашему изданію. Покойникъ Яковлевъ въ рисункѣ изъ Описанія вѣнскихъ старинныхъ вещей помѣстилъ изъ Царствениной книги рисунокъ штурма Казани 1552 г. Намъ по-казались рисунки этого воина неграмотными, ясно видно, что онъ составленъ не орудіемъ осады Казани, а просто иконописнымъ мастеромъ, привыкшимъ къ греческимъ образцамъ иконныхъ аксессуаровъ.

чеву, о котором говорить. Царственная книга (стр. 122-я и 203-я). Писцовая книга указывает эту местность около Курашневских ворот. (Исп. кн. стран. 50-я). Кроме того свою мысль о заселении Забудань предместиями в XVI веке, мы основываем на наблюдении, что вообще татары любили и досель любят окружать свои укрепленные города рвами предместий. Это показали нам опыты недавних наших войн с среднеазиатскими народами. Когда нашим войскам приходилось брать крепости в Туркестане, Бухаре, Хиве и Коканде, то прежде чем добраться до города или крепости, им приходилось занимать обширные предместья. Эти предместья могли бы служить прекрасными передовыми укреплениями и будь подотрядные узбеки, начальники этих крепостей, нашим войскам трудно было бы осадить или штурмовать такие крепости, по среднеазиатки очень слабо их защищали или вовсе бросали. К этому нужно присовокупить, что татары и до сих пор любят проводить лето вне города в предместьях или просто на полях: у них еще не установилась привычка коменной жизни. В Писцовой книге есть любопытная и характеристическая заметка (стр. 53-я). Мы позволим себе вписать это место Писцовой книги. «Да за Булаком на Кабань-озере слобода татарская, а в слободѣ прикащики дѣти боярские, Казанские жилили Артемей Старойко—ногого 4 двора, да дворъ пугъ, что был прикащиковъ же Григорья Феодилова, 150-ть дворцовъ татарскихъ и чувашскихъ, а вѣтомъ много стоятъ дворы порожни, а сказали прикащики Артемей Старойко съ товарищами, да татарина Галикина съ товарищи, что *въ тѣхъ татарскихъ дворахъ татарское и чуваша придежатъ жить можно или въ заворонно (во время бурного времени) и тогда-же кто живетъ въ околовъ дворѣ семей по 10-ти, а въ иномъ дворѣ и больше 10-ти семей.*» Въ XV и XVI столѣтияхъ въ лѣтнее время ежегодно Царевъ дугъ, т. е. мѣстность отъ Казани до Болги и Арское поле покрывалась шагриню: сюда выѣзжали изъ Казани жить на вольномъ воздухѣ и веселился самъ Царь Казанскій, его вельможи и подданные. Сообразно съ этимъ нужно предположить существованіе поселеній за Булакомъ, наполненныхъ събытными лавками, харчевнями и кабаками, ра-

зывается, похъ болѣе приличнымъ именемъ, чтобы оно не рѣзало слишкомъ строго-благочестивое магометанское ухо.⁽¹⁾ Осенью по рѣдко, когда татары такимъ образомъ прохаживались, русскіе падали имъ, какъ снѣгъ на голову, и ихъ жестоко побивали. При этомъ не обходилось безъ курьезовъ.

Въ 1508 году, когда Казанскій Царь съ татарами, выхаживши изъ Казани, наставили штурвъ около города и, по выраженію Газагова, «себъ мужи и жены съ дѣтми гуляли вмѣстѣ съ Царемъ, похуная за девяти въ корчменцахъ ямчу и прохаживались» внезапно войска русскія, какъ съ небеси, спали на Казанцевъ и изъ нихъ многихъ побил, а другихъ взяли въ полонъ, остальные же татары убивали кто въ городѣ, а кто въ дѣсь.⁽²⁾ Отъ множества бѣжавшихъ въ Казани сдѣлалась великая тѣснота (на соборѣ или на гуляніи были остретные штепи) и особымъ русскій престолъ въ надвѣжающемъ народѣ хотя-бы три дня похъ городомъ, то татарамъ ничего бы не оставалось, какъ только сдать Казань русскимъ. Сначала русскіе и ихъ воеводы действительно удерживались отъ вѣстости, хотя они и захватили у татаръ много и съѣстного, и хмѣльнаго, но испускъ былъ слишкомъ тяжелъ, они его не выдержали и какъ выражается свое прискорбіе Газатовъ, «Охъ уны по соблаву дѣловосскому, нахвинулись на вылову, ливались ео и силы, какъ мергине, до похуная.» Въ сѣдствіе такого неселаго времепрожденія счастье оборотилось къ нимъ спиною. Среди благо дня татары вышавъ изъ вѣрности и напали на русскія войска и «по-

⁽¹⁾ Русскіе впрочемъ не церемонились называть вещь ея именемъ. Въ Царствѣ книгѣ есть замѣтка (стр. 117): «Воеводи Великаго князя, князи Семець съ товарищи, пришесть къ городу Казани, людей Казанскихъ многихъ побил и кабами Царемъ похвали.»

⁽²⁾ Ист. о Каз. Царѣ, стр. 49. Похъ именемъ ямчу разумется какой-либо хмѣльной напитокомъ, напр. брагъ съ хмѣлемъ или даже дурманомъ; можетъ быть, кумышпа или кумысъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Ибтъ-Фондана говоритъ о существованіи хмѣльнаго напитка въ родѣ пива, между народами, населявшими тогдашнюю Россію.

Назвать множество названий колодезь, воскацать
Галахов, Арское поле и Царев луга отъ вранъ рус-
ской побороган, а Волга, Булак, Казанка и Кабанъ
наполнились трунами.⁽¹⁾ Это было уже въ то время,
когда Казань непрестанно тревожили русские. Можно себѣ
представить, что было тогда, когда Казань стояла гроз-
ною крѣпостью и скопичеаь безстрашныхъ защитниковъ,
разбойниковъ, когда все трепетало Казанцевъ въ негра-
вичныхъ областяхъ русскихъ, когда тысячи пѣшихъ рус-
скихъ приводились почти ежедневно на Казанскій не-
вольничій рынокъ такъ, что Казань для Россіи была то-
же Каюк? Разувайтесь, тогда посады или предместья
распространались широко около Казани. Но въ XVI в.
времена перемѣнились. Изъ разрозненныхъ уѣздныхъ
княжествъ мало по малу сплотився сильное Московское
Государство, русские воеводы узнали дорогу въ Казань, а
наши войска представляли такую огромную и грозную
массу, которой подъ силу было бороться и не съ одной та-
тарской ордой. И вотъ со стороны Казанцевъ начинается
рискъ и бѣда изъ укрѣпленій Казани: чья великая опас-
ность, они изъ всѣхъ силъ стараются прикоснуться го-
родъ къ долговременной защитѣ. Въ 1530 году царь
Казанскій Сафа-гирей, прослышавъ о походахъ Русскихъ
на Казань «послалъ во всѣ уѣзды Казанскіе по Казани и
по Муранъ, велѣлъ имъ въ Казань собираться и *люди Бу-
лака съести*, и согна въ Казань близкую Черемису и по-
велѣлъ имъ дѣлать острогъ около посаду и по Арскому
полю, и отъ Булака, и до Казанскъ рѣки и по острогу
рыи конати, да въ немъ сидѣть Черемиса съ прибывшии
людьми, яко да граду помощь будетъ.»⁽²⁾ Изъ этого из-
вѣстія мы можемъ вывести заключеніе, что Казань въ
это время приняла часть своихъ предѣловъ, именно—За-
булакъ, концы котораго было сдѣлано передовое укрѣп-
леніе, чтобы дать мѣсто прибывшимъ на помощь Ка-
зани князьямъ и мурзамъ съ своими отрядами и Черем-
исѣ. Эти мало обстрѣляющія войска Казанцы распола-
жили въ передовыхъ Забулачскихъ укрѣпленіяхъ, потеря

(1) Тамъ-же, стр. 59—51-я.

(2) Тамъ-же, стр. 67-я.

вторых для осажденных не была особенно важна, но могла вызвать осаду, что было особенно важно для татар, — русские всегда недолго оставались под Казанью. Причиной этого была состав наших войск, состоявших из восточных, на время войны, и случайных донских осадных средств, трудность содержания в течение долгого времени массы войск. В нашем предположении о передовом укреплении за Булаком еще более убеждать нас два эпизода, рассказанные Гизатовичем: эти эпизоды так правдоподобны, что ими нельзя пренебречь. При осаде Казани в 1530 году десять человек молодых людей из русского лагеря ночью пробрались полем к ствнам Казанского острога и зажгли их: в город и в предместья сделался страшный пожар, потому что осада велась неправильно, русские лишь держали город в блокаде, отбивая татарские вылазки, что давало возможность татарам на ночь выжигать из Казани ее станы. Пользуясь суматохой, русские войска дошли из Казани, взяли острог и полгли лесом. Это было июля 16-го, 1530 года. Что в это время было около Забугачья острога, доказывается следующим. Один татарский батыр, по прозвищу *Аталак* (*), отличился необыкновенною физическою силою и смелостью: он много делал вреда русским во время вылазок. Когда русские ночью напали на передовое укрепление, он спал пьяный на своем дворе, в анатре. При тревоге и пожаре Аталак вскочил и, не отходя в суматохе панциря, шлема и мечи, из одной рубашки выставлял из острога корота вместо того, чтобы прямо свалить ее тором; и повесил его из острога в Булаковом и, как крилатый, перескочил рину, при чем Аталак ухватил сь ноги и плоть был в лапках русских (**). Соображая все

(*) Название «Аталак» есть имя нарицательное. Оно употреблялось во многих странах Азии, а равно и в Крыму. Слово *Аталак* имеет два значения: во 1-х, оно означает «дядьку детей Государевых»; во 2-х, звание вельможи Государственного чиновника (как это и до сих пор ведется в Бухаре).

(**) Ист. о Каз. Царств., стр. 70, примеч. 96-е.

обстоятельства похода, мы приходим к тому заключению, что Атамань по время тревоги выходила за Булакомъ въ передовое укрѣпленіе, откуда и дѣлалъ съ своимъ отрядомъ вылазки въ русскій лагерь, который находился недалеко отъ Волги.⁽¹⁾ Когда русскіе подошли острогъ Атамань думала чрезъ внутреннюю мостъ изъ Булакъ досаждать до 2-й оградъ за Булакомъ, она вполнѣ на лошади, которая понесла ея въ поле: но она повернула коня къ Булаку, надѣясь добраться до Арскихъ воротъ, и вотъ при переправѣ чрезъ Булакъ она спала съ коня и попала въ лапы къ русскимъ. Такимъ образомъ этотъ эпизодъ изъ осады Казани въ 1530 году доказываетъ наше предположеніе о существованіи за Булакомъ особой стѣны и писатель Казанской Исторіи своимъ рассказомъ подтверждаетъ истинность о поставленіи стѣны около посада, подъ которымъ она, очевидно разумѣетъ предмѣстье, ивчѣмъ дотогѣ неогражденное и столѣнее за Булакомъ, по лѣвому берегу этой рѣчки.⁽²⁾ Мы вовсе не желаемъ сильно докучать писателю Казан. Исторіи, но рассказываемые имъ два эпизода изъ Казанской осады 1530 г.: зажженіе русскими охотниками деревянной татарской крѣпости и взятіе въ плѣнъ Атамань, такъ правдоподобны, такъ часто аналогически повторяются въ войскахъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до недавняго взятія Гунуба нашими войсками и только-что сообщеннаго телеграммами молодецкаго полка нашихъ охотниковъ, забравшихся подъ Карсокъ на турецкое укрѣпленіе и заславшихъ непри-

(1) Летописи наши не упоминаютъ, что наши войска заняли позицію на Арскомъ пѣкѣ. Ныловская Летопись (т. III, стр. 381—382), Боскренская (Пом. Собр. Рус. Лѣт. т. VIII, стр. 273-а), Лѣт. Нормантскаго (Времен. 1850 г. V, стр. 24) одинаково говорятъ, что татары бились съ русскими нѣсколько верстъ вверхъ по Волгѣ, и бѣли прогнаны ими, затѣмъ русскіе переселись на Волгу, встали *передъ Казанью*, взяли у татаръ острогъ и начали стрѣлять по городу Казани: послѣ бомбардировки татары запросили мира.

(2) Ист. о Каз. Цар., стр. 66, пр. 66-е.

тельские орудия. Нельзя отрицать, что у писателя Казанской Истории часто события перемешаны на хронологическом порядке, но что касается до отдельных рассказов, то эти рассказы так естественны, что ими можно верить. Например, рассказ о поголовном пленении русских под Казанью и побеге их татарами, только что переведенный нами, так повествует, так полно правды, что нельзя ему и не верить. Как сравнить его с рассказами наших официальных летописей, например, с замечтой Царственной дачи, что русские на эту осаду много забавы у Царя Казанского побрали и только? Арцыбашевы,⁽¹⁾ помятая в своей Истории рассказ об Атамане,⁽²⁾ указывает на то, что писатель Казанской Истории был везь вь дѣлѣ Казанскомъ чрезъ два года послѣ этого события, следовательно могъ писать обь обстоятельныхъ осады по свидѣннъ рассказамъ.

Други язви летописи подтверждаютъ наше соображеніе о существованнъ вь Булгарѣ укрѣпленнъ вь 1530-мъ году. Въ Воскресенской летописи мы читаемъ⁽³⁾: «Будило мною кнѣзь великаго воеводи (1530 г.) царя нхъ (Казанцевъ) побилъ, острогъ у нихъ по Булгару взяли и многохъ людемъ Казанскихъ побили и многохъ живыхъ пережалиа (перемололи), также и вь острогъ многохъ татаръ и женъ нхъ и дѣтей, и Черемиса безчисленно побилъ... а царь не возможе уече во градъ.» Этотъ рассказъ повторяютъ на различные лади и прочи летописи⁽⁴⁾ Некоторые летописцы говорятъ буквально также, что говорятъ и Воскресенская летописи (напр. Никоновская), други говорятъ, что русские взяли острогъ *большой* у Казанцевъ (Летопись Нормантскаго), третьи, что русские подступили подъ городъ и многохъ татаръ подъ городомъ побилъ. (Летопись Рус.) Очевидно, летописцы сѣмшаму новатию о городѣ обь острогѣ а о посадахъ. Изъ историче-

⁽¹⁾ Повѣсть о Россіи. 1838 г. т. II, стран. 112, примч. 717-е.

⁽²⁾ Полное Собр. рус. летоис., т. VIII, стр. 278.

⁽³⁾ См. Рус. Летоис. (Лавова) т. III, стр. 381 и 382; Никонов. VI, 216; Летоис. Нормантскаго. (Временникъ Т. V), стр. 24.

ских очерков Костомарова (*) видно, что в понятиях людей XVI века еще не установилось ясное и определенное понятие об этих названиях. Слово *город* употреблялось, то в смысле укрепления, то в смысле господствующего места в известном крае, *посады* назывались поселки вокруг укрепленного места, которое в свою очередь делилось на две части: на острог и *посаду*. Это было чисто-славянское понятие о поселениях и теперь в городах народов славянских под турецким именем также триности: *градъ* *варош* (острог) и *маломе* (посада). По Писцу, впрочем, мы видим уже определенное разделение Казани на город или кремль и посаду, обнесенный острогом. Наши летописцы 1530 года, описывая осаду Казани в этом году, сближают название, называли часто татарской крепости свои понятия об устройстве городов. Мы знаем, что в Казанской крепости не было кремля, а быть может быть, обнесенный оградой, но непригодный к защите *Норев* или ханский *швер*; но его никак нельзя было назвать крепостью или городом в смысле Писца, книги. (2) Понятие этих объяснений становится ясно, что под острогом подл Бузак нужно разуметь укрепленное Забугачье. Вообще у нас *кажется* *привыкло* славянское многозначное оборонительное имя Бузак в древней татарской крепости. По Писцовой книге мы видим, что Бузак был непроходим лишь при своем устье (Гнилой Бузак); на всем же остальном протяжении он представлял больших препятствий из

(*) Очерк ж. и прав. Велик. нар. в XVI и XVII стол., стр. 7—9.

(2) Курб. I, 21. Точно также в Царств. книга, упомянутая на стр. 201, что в Марте 1552 г. повсюду наши, отступая от Казани, «посаду не жгли» и на стр. 299 при описании плана штурма 2-го Октября 1552 г. замечает, что Князь Владимир Андреевичу приказано стать против Царских ворот на *посаду* от *кладбищ*, очевидно, разумеет предместья или слободы под Казанью, истребленные заранее татарами, а не посаду в смысле Писца, книги.

переходу. Едва-ли Булакъ не былъ приспособленъ къ переходу вбродъ татарами. Старожилы рассказываютъ, что при опустошеніи Булака въ началѣ шестнадцатого столѣтія открытъ былъ въ ложѣ его, подъ слоемъ тины, токсинъ дубовойholz очень старый.

Наконецъ если мы предположимъ, что острога за Булакомъ не существовала, что русскіе перешли Булакъ и взяли ту часть города Казани, которая находится между Воскресенскою ул. и Булакомъ, почему они не взяли весь городъ, когда заняли самую возвышенную часть его? Мы говоримъ, что влочь къ Казани былъ на Арскомъ полѣ, но это только потому, что съ этой стороны Казани легко было везти, она была доступна. Овъ Арскомъ полѣ не было бы и речи, если бы можно было занять всю западную часть Казани съ первого же раза. Весьма странно, что русскіе въ 1550 году, заняли почти половину города, сдержали несколько дней *по городу*, пока не принудили татаръ просить мира. Между тѣмъ вѣроятно будетъ ходъ осады, если мы предположимъ что русскіе, ввѣнши передовое укрѣпленіе за Булакомъ, встрѣтили военную отрядъ, которая шла по правому берегу Булака, и начали бомбардировать городъ чрезъ Булакъ.

Далѣе при описаніи похода русскіхъ въ 1550 г., подъ предводительствомъ Царя Юлія IV, встрѣчается намѣкъ на существованіе острога за Булакомъ. Царствонная книга (*), рассказывая объ осадѣ города Казани въ этомъ году, говоритъ, что Государь велѣлъ парадъ большому стѣну на устьѣ Булака противъ города, а другому противъ города у Печного Озера. Казанская стѣна, какъ мы знаемъ изъ Писцовой книги, въ XVI вѣкѣ шла отъ Тюменскихъ воротъ къ Булаку; следовательно на устьѣ Булака образовалось небольшое пространство такъ, что поставленная здѣсь артиллерія могла дѣйствовать во фронтъ передовому укрѣпленію и въ тоже время обстрѣливать городъ. Такимъ образомъ и въ этомъ выраженіи Царствонной книги заставляетъ насъ предполагать существованіе въ Казани въ 1550 году особаго передоваго укрѣпленія. Еслибы его не существовало, то артиллерійскія орудія

(* Царств. вв., стр. 157-д.

право могли-бы быть поставлены по Булаку вверх от устья его, какъ это было сделано въ 1552-мъ году. При осадѣ Казани въ 1552 года, мы видимъ, что передового укрѣпленія за Булакомъ уже не существуетъ. При самомъ началѣ осады Сторожевой Покль получаетъ приказаніе «ставити турн по Булаку вверхъ отъ Казани рѣкою, по леву вырженному спускъсестру Царственной книги. (1) «И рощи новоды (продолжаемъ выпускъ) противъ пачицы въ ночь и турн поставили *вдаль Богъ бже бою збо-ровою.*» Татари не думаютъ препятствовать дѣйствиельно осаждающимъ около западной стороны Казанской крепости,—дѣло вышло, теперь они не предвидятъ никакой опасности сообъ въ этой сторонѣ Казани. На самомъ дѣлѣ, когда за Булакомъ существовало передовое укрѣпленіе, тогда нѣмъ нужно было заботиться о защитѣ укрѣпленія. Съ этой стороны нападали русскіе на Казань и отсюда дѣлали татары вылазки на станъ осаждающихъ, здѣсь стояли ихъ лучшие предводители, а иногда и самъ царь,—теперь имъ ничего этого не видѣть. Отсюда всего естественнѣе сдѣлать заключеніе, что предъ послѣднемъ Казанскомъ осадомъ 1552 года татары, присла-кавъ всѣ ифры, чтобы защитить свое разбойничье гнѣздо, рѣшились уничтожить крепостную ограду около пред-вѣстия за Булакомъ. Это было сдѣлано въ видахъ сокра-щенія линии обороны, а съ другой стороны въ тѣхъ ви-дахъ, чтобы сдѣлать западную ограду Казани, еще менѣе доступною для иррегулярной атакѣ. Мы говорили, что къ Булаку горнѣе склоны Казанской возвышенности шли очень круто, особенно къ Северо-западу, въ дѣльнѣ весьма мало доступною линію крепостной стѣны въ этомъ мѣстѣ. **Кромѣ того** эту сторону занимала рѣчка Булакъ,—она зат-руднила подступы къ подошвѣ крепостныхъ стѣнъ. Въ то время, когда русскіе совершили бы переправу чрезъ Булакъ, ихъ можно было-бы успѣшно поражать со стѣнъ крепости. Сверхъ того гора была настолько возвышенна, что господствовала надъ обоими берегами Булака и за-трудняла всѣ попытки неприятеля укрѣпиться на лѣв-номъ берегу Булака. Понимая недоступность Казанской

(1) Царств. являга, стр. 269-л.

ствы отъ Булака, русскіе въ 1552 году тотчасъ измѣнили свою тактику. Они, какъ-будто, не обращаютъ вниманія на западную сторону крѣпости, между тѣмъ какъ осадная дѣятельность около Казани 1552 года кинута въ другія мѣстахъ западной части контрвалладіонной линіи. Во-первыхъ, при устьѣ Булака, куда въ первый же день осады перебрались казаки и засѣли здѣсь, *закончилось ее рѣю*, какъ гоноритъ Царственная книга, — они не давали татарамъ дѣлать вылазокъ изъ крѣпости и здѣсь, кромѣ того, каменное зданіе «Дамрову баню», которая въ предѣлѣхъ прудовъ, именно во время поддона подъ Муромскій тайникъ, послужила какъ малую службу. (1) Во-вторыхъ, осадная дѣятельность въ 1552 году происходитъ тайно отъ осаждающихъ на правомъ концѣ этой-же западной линіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ крѣпостная стѣна татарской Казани отступала отъ Булака, по мѣрѣ направленія Казанскаго горнаго возвышенія отъ запада къ югу и къ юго-востоку. Булакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь Николо-Вешняковская и Вознесенская, дѣлалъ изгибъ и кривою линіею доходилъ до Вѣбана. Эта излучина вѣннѣю своею стороною отклонялась въ Волгѣ и замѣтна даже въ настоящее время, не смотря на то, что берега Булака выровнены. Здѣсь осаждающіе начали вести длинный подкопъ подъ угловую башню между Аухакомъ и Гюменскимъ воротами. Угловая башня, вѣроятно, находилась тамъ, гдѣ крѣпостная стѣна дѣлала при своемъ поворотѣ отъ Булака исходный уголъ. Волгъ въ наши соображенія относительно того, простиралась ли татарская Казанская крѣпость за Булакъ. Необходимо различать два вопроса: 1) простиралась ли татарская Казань за Булакъ и 2) или ли татарская крѣпость за Булакъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Казань въ XVI столѣтіи до впадіи ее русскими простиралась за Булакъ, и постройка Забѣлчя охълана была попытка устроить крѣпостную оградку или передовое укрѣпленіе. Но эта попытка водвинутъ передовое укрѣпленіе за Булакомъ тотчасъ-же оказалась неосуществленною: въ 1530 году русскіе захватили скорѣе и удобнѣе всего именно это укрѣпленіе и

(1) Царств. кн., стр. 269 и 284-я.

направил его пушки и пингалы на город, обстреливали его с таким успехом, что татарам не оставалось ничего, как пробегти мимо. В 1552 году, в решительную минуту, когда Казани угрожала страшная опасность от русских, татары бросили совершенно мысль о переносе укреплений, — оно было уничтожено, равно и посады за Булаком и татары ограничили одною оборонительною линіею по правому берегу Булака. Власти Казани, русские епископы пришли и укрепили только небольшую часть Забулачья, казья же выдвинули из Царской грамоты к Архиеп. Гурію, а потом возстановили предѣлы укрѣпленія за Булакомъ съ тою самою выдѣ, казья они были у татаръ до 1552 года; вмѣстѣ съ этимъ острожная стѣна по правому берегу Булака была уничтожена и сдана съ острогомъ Забулачья. Назвать линію острожной стѣны въ тожданное время, когда стѣны строились деревянными, было очень легко: мы видимъ выше, что острожная стѣна въ юго-западѣ Казани была быстро расширена съ тою цѣлю, чтобы послужить здѣсь передовою линіею изъ другихъ городовъ. На первый разъ на лѣвомъ берегу Булака прежде всѣхъ были поселены ямщики. «За Булакомъ въ острогѣ, показано въ Писцовомъ книгѣ (стр. 41) слобода Ямская, а въ слободѣ Церковъ Успеніе Пресвѣтлѣи Богородицы, да въ предѣлѣхъ церковь Фроль и Лавръ; поставленъ и все церковное строеніе мирское. Дворы ямскихъ охотниковъ отъ Архиепископа слободы подѣль Иванова двора Дедочка. И всего въ Ямской слободѣ охотничьихъ 62 (двора) и съ тѣмъ, что дано шесто дворянъ поставити, а людей 63 человекъ и тѣмъ, ямскіе слободы охотники съ Казанскими посадскими людьми и въ ямскіе двѣла не гнать ни по чьей, а служить Государеву службу Ямскую, держатъ подводы изъ прогонныхъ по тому же въ верховскихъ городкахъ во всѣхъ ямскихъ слободахъ.» (т. е. казья это дѣлается въ верховскихъ старинныхъ русскихъ городкахъ) Учрежденіе ямочъ или ямскихъ слободъ въ Московской Русіи нельзя не считать однимъ изъ благотворныхъ административныхъ мѣръ. Подвигаясь на востокъ, русскіе вездѣ заводили почтовую конюшню, казья обеспечивали правильными сношеніями съ вновь присоединенными землями. (*) О Ямскомъ Правдѣ упомина-

(*) Опат. нов. о древн. рус. Успенскаго, Ч. II, стр. 606.

нашел уже в разрядных книгах за 1516 год. В начале XVII столетия мы видели уже правильно устроенную систему почтовой гонимы, в 1628 и 1629 при Борисе Исааковиче Прякина, знаменитом патриоте, Дмитрий Михайлович Пожарский был введен правила почтовой гонимы по дорожникам, при нем же сочинены уставы, которыми определено, сколько какой чины от Митрополита до Игумена, от Воина до Подьячего и от гостя до цѣловальника имѣлъ право брать лошадей.⁽¹⁾

⁽¹⁾ Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о расположеніи улицъ въ сѣверо-восточной части Казани. Отчасти мы уже говорили объ этомъ на стр. 58—61-й нашихъ Очерковъ, когда дѣло шло о Сурьянецкихъ слободахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ идутъ Воздвиженская и Покровская улицы, въ Казани XVI в. были улицы Большая Воздвиженская и Большая Арская; послѣдняя оканчивалась бѣльишней Почтовой конторой Арскими воротами. Отъ Арскихъ воротъ къ Спасскимъ и къ нынѣшней Воскресенской улицѣ тянулась ограда острожной стѣны улицы, преимущественно населенная стрельцами, отъ нея вправо шло нѣсколько переулковъ и между ними одинъ къ Приказному двору, Треховъ переулокъ и переулокъ къ Бѣлому Озеру. Отъ Бѣлаго Озера шли переулки къ Большой Арской улицѣ и къ Почтовому Озеру. Къ Почтовому Озеру шло также переулокъ отъ Воздвиженской Церкви. Отъ Арскихъ воротъ вѣтвь околу острога также шла улица. Отъ Воздвиженской церкви вверхъ къ Дементьевскимъ воротамъ по лѣвой сторонѣ Дмитровская улица. Арская улица переулкомъ тѣсно сообщалась съ Тульской улицей (которая имѣла до 60 дворовъ). Тульская улица шла къ Тульскимъ воротамъ; отъ Тульскихъ воротъ по направленію къ городу эта улица дѣлила отъ себя переулокъ къ Цѣльскимъ воротамъ и тѣло съ Цѣльскими шло въ переулокъ направо, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣ односторонка позади Казанскаго Богородицкаго монастыря. Здѣсь было нѣсколько малыхъ улицъ. Арская и Тульская улицы соединялись также нѣсколькими переулками.

(1) См. Древ. Рос. Вывѣсо., ч. XV, стр. 413-я.

Здесь домог и перечисление улиц и переулков в Писевой книге сделаны так обильно (стр. 44—46), что трудно в этой части Казани XVI века составить древний план местности. Дворы считаются назад и вперед по одной и той же улице; иногда паесть проходит по улице несколько раз, когда нужно перечислить стряпчие дворы, лежащие между соседними дворами. Переулкам большую часть не дается названий, а просто пишется переулком вправо, если паесть идет от начала улицы к ее концу, около ворот острога, но тот же переулком берет переулком влево, если паесть записывает число домов, идя назад по той же улице от острожных ворот. Нам кажется, что мы не ошибемся, если примем во внимание современный план этой части Казани, который по своему существу, весьма сходен с старинным ее планом. Главные и второстепенные улицы в Казани остались все те же, только эти улицы выровнялись, и некоторая доля старинных малых переулков вошла в дворы и сады прилежащих к ним домов. Большой плафон из этой местности произвел постройка в XVI веке Богородицкого монастыря, обнесенного обширною оградой, которая захватила внутри монастыря большую часть принадлежавших к Тульской улице переулков. Засыпанная улица образовалась, конечно, после уничтожения острога или доразной стѣны вокруг Казани при Артемии Петровиче Волынском, которой был губернатором Казани с Января января 1725 года по Декабрь 1730 года. (*) Слово она стоит на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться крѣпостной ровъ. Очень можетъ быть, что и въ XVII в. стояли около Казани, на мѣстѣ Засыпанной улицы, хижины жителей восточнаго предместья, заливнаго свѣдѣно разливомъ Казанки. Самое название Засыпанной улицы показываетъ, что она построена на засыпанномъ мѣстѣ, т. е. на мѣстѣ засыпаннаго рва. Мѣстность около Пятницкой церкви называлась *Глинными слободами*. (**)

(*) Отч. Зап. за 1860 годъ № 2, стр. 499 и 518 статья Шиткина: Биографія, А. П. Волынскаго.

(**) Опись Казан. Ист. Рязикова, стр. 172.

Мы выше видели (стр. 61), что в XVI вѣкъ была въ Казани сотня Бизара Гадкова. Бизарь Гадковъ, какъ значится въ Писц. книгѣ (стр. 78-а) близъ послать съ своимъ сотнею на житье въ Астрахань.

Наконецъ намъ нужно указать, гдѣ шла острожная стѣна около Казанскаго посада и гдѣ въ ней были ворота. При описаніи воротъ въ русской Казани XVI в. приписаны рѣшныя, каменныхъ воротъ, они соотвѣтствовали въ древней татарской крѣпости. Вотъ что написано въ Казанской Писцовой книгѣ 1566 года о деревянной стѣнѣ вокругъ Казани: «Въ Казани же около Казанскаго посада послѣ крѣпости отъ порога Казани выше Воскресенскихъ воротъ отъ низкаго Поганого озера горою и по Арскому полю, мимо Старого Городища и до Бузана до Большого, да по-за Большому Бузану до Гнѣзова Бузана ставленъ острогъ на ровномъ, на водахъ и по зарямъ (1) а гдѣ острогъ, безъ крѣпостей (2) и по равному мѣсту, въ тѣхъ мѣстѣхъ по-за острогу рвы невеликіе копанъ подлѣ острога, а у острога ворота съ башнями, а двѣ башни на острогѣ безъ воротъ, а въ башняхъ во мѣхъ на воротахъ и по острогу сторожа въ день и нощи, а на сторожахъ отъ воеводы дѣти боярскіе, да отъ стрельцкихъ головъ стрельцы и въ которомъ мѣстѣ у острога ворота острожные съ башнями и на острогѣ башни безъ воротъ и въ которой башнѣ сколько на сторожѣ людей и наряду и то все писано коротко» (стр. 42). Такимъ образомъ Писцов. кн. повѣствуетъ свидѣтельство современниковъ не только о предполагаемомъ направленіи Казанскихъ стѣнъ, но и о рѣвѣ, башняхъ вокругъ татарской крѣпости. Писатель о Каз. Цар. рассказываетъ, что Сибирей въ 1430 году, ожидая осады Казани русскими воеводами, вынулъ черемуку копать вокругъ города отъ Бузана до Казанки рвы, по за острогу рвы. (3) Также подтверждаетъ Курбскій, что тотъ рвы (Бузана) около города ровъ ко-

(1) Заря—аръ или ущелье. Церковь Андреевская на Зарямъ. Рус. Стар. въ печати, т. VI, 1860 г. стр. 3-я.
(2) Крѣпость—искусственный или природный мысъ или обрывъ, откосъ около подошвы стѣны.
(3) Ист. о Каз. цар., стр. 67, стр. 76-а.

нашъ. Яко глубокій, ажъ до сѣрка, реченнаго Потапаго, еще лежать похъ сѣмю Казаню.⁽¹⁾ Писовая книга объясняетъ, что рыи шли только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стѣна города шла не по горамъ, а по ровному мѣсту и рыи эти были небольшие: сѣдовъ, глубокой татарскій ровъ чрезъ 13-ть лѣтъ по влѣтѣ Казани почти уничтожился или обрушился, по крайней мѣрѣ этому рыи уже не придавали большого значенія. Чрезъ этотъ ровъ въ татарской Казани были мосты, о горѣиш которыхъ около Царевыхъ, Атамыновыхъ и Потапскихъ воротъ говорится въ Царственой книгѣ.⁽²⁾ Очевидно, эти мосты находились передъ воротами. На эти мосты при вызывахъ русскіе вѣстивали татары и были ихъ на самихъ мостахъ.⁽³⁾ Глубина татарскихъ рововъ доходила до 7-ми сажень, а ширина до трехъ сажень.⁽⁴⁾

Русская крѣпость или деревянный острогъ около Казанскаго посада шла по слѣдующему направлению. Начинаясь съ сѣвера вѣсново выше Воскресенскихъ воротъ, она шла въ юго-востокъ чрезъ Тезинскій оврагъ около Пятицкой церкви къ теплой церкви Казанскаго Богородицкаго монастыря и отсюда поворачивала на юго-востокъ къ Арскимъ воротамъ, т. е. къ мѣстности между Почташтоу и Повровскою Церковью, гдѣ нужно предполагать эти ворота: отъ Арскихъ воротъ стѣна шла къ Спасскимъ воротамъ, лежавшимъ около нынѣшняго Университета. Здѣсь крѣпость круто поворачивала внизъ къ Проломнымъ воротамъ, погды около Никола-Вешняковской Церкви переходила на Булакъ, гдѣ, обогнувъ Прображенскую, архипіепископскую и яскую слободы, окончивалась около Гнилаго Булака. Такимъ образомъ Казань имѣла два укрѣпленія: одно внутреннее или Кремль, который ограничивался одною Кремлевскою горою, другое внѣшнее или острогъ вокругъ посада. Это послѣднее укрѣпленіе, примыкая къ сѣверо-восточной сторонѣ Кремлевской стѣны, шло вокругъ всего посада, захватывая За-

(1) Курб. стр. 217.
(2) Царств. кн., стр. 296.
(3) Тамъ-же, стр. 272-я.
(4) Тамъ-же, стр. 292.

булачье и окончивалось около устья Булаа. Устье Булаа русские точно так-же, как и татары, не находили нужным укрепить, да едва-ли это и было нужно, за возможностью с одной стороны перейти Булаа в этом месте, а с другой стороны построить какое-либо укрепление в этом углу. Деревянные стены, которыми ограждена была часть Кремля и весь посад,—состояли из бревенчатых срубов, напосевных, землею и камнями. Стены эти составлялись из двух продольных стѣн—лицевой и внутренней, связанных между собою въ известныхъ мѣстахъ поперечными, называемыми стѣнками, которыя располагались на высотѣ стѣнъ въ шахматномъ порядкѣ; 40 аршинъ деревянной крѣпостной стѣни соответствовали 300 сажнямъ. Казанская татарская стѣна сдѣлана была изъ большихъ дубовыхъ деревьевъ, а внутри срубовъ насажены были камни, глы и хрицы (рѣчной песокъ).^(*) На вершинѣ этихъ стѣнъ у наружнаго края располагалась тонкая деревянная стѣнка, которая, подобно частоколу на земляныхъ валахъ, служила прикрытiемъ для оборонившихся, находившихся на вершинѣ стѣнъ и способствовала имъ съ большимъ удобствомъ поражать мечательнымъ оружіемъ атакующаго неприятеля. Стѣны, какъ мы видѣли, имѣли башни и ворота. Башни въ древнихъ деревянныхъ укрѣпленіяхъ состояли изъ четырехъ-угольныхъ деревянныхъ же срубовъ, возвышавшихся на нѣсколько аршинъ надъ стѣнами. Затѣмъ довольно узкія ворота продѣлывались въ нижней части башенъ, а сверху въ надворотной части башни устраивалась особая отажа съ узкими продолговатыми окнами для пущай. Башни накрывались довольно крутыми крышами на четыре ската. Не смотря на свою удобовоспламеняемость, деревянные стѣны въ XVI вѣкѣ представляли надежную ограду для осажденныхъ, потому что профиль стѣнъ былъ чрезвычайно крутъ и тоби изобрѣтаться на верхъ стѣны, необходимы были лѣстницы, а тоби приставить лѣстницы къ стѣнѣ, нужно было достигнуть ея подошвы, что чрезвычайно было трудно для осаждающихъ, если только обороняющіеся во время успѣли занять вер-

(*) Ист. о Каз. Цар., стр. 68 прил. 78-е; стр. 231-я.

нину стѣны и имѣя въ готовности всѣ средства обороны: каменья, расклеванный песокъ, горячую воду, кипящее масло, сѣру, смолу, которыми осипали и обливали осаждающихъ.

Перечисливъ по порядку Пасковой книги (стр. 49—52) ворота Казанской деревянной вѣнцовой оградѣ.

I. Вѣнцъ Воскресенскій (Муромскихъ) городомъ въ востокъ противъ Нижняго Никольскаго Озерка, близъ Церкви Николая Зарайскаго (Петинской церкви), стояли *перемычъ* отъ Кремля ворота: на воротахъ была башня съ караулкою, состоявшая изъ четырехъ стрельницъ съ ружьями, вода извѣстнаго бозрекаго Фина.

II. Рядомъ еще были ворота, такъ называемыя *на щель* или въ оврагѣ, *потайная къ р. Казанкѣ*: около воротъ башня на углу крѣпостной стѣны съ таврозъ числомъ караульныхъ.

III. *Тулескія* ворота противъ Старога Городища: на воротахъ башня и опять тоже число караульныхъ. Противъ Старога же Городища *у бѣла въ долину* была на островѣ караульная башня безъ воротъ. Она лежала на среднѣй между Арскими и Тулескими воротами и отстояла, по всей вѣроятности, на 280-ть шаговъ отъ Тулескихъ воротъ и на подобное же расстояние отъ Арскихъ^(*), иначе—на дальность полета стрѣлы. Въ башнѣ былъ бѣгъ или амбразуры для орудій, вѣроятно, обстрѣливаемыхъ полетомъ къ стѣнѣ. Сама башня, можетъ быть стояла на ископаемомъ углу острожной стѣны, и можетъ быть, защищала лежащую востокъ отъ стѣны. Вотъ и вся восточная линия Казанской русской стѣны. Попытаемся рѣшить, какимъ воротамъ татарской крѣпости соответствуютъ только-что названныя нами ворота. Истопники свѣданій указываютъ на существованіе въ татарской Ка-

^(*) Необходимо предполагать, что стѣна востокъ Казани не захватывала вѣстности нынѣшней Поповой горы и Косакиной улицы, иначе вышесказанное бы здѣсь очень длинная фасъ стѣны между воротами: пространство между воротами здѣсь не соответствовало бы обыкновенному пространству между другими воротами Казанской крѣпости.

запской крепости с этой стороны четырех воротъ: Кабацкихъ, Зобуцкихъ, Зобляныхъ и Мурашевскихъ. Мы уже знаемъ, гдѣ были Зобляныя и Мурашевы ворота, а именно—Зобляныя ворота были кремлевскія Демитриевскія ворота, а Мурашевы кремлевскія же Воскресенскія. Зобляныя ворота въ 1566 году не входили въ внѣшнюю крепостную оградку, а во внутреннюю, тогда какъ въ татарской крепости, которая не имѣла цитадели или кремля, они были во внѣшней крепостной оградѣ. Чтобы опредѣлить положеніе остальныхъ двухъ воротъ, мы должны обратиться въ исторію осады Казани въ 1552 году. Нигдѣ такъ ясно и точно не описано весь ходъ этой осады, какъ въ Царственной книгѣ: ея записи можно назвать современными *итальянскія журналы*, онѣ идутъ день за днемъ съ большою точностью и подробностью. По описанію Царств. книги мы видимъ, что 20 Августа Государь въ своемъ Совѣтѣ дѣлаетъ распоряженіе «стать Правой Ручѣ за Базанкомъ, да командъ многихъ, а Сторожевому Полку на усть Булаки, а Дѣлѣ Русѣ вѣше ево.» Въ томъ же мѣсяцѣ дано приказаніе приготовить въ полкахъ по турѣ на каждыя 10-ть человекъ и по брвену для тица на человекъ. (1) 23-го Августа двинулись мимо Казани на Арсланъ поле иныя отряды: впередъ Эргоузы, за ними Переловой и Большой Польки; отряды эти достигли Арсланго поля лишь послѣ упорнаго боя съ татарами. Польки, о которыхъ сказано

(1) Цар. кн., стр. 273. Туръ — бездонный цилиндръ, составленный изъ колець, оплетенныхъ хворостомъ; средней величины туръ имѣлъ 8 фут. высоты и 6 фут. въ диаметръ. Туры выкопаны изъ земли и употреблялись, какъ и шпѣль, для осадныхъ батарей въ особомъ хвѣстѣ между турями ставились еще малыя туры, собственно для прикрытія лафета. По несовершенству тогдашней артиллеріи туры эти доставляли значительное прикрытіе орудіямъ и артиллерійской прислугѣ. Похъ назывался яма для человеческого рукоятки тогда заборъ или прикрытіе изъ поставленныхъ перпендикулярно бревенъ; ими старались прикрыть рабочихъ и войска отъ прицѣльнаго дѣйствія неприятельскихъ снарядовъ.

было 20 Августа, пошли вѣжо и заняли свои мѣста по Булаку и за Казанкой. Въ теченіи всего слѣдующаго дня Сторожевой Полки и лѣвая Рука укрѣпилось по Булаку. 25-го Августа люди Эргоуля пошли за Казанку, съединившись горою съ Арскаго поля, и заняли мѣста съ восточной стороны города, примкнувъ правѣмъ флангомъ къ войскамъ Правой Руки, а лѣвѣмъ къ Передовому полку. Такимъ образомъ къ концу Августа съ сѣверо-восточной стороны Казани стояли: на устьѣ Булака Сторожевой Полки, подъ начальствомъ князей Вас. Сех. Серебрянаго и Сем. Вас. Шереметева, рядомъ по ту сторону Казани— Правая Рука, подъ начальствомъ князя Петра Мих. Щеняева и Андрея Мих. Курбскаго; по лѣвую сторону Правой Руки заняли позицію Эргоуль, подъ начальствомъ князей Юри Шемякина и Феодора Троеурова. 28-го Августа всѣ эти войска стали въ три, начиная отъ Передоваго Полка, т. е. отъ Арскаго поля, по всей линіи до Булака, Казанцы ихъ не беспокоили. Затѣмъ въ диспозиціи войскъ при штурмѣ 2 Октября 1552 года, помѣщенной на стр. 293—300 Царственной книги, съ полною определенностью указаны части войскъ, предназначенныя для штурмованія тѣхъ или другихъ воротъ, съ именами ихъ предводителей. Кабацкія ворота назначено было штурмовать Передовому Полку, подъ начальствомъ князя Ив. Ив. Прокопца. Збойновыя ворота долженъ былъ штурмовать Эргоуль князя Феодора Троеурова, а резервомъ служить ему часть войскъ Эргоуля, подъ начальствомъ князя Юри Шемякина. Зибунныя ворота штурмовала второй воевода Правой Руки, князь Андрей Михайл. Курбскій, авторъ описанія Казанской осады: резервная колонна этого отряда была подъ начальствомъ князя Петр. Мих. Щеняева. Здѣсь во время штурма произошла слѣдующая боевая сцена, по рассказу Курбскаго. (*) Его отряду приказано было штурмовать самую лѣвѣннѣю ворота отъ Казанки: отрядъ, вѣренный ему, былъ численностью до 12.000. Устроивъ отрядъ, Курбскій на расквѣтъ пошелъ къ Казанской вѣрности по направлению къ великой башнѣ, стоявшей около воротъ. Съ

(*) Курб., стр. 35, 40, 41-я.

начала штурм татары вовсе не показывали на вершин стѣнъ, къ которымъ шелъ Курскій; но когда войска Курскаго подошли къ стѣнѣ на довольно близкое расстояние, татары начали стрѣлять со стѣнъ изъ пушекъ и зинковъ и бросать тушь камешковъ. По достиженіи штурмовою колонною Курскаго подошвы татарскихъ стѣнъ, на нихъ полкали со стѣнъ ядра и осколками бревенъ. Однако русскіе успѣли сбить татаръ, стоявшихъ безъ прикрытія на стѣнахъ и на башнѣ, стрѣлами и ружейными выстрѣлами. Особенно помогала штурмовой колоннѣ Курскаго артиллерійскія батареи, стоявшихъ по Казашкѣ. Вообще же съ этой стороны штурмъ сначала не имѣлъ большого успѣха, русскіе должны были остановиться и отойти отъ стѣнъ, благодаря трусамъ, выбившимъ при началѣ штурма изъ строя, притворившимся мертвыми или возвратившимся къ лагерю. Наконецъ вождя колонны Курскаго, взобравшись на стѣну, сбили неприятеля и преслѣдовали татаръ, побѣдившихъ на гору къ Цареву двору. Между тѣмъ съ другихъ сторонъ приступъ къ Казанской крѣпости сопровождался сначала полнымъ успѣхомъ. Не прошло одного часа (!), какъ уже татары были отбиты отъ юго-западной стороны крѣпости и отступили къ Цареву двору. Затѣмъ не могли выдержать въ Царевомъ дворѣ наводни русскихъ войскъ, татары устремились изъ Царскаго двора въ тѣмъ воротамъ, которые занялъ отрядъ Курскаго. Здѣсь разыгрался послѣдній финалъ штурма. Татары взволи на башню, ведя съ собою царя Эдигера, и подали знакъ, что они хотятъ вступить въ переговоры. Все замолкло. «Когда у насъ былъ городъ» закричали татары, «и столица, гдѣ былъ Царскій престолъ, ни до смерти боролись за царя и свою землю. Ницѣ царя нашего выдася вамъ, ведите его къ своему царю. А оставте насъ выходить на широкое поле цѣлти съ нами послѣднюю чашу!» Потому они выдали Эдигера и съ нимъ Карача и двухъ Ималдашей. (?) Затѣмъ татары пошита-

(¹) Соф. Врем. II, стр. 419.

(²) *Ималдаши* означаютъ приближенныхъ или сверстниковъ лицъ Царственаго дома, молочныхъ братьевъ; а *Карачи*—близны главныхъ дворянскихъ родовъ въ Крыму.

лись пробраться къ Забутным воротам, но въ это время русский отряд Курбского былъ усмьт резервомъ, и не смотря на свои усилія, татары воили невозможность пробраться въ ворота.—они начали перелазить чрезъ стѣну, съ намѣреніемъ перебраться чрезъ Казанку и, пользуясь открытіемъ въ нашихъ шанцахъ или амбразурами въ осадныхъ батареяхъ, перебраться чрезъ нашу линію. Намъ удалось перейти Казанку нѣсколько ниже, гдѣ былъ бродъ. За Казанкою они вступили въ упорную битву съ русскими и болѣею частью погибли: остатокъ ихъ, перебравшись чрезъ болото, около слободы Пурвилъ, спасся въ лѣсъ. Судя по описанію Курбскаго, Забутныя ворота были тѣ самыя ворота, которыя показаны въ Писцовой книгѣ первыми отъ Кремля. Мѣстность воротъ сходится съ разсказами Курбскаго,—они стояли выше Мурзескихъ воротъ, но ниже вершины Кремлевской горы, гдѣ стоялъ Царскій дворъ, куда бѣжали татары послѣ того, какъ стѣна была взята русскими. Эти ворота находились противъ Икитицкой церкви и Нижняго Потокаго Озера, во всей вѣроятности, недалеко отъ того мѣста, гдѣ вѣтъ стоять угловая кремлевская каменная башня, у водонахъ мѣстности на Казанскѣ.

Что же касается до Кабанскихъ или Кабанскихъ воротъ, то эти ворота истребованы были 2-го Октября 1552 года Передовымъ Илюкомъ, который при осадѣ занялъ линію отъ Арского поля до самой рѣки Казанки. По Царственной книгѣ,⁽¹⁾ 29-го Августа войска наши ставили туры противъ города за Казанкой по берегу ея. Поставили туры, Правая Рука осталась сторожить ихъ, а Эргодъ сталъ на Арскомъ Поле противъ Татаръ, выжидая ихъ въ лѣсу и готовившихся къ нападенію. Съ Эргодомъ вѣстѣ стояли въ этотъ день на Арскомъ Поле, противъ неприятеля, часть Передового и большаго полковъ, замыкавшихъ юго-восточную осадную (контрараніонную) линію между гѣмъ, какъ часть этихъ двухъ полковъ ставила туры отъ Арского поля къ Казанскѣ, противъ Кабанскихъ и Зоблиныхъ воротъ. Татары насъ не безнововили: они не дѣлали нападеній ни въ Цесовъ на Арскомъ Поле

⁽¹⁾ Царств. кн., стр. 179-я.

ни на одномъ изъ концовъ той части нашей контрадационной лини, гдѣ ставились туры, т. е. не отъ Забугскихъ, не въ Красныхъ воротахъ, какъ завѣчаетъ Церковная книга. Такимъ образомъ Кабацкія ворота какъ разъ должны были стоять въ томъ мѣстѣ, гдѣ татарская крѣпость, отходя отъ Казани, поворачивала на югъ и шла прямо по обрѣзкамъ горы въ Арскіе ворота. Это и есть Тульскія ворота Писцовой книги, стоявшія, какъ мы выше сказали, около теплой церкви Казанскаго Богородицкаго монастыря, (которая, по преданію, и есть Никола-Тульская) значимъ съ Феодоровскому монастырю, около Тюрбаннаго лавка. Церковь Никола-Тульская та самая Церковь, при которой въ домѣ стрѣльца Даниила Онучина являлся въ послѣдствіи икона Казанскія Божіей Матери. Правда въ Писцовой книгѣ (стр. 46) упоминаются и Кабацкія ворота: «да направо съ большаго ризамъ, въ переулкѣ въ Кабацкіемъ воротахъ 7 дворовъ»; но это мѣсто такъ темно, что рѣшительно не возбуждаетъ въ умѣ читателя никакого представленія относительно описанной мѣстности. Очевидно, кѣмъ описывалась мѣстность около Никола-Тульскаго, подъ именемъ же Большой улицы разумется улица Большая Воздвиженская, но счетъ идеть взадъ и впередъ. Такимъ образомъ подъ именемъ Кабацкихъ воротъ разумеются тѣ же Тульскія ворота, переименованныя русскими изъ Кабацкихъ въ Тульскія, какъ Мурзевскія—въ Воскресенскія. Что особихъ Кабацкихъ воротъ не существовало въ Казанской острожной стѣнѣ, это доказываетъ подробная опись воротъ въ Писцовой книгѣ (стр. 49-51).

IV. «Ворота острожныя Арскія, отъ Арскаго поля, противъ татарскаго таможеннаго двора: это были таможенный дворъ для татаръ, которыхъ не впускали въ городъ. Ворота эти славенны въ исторіи осады Казани тѣмъ, что отъ этихъ воротъ шла главная атака крѣпости. Ворота лежали въ концѣ Погровской улицы, которая называлась еще въ прошломъ вѣкѣ Арскою, а церковь Погровская *Церковь Погрова Пресв. Богородицы на Арской галчѣ.* (1) На Арскихъ воротахъ въ XVI в., по Писц.

(1) Опытъ Каз. Исторіи, Ричкова, стр. 179 и 183-я.

книгъ, стояла команда стрѣльцовъ изъ 10 человекъ, подъ начальствомъ боярскаго сына, находилось 5-ть пищалей ватанныхъ, да 10-ть стрѣльцескихъ ружницъ. У воротъ была караулъ.

У Воротъ Спасскихъ, лежащихъ на концѣ нынешней Воскресенской улицы. Нельзя никакъ думать, чтобы рядомъ съ Воскресенской улицей шла Спасская улица. Въ описаніи той части города, гдѣ находится Воскресенская Церковь, недалеко отъ которой шла острожная стѣна и около этой стѣны жили стрѣльцы прибора Холмова, вовсе не упоминается въ Писцовой книгѣ о Спасской улицѣ (стр. 41 и 42). Можно только заключить, что эта улица соединилась съ Воскресенской на половинномъ разстояніи отъ Кремля до острожной стѣны, переулкомъ. Спасскія ворота должны быть тѣ *Перемы ворота*, о которыхъ много разъ упоминается въ Царственной книгѣ (1), у Курбскаго и въ другихъ лѣтописяхъ. Въ Царственной книгѣ эти ворота всегда сопоставляются рядомъ съ Атацкиными, Нотайскими и Арскими. Мы даже полагаемъ, что именно на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли Спасскія ворота, въ острожной стѣнѣ была сдѣлана вторая подкопъ. О подкопѣ этомъ ничего не говорится въ Царственной книгѣ, хотя въ диспозиціи штурма и есть на это намекъ: «А подкоповъ Государь велѣлъ приступить, како же есть. Бояръ *воровать подкопы изъ башни и въ проломъ пойти по времени, князь Государь приказалъ князю Мих. Иван. Воротышскому, да окольничю Алек. Данилов. Басманову.*» (2) А въ другой разъ, за Атацкиными воротами встѣли отъ князя Михаила же Казанчю Ивану, Фомѣ Петровичу и помогати изъ Царю Великому Князю своимъ полкомъ. (3) Въ каменъ, съестовни находилася восточнѣйшая часть Казанской цркви испи въ концу осады 1552 года. Здѣсь дѣйствовать умный и храбрый военода Мих. Иванович. Воротышскій. Главная атака на Казань ведется съ Арскаго поля: поэтому тутъ кипитъ живая дѣятельность русскихъ.

(1) Царств. кн., стр. 270, 294, и 296-я

(2) Подкопы въ XVI в. только обрушивали стѣну, а не дѣлали въ нее пролома

(3) Царств. книга, стр. 299-я.

идеть подвешива работа минером. Не армяны и татары, они направляють на Арское поле все усилия обороны. Когда 30 Сентября ирывают татарские тарасы на эту сторону рва у Черновых и Арских ворот и обрушивают стѣны, все татары устремляются сюда на защиту. Въ это время воеводы пользуются шанкой татаръ, подымають осажденую линию ближе къ городу, къ самому рву у Черновых, Арскихъ и Ахаланковыхъ воротъ. Остатки русскія воиска не выдерживаютъ и все внаслѣдъ бросаются на городъ: дѣлается страшная сѣча, громъ орудій, крики срывающихся, звукъ оружія, трескотня отъ ружейныхъ выстрѣловъ, огонь, дымъ—конецъ ужаснаго картина боя подъ Казанью 30 Августа, рисуемая намъ Царственовою книгою (на стр. 295). Русскіе воеводы зашиваютъ стѣны и городскія ворота отъ Арскаго поля. Самъ благородный князь Борогынскій думалъ, что время начать обійти приступъ къ Казани, но Іоаннъ IV остановилъ его: онъ очень хорошо понималъ, что еще не время поворотить къ Казани. Подъ нами, на которые такъ рассчитывалъ Царь, какъ на мѣстнае средство осады, и смутить татаръ и этимъ самымъ разъединить ихъ силы, были еще не готовы: татары общими силами очень легко могли отбить осаждающихъ, направить къ своимъ войскамъ на одинъ пунктъ, сблизить. И потому войска были, по приказанію Государя, отведены назадъ изъ города: они повиновались неохотно и все-таки часть стѣны, башня и укрѣпленія около Арскихъ воротъ остались въ нашихъ рукахъ. На стѣнахъ, городскихъ русскіе поставили пушки со стороны города, вокругъ внутренней стороны занатой стѣны и въ проломахъ, поставили туры съ землем. Татары также въ мѣстахъ стѣны, пробитыхъ пушечью, начали ставить срубы и насыпать изъ земли. Обѣ стороны стрѣляли одна въ другую на близкомъ разстояніи. Подвизжалъ шести-саженная башня, устроенная дѣломъ Виродовича изъ началъ Сентября, пѣту въ рѣдъ нашего стариннаго Гали-Городка, возвышенная на холмѣхъ къ Царскимъ воротамъ и возрѣшенная на жбѣхъ доугорскими и латинскими лицевыми, наносила поражение татарамъ внутри города. (Цар. кн. стр. 296) Намечать въ послѣдній моментъ Казанскій осадъ повелъ полковъ оско Арскихъ воротъ. Подкопъ этотъ должно искать недалеко

отъ Арскихъ вѣротахъ, въ мѣстности между Царскимъ и Кайбадскимъ вѣротами, гдѣ-нибудь на юго-восточной окраинѣ татарской ярности, въ той части казанской (контравалационной) линіи, которую командовалъ Воротынский. У насъ есть даже указаніе, гдѣ былъ этотъ подколъ. Въ Исторіи о Казанскомъ Царствѣ есть классическое мѣсто, которое повторяется буквально тѣми лѣтописцами, которые пользовались этимъ сочиненіемъ. Вотъ это мѣсто: «одна подполья подъ стѣну отъ Поганого озера, на углу подъ стрѣльницу, на десной сторонѣ Арскихъ вѣротахъ, гдѣже иныя Сласскія вѣрота зываются и храмъ у нихъ внутри города поставленъ съ мученикъ Кипріяна и Устияна»^(*). Какъ понимать это показаніе? Считать ли это мѣсто поврежденнымъ послѣдующею вставкою о храмѣ Кипріяна и Устияна или же нужно придавать ему такую силу достоверности? Сопоставивъ показанія Писковой книги, можно, кажется, придать этому мѣсту слѣду-

^(*) Ист. о Каз. Цар., стр. 211-а. Софійскій Временникъ. (Изд. 1824 г. ч. II, стр. 414), повторяетъ это мѣсто съ буквальной точностію; это мѣсто повторяется и въ отрывкѣ Русской лѣтописи по Воскресенскому Ново-терусальскому списку. (Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VI, стр. 310-а). Наковоскій лѣтописецъ (т. VII, изд. 1791 г., стр. 173) слѣдуетъ при описаніи приступа Царственной книгъ. лѣтописецъ Нормантскаго (Врем. т. V, стр. 69-а) вовсе не имѣетъ описанія приступа къ Казани, это мѣсто утрачено. Русскій лѣтописецъ (изд. Липова 1792 г., стр. 412, 413) слѣдуетъ повѣствованію Царств. книгъ. Воскресенская лѣтопись (Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VIII) озаглавлена 1544 годомъ. Русскій Временникъ (изд. 1790 и 1820 г.) озаглавлена 1540 г. Архангелогородская лѣтопись (изд. 1819 г.), содержитъ очень краткое извѣстіе о владѣи Казани «Въ лѣто 7061 на завтрке послѣ Попрова Царя и Великій Князь Инать Васильевичъ взялъ Казань подолонитъ, ходитъ подъ Казань съмъ.» Писковскія лѣтописи (Полное Собр. Рус. лѣт. т. III, IV, V) о владѣи Казани разсказываютъ также въ вѣсколькихъ, строкахъ. Типографскій лѣтописецъ (изд. 1792 года подъ заглавіемъ «Лѣтописецъ») доходитъ до 1534 года.

еще толкование. Писцовая книга упоминает о нескольких Поганых Озерах. При описании дворов Спасской улицы говорится: «надвон на переулк, а из него к *Поганому озеру* 5, да к *другому Поганому озеру* 3 двора» (стр. 37-а). В другом месте, при перечислении стрелецких дворов прибора головы стрельца Хохлава, говорится: «от остральных (Арских) ворот направо подвон острогу двора стрельца 4 двора, да на переулк от острогу направо по обе стороны 4 двора, да подвон боераконь^(*) два двора, да от боераконь 9 дворов у переулка, от Торжков двора переидеть к прибрежу двору, от прибрежа двора к переулк двора по обе стороны 7 дворов, от переулка Трехонь переулком, от боерала по обе стороны 13 дворов, да других переулком к *Вилежу озеру*, по обе стороны, 16 дв. да подвон к *Белому озеру*, переулком к *Поганому озеру* по обе стороны 5 дворов и г. до стр. 44 и 45. Далеко идет, очевидно, о местности около нынешнего Черного Озера, где на весьма близком расстоянии находились Белое и Поганое озера. В нем (стр. 10, 11.) мы сделали замечку о системе озер, лежащих на низменной части г. Казани. Вероятно, татарская крепостная стена на восточной окраине Казани между Арскими и Царскими или Спасскими воротами была внутренняя или входившая угол так, что Арски и их особенности Царские ворота выдавались из юговосточной линии городской стены. По самому простому соображению, они должны были стоять на той вершине, которую ограничивает линия Воскресенской улицы к югу, около Училищной Казанки. Вспомним, в последние времена была подвонна башня, устроенная Баротцовым: она стояла на краю возвышенного плато Воскресенской улицы, наполнила значительный вред неприятелю, стрельца через стену внутрь города. Вероятно, стена здесь была очень низка, так как естественный профиль укрпления был очень силен. В этом — то внутреннем углу, вероятно, и шель второй подвон, по направлению к возвышенной части Казани, занимаемой

(*) Под боераконь разумеется, вероятно, возвышенная местность, занятая ныне домами г. Юшкова.

ний Воеводскому утлюю. Если мы представим, что здесь шель подкопы под стѣны и под башню, то самое показаніе «Голосей» о мѣстѣ первого подкопа объясняется само-собою. Подкопы, при такомъ порядкѣ дѣла, дѣйствительно шель отъ Показанаго Озера и направо отъ Арсакхъ воротъ, потому что Верхнее Показное Озеро занимало вѣстность нынѣшняго Чернаго и большаго Бѣлаго озеръ, теперь засыпаннаго; подкопы шель къ Сиваскхъ или Царевымъ воротамъ, которыя, по показанію Писповой книги, были именно въ этой вѣстности, по правой сторонѣ Арсакхъ воротъ. Подкопы изъ русскаго лагера, стоявшаго на Кавказской равнинѣ, на западъ отъ Арсакхъ воротъ, представлялся дѣйствительно по правой сторонѣ Арсакхъ воротъ. У Сиваскхъ воротъ была, вѣроятно, первоначально поставлена и церковь Св. Спаса Червоногорскаго, черепаша, построенная покрѣпъ знамени Іоанна IV въ одинъ день. 2 Октябрю 1552 г. и вскорѣ потомъ при постройкѣ Крѣпости перенесенная на Сиваскхъ Крѣпостскія ворота. Здѣсь же могла быть и церковь Кс. пр. Іоанна и Успѣна, также въ покрѣпѣхъ перенесенная въ Кремль. Что именно здѣсь Іоанн IV стоялъ съ своимъ знаменемъ при взятіи Казани, въ этомъ, кажется, не можетъ быть и сомнѣній. Предъ началомъ приступа Государь сѣднлъ на турѣ въ своихъ ставкѣ, а ставъ Царя находился близъ Огузевы ханскыя мечети на Куршншѣ, т. е. около нынѣшней Сѣнной площади. При началѣ приступа, послѣ взрыва подкоповъ, Царь двигается съ своею свитой въ туру, переиде Булакъ по мосту, и идетъ къ своему полку, который именно стоялъ около Царскыхъ воротъ. (1) Въ Софійскомъ Временнѣхъ (2) и въ Русской лѣтописи по Воскресенскому списку (3) читаются: «Царь, переиде Булакъ, иде къ горѣ, и ста полкомъ...

(1) См. Цар. кн., стр. 304. Сравни 298 и 299 страницъ той же книги, гдѣ излагается планъ приступа, гдѣже Лѣтоп. Лѣтоп., стр. 419. Никои. Лѣтоп. т. VII, стр. 177-я.
(2) Соф. Врем., стр. 448.
(3) Полн. Собр. Лѣт. т. VI, стр. 312-я. Но въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о взятіи Казани лѣтописи начи-

И статьи против Арскихъ вѣрты, иныѣ же именуется Спасеніа, видѣно иныѣ стоять храмъ Господа Бога нашего Ісуса Христа Перукаговереннаго образа. Ибо послѣдъ здѣсь сѣбѣмъ Царскія вѣрты съ Арскими, а можетъ быть, эта ошибка сдѣлана позднѣйшими переписчиками. По Писцовоу иныѣ мы видимъ, что Арскія вѣрты иныѣ когда не перемѣнялись въ Спасеніа, а существовали особо по одну иль сторону. Курбскій разсказываетъ намъ наше ведоуиіе. Онъ разсказываетъ, что когда въ Казани, по иныѣ мародерствъ, сдѣлалось замѣшательство и татары начали гнѣбить иныѣ водствъ, то *журме военачальником Царемъ* посылка Царское знамя близъ вѣрты городскихъ, называемыхъ *Царскихъ, повинуясь*, а самого Царя вѣлей и вѣдѣлей, взявши коня его за узду, поставила около знамени. ⁽¹⁾ Что именно здѣсь стоялъ Юзпъ IV и, если вошелъ въ городъ, то на очень недалекомъ разстояніи, это доказывается, гдѣхъ обстоятельствомъ, что Царь иныѣ сѣгни для торжественнаго вступленія въ городъ вѣдѣль очистить дорогу совершенно съ противоположной стороны Казани именно по той причинѣ, что войти въ городъ съ Арскаго поля и двинуться въ Царскому двору было невозможно, по множеству лежащихъ въ городѣ гробы. ⁽²⁾ Стоя въ Царскихъ вѣртахъ, Юзпъ IV посылалъ своихъ приближенныхъ въ Валакъ, то на помощь войскамъ, то за вѣстями о ходѣ штурма, вѣдѣль иль изъ казанскій Царь и т. и. ⁽³⁾ Церковь Перукаговереннаго Спаса дѣйствительно находилась на окраинѣ города. Это свидѣтельство Царственаа книга. ⁽⁴⁾ Софійскій Временникъ ⁽⁵⁾ и Русская Лѣтопись по Воскресенскому списку ⁽⁶⁾

наотъ нерѣшительныѣ факты. Такъ онѣ говорятъ, что отсюда Царь хлѣблетъ распоряженіе о вѣрваніи подкоповъ между гѣмъ, какъ эти подкопы были вѣрваны во время слушанія Царемъ литургіи.

⁽¹⁾ Курб., стр. 39-я.

⁽²⁾ Цар. книга, стр. 311-я.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 303 и сл.

⁽⁴⁾ Цар. кн., стр. 310.

⁽⁵⁾ Соф. Врем., стр. 421-я.

⁽⁶⁾ Полн. Собр. рус. хѣт., томъ VI, стр. 314-я.

говорить, что Государь поставили Благовещенский Собор, другую храм поставил за городом у Арсенных ворот, Господь Бог Спаси нас от Неруковеренного Обрана». Лылова подтверждает это известие почти буквально.⁽¹⁾

VI. За воротами Спасскими на западе лежали ворота острожища *Новаяселя*; на них была башня с ко-мандою из 4-х стрельцов, с двумя пичалями затан-ными и четырьмя ружьями; а у самих ворот внутри крепости была поставлена сторожевая изба. Мы знаем из Писцовой книги, что эти ворота стояли на спуске с горы с Арскаго поля к Булаку. Отсюда, по всей ве-роятности, 18 Августа сдѣлано было нападение на пункт аррьергарта. О Ногинских воротах говорится в Цар-ственной книгѣ: во-первыхъ, 30 Сентября ⁽²⁾ около Но-гайскихъ воротъ горѣли восты; во-вторыхъ, при распре-дѣлении войскъ въ приступъ ⁽³⁾ по Ногинской дорогѣ, которая шла изъ этихъ воротъ, стоялъ сторожевой отрядъ боярина Юрия Оболенскаго, состоявшего подъ началь-ствомъ Бисца Владимира Андреевича, чтобы на наши войс-ка не сдѣлано было нападенія со стороны Арскаго гѣса. VII. На острогахъ же, на старомъ Татарскомъ кладбищѣ, говорится в Писцовой книгѣ, ворота малы на Зараѣ, но обѣ стороны врага къ Булаку, даны стрельцамъ для выдѣ; сторожей у башни на воротахъ ить, а замкають ихъ на ночь стрельцы.» (стр. 39). Не это ли были Юрма-ские ворота, о которыхъ два раза упоминается в Цар-ственной книгѣ, именно подъ 27 и 28 Августа? ⁽⁴⁾ Въ этотъ день Государь повелѣлъ Бокрину Михаилу Морозову ста-вить *большой пароль* по гулямъ: варадь приваляли и по-ставили по гулямъ, начали безпрестанно стрѣлять на него по городу *спичобитыми боеже и перелыми пушками огненными* ⁽⁵⁾; стрѣльба была такъ часта и мѣтка, что татарамъ не давали показываться на верху стѣвъ. Госу-

⁽¹⁾ Сявская Ист. Авд. Лылова, изд. Новш. 1787, стр. 126-я.

⁽²⁾ Царств. кн., стр. 296-я.

⁽³⁾ Тамъ-же, стр. 298-я.

⁽⁴⁾ Цар. кн., стр. 277-я.

⁽⁵⁾ См. выше, стр. 64 и 65-ю.

дари послать окольничего Морозова с приказанием усилить стрельбу тамъ, гдѣ ставили туры около стѣнъ отрядъ Воротыскаго. Въ это время татары сдѣлали внезапно вылазку изъ Крымскихъ воротъ на полякъ князя Ивана Мстиславскаго; произошла страшная сѣча и во время схватки русскіе взяли предводителя татарскаго отряда Карамынь-Улаха, который сначала было велѣлъ верухъ надъ заступными въ распахъ отрядомъ Мстиславскаго. Далѣе объ этихъ воротахъ упоминается, что 28 Августа при дальнѣйшемъ поставленіи туровъ по всей юго-восточной сторонѣ Казани изъ Крымскихъ воротъ вышло съ стороны татаръ сдѣлано не было на нашу осажденную линію. Предполагать съ этой стороны Крымскія ворота заставляетъ насъ то, что они могли лежать только со стороны юго-западнаго угла сѣрпостной стѣны Казани, но направленно къ Брнку. Что касается до Татарскаго кладбища, то объ немъ упоминается въ Царственомъ спискѣ при диспозиціи войскъ къ итурму. Князь Владимиръ Андреевичъ стоялъ во время итурма *оуть Татарскаго кладбища* на *посадѣ противъ Царскихъ воротъ* (*), а сюда сто по всей линіи отрядъ Царя Шигаева и боярина Ивана Федоровича Мстиславскаго.

VIII. Ворота острожниц *Проложиныя* лежали, какъ мы выше говорили, между Богоявленскою Церковью и Церковью Николаи-Вонякова (стр. 36 и 37). Карауль на этихъ воротахъ былъ обыкновенный, т. е. одинаковый по числу караульныхъ и по наряду съ тѣми, который былъ на Спасскихъ и Нотскихъ воротахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Проложскія ворота тождественны съ Атаманскими. Названіе Атаманскихъ эти ворота получили, можетъ быть, отъ того Атаманка, который воюя противъ этихъ воротъ за Бузкомъ, во время осады Казани въ 1530 году или же потомъ, что въхъ укрѣпляетъ и защищаетъ. Чацунъ князь, бывший Атаманомъ у Эдигера (†) и шибестынъ казёной пашъ въ Мартѣ 1552 года. Когда посланные отъ Государя повсоди хотѣли занять Казань, они затворили во-

(*) Тамъ-же, стр. 298-я.

(†) Тамъ-же, стр. 262-я.

рота Казани и захватили из плена русских боярских детей, которые вошли в Казань. ⁽¹⁾ из ядѣ гарнизона.

IX. Затѣмъ Казанская ограда переходила на Булакъ. «За Булакомъ у Архіепископа слобода, говоритъ Писецъ, книга, ворота *Кураниевскія*, къ *Ушачевой* цитадели, противъ Татарскія заострожна слобода» (стр. 30). Название Кураниевскія ворота эти почерпнул отъ истинности *Кураниева*, о которой говорится въ грамотѣ Грознаго архіепископа Гурію 1555 года, Августа 13-го. Здѣсь также важно для насъ указаніе Писцовой книги о вѣсть Отученой мечети. Этимъ местомъ определяется мѣсто Царскаго стана подъ Казанью. 18 Августа, когда Царь Іоаннъ IV прибылъ подъ Казань, онъ держалъ совѣтъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Шигаевымъ и съ воеводами, и на этомъ совѣтѣ рѣшено саломъ Царю съ его женою и князю Владиміру Андреевичу съ гадерекомъ на Царенюкъ дугу, близъ *Отучена мизити*, а Шигаеву за Булакомъ *подъ кладбищемъ*. ⁽²⁾

X. «Ворота острожища отъ *Яксинъ слободы*, на воротѣхъ башня *средняя Кураниевскія* и

XI. «Ворота противъ *Яксинъ слободы* близъ Галаго Булака, на воротѣхъ башня.» Этими означается описаніе островной Казанской стѣны и острожныхъ воротъ въ Писцовой книгѣ. По этому описанію можно заключить, что въ стѣнѣ вокругъ Забулачья было три башни и три воротъ. Первыя изъ нихъ находились около самаго Булака, при переходѣ городской стѣны чрезъ эту рѣчку, а третья около устья Булака. Такимъ образомъ описаніе деревянной крѣпостной стѣны по Писцовой книгѣ возможно сходно съ тѣмъ описаніемъ этой стѣны, которое оставилъ намъ сведеніемъ Пестриковъ, посланный въ Казань въ 1739 году извѣстивъ шанамъ писателемъ Василіемъ Таттиенемъ, изданнымъ составивъ Географію Россіи. ⁽³⁾ Вотъ это описаніе. «О деревянной крѣ-

⁽¹⁾ Тамъ-же, стр. 204-я.

⁽²⁾ Царств. кн. стр. 263-я.

⁽³⁾ Опытъ Каз. Ист. Рязикова, стран. 473, 474-я. Мы выписываемъ Пестрикова, по рукописи О. Евд. Алекс. Малова. См. Изв. по Каз. Епар. 1871 г. № 18.

ности, в которой году построена была и каменная, вывезти
и в. а в башню губернатора Болынского разрушена
до основанія. Она начала свое шествіе западную сторо-
ну отъ Никольскихъ воротъ, отъ рѣки Казанки и про-
должалася черезъ рѣку Булакъ и въ Мокрую слободу, а
оттуда къ Татарскому мосту, который лежитъ на Булакѣ
и шло на гору чрезъ Проломную слободу и въ Кузнец-
ному ряду *уваламъ*, потомъ къ Федоровскому монастырю,
а отъ Федоровскаго монастыря по *улицу рѣки* Казанки
внѣзъ прямо до каменной же крѣпости, въ церкви Вели-
кому Покровскому, маременила Пятицы, а въ Дмитріев-
скихъ воротахъ. Въ описаніи своихъ чертахъ это описа-
ніе почти сходно съ описаніемъ Писцовою книгъ, только
нельзя не замѣтить, что острожная стѣна сравнительно
съ описаніемъ Писцовою книгъ была расширена въ XVII
и XVIII вѣкахъ, именно въ мѣстностяхъ, названныхъ Бу-
лакомъ и со стороны Федоровскаго монастыря. Здѣсь крѣ-
пость, дѣлая поворотъ отъ Тульскихъ воротъ, лежалъ
у Николы Тульскаго, около шибитнаго Турени-
наго замка, захвативъ улицы Попову гору и Косатину.
Отъ конца Воскресенской улицы крѣпость, дѣйствительно,
дѣлала поворотъ къ Черному Озеру, здѣсь она шла къ
Кузнецкому ряду, который находился на Никольской
площади, недалеко отъ гостиницы Михайлова. Улицы
Старая Горшечная, Рабно-радская, Грузинская и Ядская,
заселились гораздо позже взятія Казани. Еще Пестрикову
на мѣстѣ Грузинской улицы видѣть Красную слободу,
а на мѣстѣ Георгіевской—Кирвичью слободу. (1)
Замѣтательно, что во время составления Писцовыхъ
книгъ посадъ Казанской дѣлился на собственно посадъ
и слободы. Это видно изъ счета церквей на Посадѣ,
стр. 43: «И всего на посадѣ въ острогѣ три церкви руж-
ныхъ, да вместо церквей да въ приделахъ она церкви
приходныхъ.» Въ Казани были въ это время слѣдующія
церкви: 1) Петропавловская, съ *теплого церковью Кольма*
и *Давиана*, 2) Николь-Боровскаго, 3) Николы-Гостиня,
4) Николы-Лазунова, съ *теплого церковью Кольма* и *Да-
виана*, 5) Церковь Ярославскихъ Чудотворцевъ, 6) Цер-

(1) Тамъ-же, стр. 178-я и 179-я.

коль Николы-Здравскаго, съ прядьломъ Параскеви-Патрицы, 7) Церковь Покрова Пресв. Богородица, 8) Воздвиженская и 9) Николо-Вешняковская. Эти церкви не-решительно въ Писцовой книгѣ. Но между ними нѣтъ церкви Воскресенской, Николы-Тульского и Успенской, о которыхъ только мимоходомъ упоминается въ Писцовой книгѣ; следовательно это были три церкви свободныя, которыя не входили въ опись посада. (1)

Окончимъ наши Очерки старой Казани общимъ обзоромъ хода осады Казани въ 1552 году, что собственно и было первоначальною причиною паденія этой княжеской столицы.

VII.

Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками.

У насъ настолько накопилось матеріала, что мы можемъ составить общее понятие о планѣ осады и штурма Казани въ 1552 году.

Взятіе Казани въ 1552 году, безъ сомнѣнія, есть одно изъ великихъ событій нашей отечественной исторіи. Казанская осада есть одна изъ послѣднихъ страницъ исторіи воювавшей Руси (1024—1552) нашей борьбы съ татарами. Взятьемъ Казани русскіе исполнили до конца свою великую историческую задачу — на своихъ плечахъ вынесли инашествіе на Европу варварскихъ племенъ Средней Азіи, — инашествіе благодарное, исполненное самопожертвованія, примѣровъ отваги и великихъ народныхъ бдѣствій. Первый нашъ публичистъ и участникъ Казанской осады и штурма, князь Курбскій замѣчаетъ: «на поможію Божию сопротивля състояхомъ воеводу повѣство Христіанское. И противъ какихъ сопостатовъ? Гого не-

(1) Изъ этого обстоятельства видно, что нельзя заключать о несуществованіи въ Казани такихъ зданий, о которыхъ вовсе не упоминано въ Писцовой книгѣ или упомянуто мимоходомъ. Писцовая книга составлялась въ видахъ финансоваго фиска прежде всего.

ликого и грозного народа, от которого ильгада и все-челна трепетала, и не только трепетала, но и оусто-нена была»⁽¹⁾. После падения Казани русский посолъ въ Крымъ имѣлъ право съ твердостью говорить хану: «Государь нашъ сидитъ на своемъ кофѣ и недругамъ своимъ недружбу истить...»⁽²⁾. Нашъ историографъ Карамзинъ считалъ паденіе Казани равносильнымъ Мамаеву побоищу.⁽³⁾ Чтобы оцѣнить важность того или другаго историческаго событія, мы найдемъ явнѣйшій критерій въ исторической ильгадѣ. О взятіи Казани дошли до насъ историческія дѣла между тѣмъ, какъ о Куликовской битвѣ до насъ не дошло этой народной памяти.⁽⁴⁾ Это понятно. Куликовская битва не освободила Русь отъ татаръ, и носыль все они находила дорогу на Русь. Казанское взятіе совершенно обезопасило наши восточныя границы. Съ паденіемъ Казани начинаеть свободно дышать вся страна по обѣимъ сторонамъ Волги или Поволжье, она перестаетъ быть для Казанцевъ неистощимымъ источникомъ добычи невольниковъ; земледѣлецъ Нижегородской земли можетъ спокойно обрабатывать свою землю, не боясь внезапнаго захвата въ рабство. Глазатовъ, самъ лично испытавшій татарскую неволю въ продолженіи 20-ти лѣтъна ильга въ Казани, такъ говоритъ о тогдашнихъ народныхъ бѣдствіяхъ: «какъ могу я описать пакости и бѣды Русскіихъ людей во времена тѣхъ Казанцевъ изъ земли нашей не выходили, а всегда, воевала и проливали кровь, какъ вуду. Христіанъ каждый день уведола въ ильгы Казанскіе са-

⁽¹⁾ Курбскій стр. 12. Одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ (Носкреневская лѣтопись), рассказывая о взятіи Казани, съ живымъ восторгомъ упоминаеть о томъ, что русскіе, при штурмѣ не только брали въ плѣнъ, но и обирали (обирали) татаръ. Понятенъ восторгъ лѣтописца о неожиданной переизмѣнѣ ролей: прежде татары одирали русскіихъ, теперь явилась возможность русскимъ одирать татаръ. Военная добыча всегда считалась немаловажною наградою воина.

⁽²⁾ Ист. Рос. Соловьена т. IV, стр. 285-я.

⁽³⁾ Ист. Рос. Рос. изд. 1844 г. т. VIII, га. 4, стр. 115.

⁽⁴⁾ Оч. Ист. Рус. Лит. Караулова 1865 г., стр. 32—23.

радины старому же и негодному выкалывали глаза, а ломоть отсбавлял руки и ноги в, какъ будущий камень, валилось тѣло на землѣ: младенцевъ зарывали отъ матерей, когда они имъ улыбались и руки подавали, они кровопийцы за горло ихъ давили и о жизни и стѣны разбивали для на поше надѣвали.»⁽¹⁾ Словоизъ—русской землѣ досталась въ XV и XVI вѣкахъ роль современной Болгаріи. Какъ способамъ совершать деяія караварства, и притомъ хладнокровно и бездѣльно, средне-азиатскіе народы, можно убедиться изъ живописныхъ рассказовъ Визмери⁽²⁾ и военныхъ очерковъ нашихъ Тапленцевъ. Вотъ почему поднять вѣнцы Казани нашими предками не только считался дѣломъ славнымъ, но и религіозной заслугой.—это былъ крестовый походъ земли Русской противъ исламизма. Таки представляло этотъ походъ духовенство XVI вѣка, съ Митрополитомъ Московскимъ въ главѣ⁽³⁾; такъ понимали его ратные люди и весь русский народъ. Курбскій свидѣлствуетъ, что трудности похода подѣ Казань и ея осады споспѣшили охотно и изъ не терпѣлись, «не опущаясь ни единыя нуды, ни дръгъ предъ другимъ порывались къ великимъ подвигамъ, наппае саахъ Господи намъ помогать.»⁽⁴⁾ Къ Казанскому походу Царь и вой-

(1) Ист. о Каз. Цар. гл. XXV, 87, 89. Наказы татаръ простиралась въ глубь Россіи на 300—400 и болѣе верстъ. Итгонсовъ рассказываетъ, что однажды на сирной недѣлѣ 6000 татаръ вышли на Балахну въ то время, когда у православныхъ христіанъ есть обычай умищаться, захватили полуныныхъ жителей и прямо отвези въ избу въ Казань: съ бѣдниковъ скопили хлѣбъ, но было уже поздно, не успѣли они одуматься, изъ ихъ пригнали въ Казань и распродали, какъ овецъ. (Ист. о Каз. Цар. гл. XXVI) При воцареніи Шигаея въ Казани освобождено было изъ Казанскаго плѣна 60.000 русскихъ, но это все-таки была небольшая часть плѣнниковъ. (Ист. Рос. Соловьева т. VI, 89—90).

(2) Путеш. по Средн. Аз. Визмери изд. 1865 г., стр. 72, 73.

(3) Царств. ян. стр. 211-я.

(4) Курб. стр. 16—17-я.

ска готовятся козливую и постомы. Юванъ IV ходитъ по монастыряхъ, шлетъ богатыя златостыно по церквамъ. (1) о побѣдѣ молятся по всей Русской землѣ, даже на отдаленномъ Соловецкомъ островѣ. (2) Религиозное возмущеніе не покидаетъ войска и во время осады. Небесная помощь видна во все время осады. Прѣдъ приступомъ всю ночь совершается служба въ походныхъ церквахъ, воины, исповѣдываясь и причащаясь, готовятся испить смертную чашу, безъ унынія иудѣ на смертный ширь. Съ покореніемъ Казани прекращается вредное вліяніе татаръ на объединеніе Руси. Это вредное вліяніе можно изравитъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Казань, заслоняя отъ Руси нѣжное течение Волги, лишала ее богатаго рынка для сбыта и обіѣда произведеній живоглазъ Восточной Европы, Западной и Средней Азии. 2) Казанцы, составивъ съ Ногаями и Крымцами одно племя, тяготѣли къ этимъ племенамъ, не смотря на свою значительную цивилизацію въ сравненіи съ ними. Казанцы не утратили своей воинственности и вмѣстѣ съ этими племенами дѣлали набѣги на русскія области: это были самые бесполойные сосѣди и угнетали развитію Руси и ея цивилизаціи. 3) Наконецъ значительная часть Казанскаго царства была заселена черемисами, мордвой, мещерой, чувашами, которые, по своей бѣдности, робости и ленивости, безусловно подчинились Казанскому царству, но эти племена можно было бы цивилизовать и обрусить, если бы русскіе приобрили преобладающее вліяніе въ Казанскомъ царствѣ.

Для покоренія Казани, Русскіе государи постарались исподволь образовать въ ней Московскую партію, которая тогда же начала борьбу съ Крымской партіей. Эта борьба была совершенно согласна съ Московскою политикою и дала Московскому Государству возможность непрерывно вмешиваться въ дѣла враждебной намъ Казани. Благодаря политической мудрости Московскихъ государей, эта политика послѣдовательно проводилась во

(1) Ист. о Каз. Цар. гл. XXVIII.

(2) Матер. для исторіи и геогр. Рос. Каз. губ. Лашева. 1861 г., прим. къ стр. 563-в.

все царствование Великого Князя Василия Ивановича, во время регентства Елены Глинской и во все отрочество Иоанна IV, послы сироты Великой Княгини.

Иоанн IV в 1547 году принял в свои руки управление государством, будучи 17-ти лет от роду. В этом же году, декабря 11-го ⁽¹⁾ он сдвинул первую попытку против Казани, но эта попытка не имела успеха, напротив наши неудачи даже ободрили Казань. Очевидно, что молодой царь, полной юношеской энергией, следуя традиционной политике предков, нетерпеливый по природе, возбужденный благочестивым религиозным чувством, слишком поторопился и начал поход, не располагая ни своими средствами, ни силой противника, ни естественных препятствий к покорению Казани. Второй поход Иоанна в 1548—50 году тоже не имел успеха, но был важнее в том отношении, что во время этого похода мы основали г. Свияжск, что имело для окончательного исхода нашей борьбы с Казанью важное значение. Во 1-х, оно подготовило успех предстоящего похода: если бы и на этот раз осада оказалась неудачной, мы могли на время отвести свою армию из Свияжску и, что особенно важно, могли поместить там на время свою осадную артиллерию и запасы; во 2-х, основание нового города на Свияжи, на Крутой горе ⁽²⁾, покорило нам всю Горную Черемсу; во 3-х, загнали Крымскую партию, представители которой тотчас же бежали из Казани, и под давлением Московской партии сами Казанцы начали просить у Московского государя себя на царство Шигаеви, служившего татарского царевича, которому Василий III дал в удел г. Касимов. Шигаеви, прибывши в Казань, освободил 60,000 русских пленников. Но Шигаеви не исполнил тех надежд, которые возлагали на него Иоанн IV и Московская партия в Казани. Он колебался между двумя партиями, не имея никакого силы характера, чтобы прикнуть искренно и решительно к одной из двух. Пленники он освободил далеко не всех, истля свои недоброжелательств с татарскими

⁽¹⁾ Царств. вл. стр. 146-я.

⁽²⁾ Так же стр. 158.

коврство и жестокость, на требование Московского правительства задержать, лучше и уничтожить в Казани военных залпачи они отказались, что они «смураманит и не погубит свой юрт.» Правление Шигаея в Казани послужило лишь к возбуждению между жителями Казани неослабимой ненависти к Москве. По крайне-упорной обороне Казани в 1552 году можно судить, что самая масса населения, которая обыкновенно в средне-азиатских государствах играет самую ничтожную политическую роль, симпатизировала Криму и партии тёмь-беге, что видно из действий жителей Казанского царства в разгромном автономическом «аз быт»,—она была Казанцев сильно по карману. Шигаея даже успела восстановить против себя и Московскую партию и довел ее до того, что она имела просить в правители в Казань русского боярина, лишь бы избавился от своего единокровного Царя. Москва воспользовалась просьбою и Иоанн IV приказал двинуться из Свияжска в Казань воеводо Миску-лискому, Шигаея пригнать из Казани в русский лагерь и привезти с собою аманатов, отряд боярских детей вошел в Казань, но русские воюючи имать неблагоприятные отступить в Казань татарских аманатов, которые приказались сочувствующими видам Московской партии,—возвратясь в Казань, они произвели в городе восстание, часть нашего гарнизона успела выйти из города, оставшаяся же часть была истреблена татарами, воеводы отступили в Свияжск. Удобный момент к началу Казани был опущен, по неблагоприятию воюючи, которые фактически уже владели Казанью, потому что жили там свой гарнизон, а это пошло дело к тому, что всякая борьба с Казанью должна была ринуться путем осады, которая выказала пред историей всю способность торко-татарского племени завладеть крепостью. Впрочем страсти легки были и без этого вспыхнуть, потому что напряжение обеих сторон было слишком велико: давневая и религиозная рознь, кровавая обиды, давнишние влады, сильное воспоминание о господстве с одной и обе упительных рабств с другой стороны, все это—было так сильно в XVI вѣкѣ, что должно было возбудить кровавую, упорную и решительную борьбу. Первым враждебным действием в кампании 1552 г.

со стороны татарь было нападение ихъ на Горную Черемису. Нападение было такъ внезапно и удачно, что Свияжскіе воюючи скоро увидѣли себя въ большой опасности. — Свияжскъ былъ очень далеко выдвинутъ впередъ изъ-за нашихъ предѣловъ и легко могъ быть взятъ Казанцами, а это могло отдалить рѣшеніе борьбы; но въ Москвѣ предвидѣли эту опасность и своевременно отправили на помощь Свияжску войска. Все это ускорило рѣшеніе Іоанна IV идти походомъ на Казань. Рѣшено было идти на Казань лѣтомъ, хотя всѣ предшествующіе Казанскіе походы совершались зимой потому, что это время года считалось болѣе удобнымъ для переходовъ по странѣ болотистой, пересѣченной рѣчками и озерами. Но два неудавшихся похода, благодаря внезапнымъ оттепелямъ, показали, что и зимній путь не надеженъ. Кромѣ того походы лѣтомъ представляли то преимущество, что Волга, текущая почти въ направленіи операционной линіи, представляла отличное средство для перевозки тяжестей.

Послѣ многихъ приготовленій начался послѣдній Казанскій походъ, завершившійся покореніемъ Казани. Маршъ на Казань имѣетъ характеръ флангового марша, такъ какъ съ юга и юго-востока ожидали нападенія на русскія области Кривичевъ и Нюгаевъ. Впрочемъ скоро получено было извѣстіе, что Кривичи поворотили назадъ.⁽¹⁾ Движеніе русскихъ войскъ къ Свияжску было предваряемо 3-ми колоннами. Лѣвая колонна, самая удаленная отъ опасности, была отправлена Волгой, — она состояла изъ части войскъ, при которой слѣдовали подъ Казань орудія и артиллерійскіе и запасные припасы. Одна колонна, подъ начальствомъ Государя и Князя Владиміра

⁽¹⁾ Похвала объ отъѣзѣ въ Царствъ-путь, на стр. 298-й весьма характерна. «И часы отдаютъ по чине противъ, середи: пригоняя съ Тузы городчича, а слышаваетъ, пришли вемноше люди, семь тысячъ, воевая, да поворотили изъ везанъ» Но русскіе не дались въ обманъ, посланцы были отряды на помощь къ Тузѣ, которую осадилъ ханъ Девлет-гарей. Видя, что городъ пригоняется къ осадѣ и слыша, что на помощь къ нему идутъ войска, Ханъ снялъ осаду и ушелъ въ Крымъ.

Адресовича, составлявшая центр, двинулась прямо на Владимир и Муром к Свияжску. Прямая дорога составлявшая удобное крыло армии, сдвинулась под Казань окольными путями на Рязань и Мещеру. При войсках, идущих в судах по Волге, находилась и Шигаей, которого Государь уважал за его благоумие и знание края. Впрочем он не командовал отрядами — командовал низшим Петръ Андреевичъ Бугаковъ. Войска на марше не терпели лишений. Черемиси доставляли войску свои скучные запасы, а изобиле дачи в дѣвственной и малонаселенной странѣ дѣлали поход удобнѣе.

Повторимъ то, что мы сказали въ различныхъ мѣстахъ нашихъ Очерковъ о положеніи Казани, о ея укрѣпленіяхъ, о выгодахъ и невгодахъ, которыя представляла мѣстность Казани для осаждающихъ и осаждаемыхъ. Въ Казанской татарской крѣпости съ сѣверной стороны стѣна не доходила до р. Казанки, а шла вдоль вершинъ, образующихъ крутые скаты къ этой послѣдней. Выдающиеся пункты мѣстности, напр. мѣстность около Дворца, Пятницкой Церкви, мѣстность между теплою церковью Казанскаго Богородицкаго монастыря и торчавшимъ замкомъ были укрѣплены башнями; подъ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ были ворота, чрезъ которыя осажденные могли скоро и удобно дѣлать вылазки на наши батареи. Самая крѣпость съ югозападной и сѣверозападной сторонъ Казани представляла возвышенное плато, съ глубокой впадиной посрединѣ, въ видѣ подковы; эта средняя впадина простиралась на сѣверъ и доходила до Казанки. Южная сторона крѣпости, какъ мы видѣли въ VI главѣ нашихъ Очерковъ, была болѣе финансирована башнями. Русскія войска, пришедши на Казанскую равнину, 18-го Августа при своемъ движеніи вдоль нея, для вылазки назначенныхъ изъ мѣст при осадѣ Казани, шли, выставивъ свой правый флангъ впередъ и выдвигая его вокругъ Казани на югъ, это-востокъ и отчасти на сѣверъ; лѣвой же флангъ въ это же время отчасти оставался около западной стороны крѣпости, а отчасти перешелъ за Казанку, гдѣ и соединился съ войсками правого фланга, спустившимися съ Арскаго холма къ Казанкѣ, очевидно съ тѣмъ, чтобы прикрыть уголъ между Казанкою и Волгой, пунктъ, удержаніе котораго для насъ весьма было

важно: потому что Волга представляла собою единственную нашу коммуникацию линию. Мы базировались на Волге около того угла, который образуется нижепереем Казанки. Ся этой же целью Государь съ салмиль отрядомь лучшаго войска всталъ лагеремъ со стороны Волги, около Огушевой мечети, стоявшей на Курашней т. е. на жбности, лежавшей вправо отъ Обной площади въ Казанской пристани, на Волгѣ⁽¹⁾. Въ предшествующіе походы наша армія всегда становилась въ этомъ же мѣстѣ и нашъ лагерь составлялъ часть нападены Казанцевъ. Въ слѣдствіе характера Приволжской жбности, которая суживается между Кабаномъ и возвышенностью, на которой стоитъ Казань, представляла при входѣ на Арское поле значительную крутизну и доселѣ извѣстную покатость, не менѣе 20°, поэтому часть арміи въ Арское поле было вѣдомъ не легкимъ. Дѣйствительно, едва наши войска начали вбираться на крутизну между ос. Кабаномъ и крѣпостью, какъ изъ Казани было сдѣлано сильное нападеніе на ихъ флангъ, но энергическая помощь, поданная авангарду особымъ отрядомъ, который шибъ называется боковымъ авангардомъ, заставила татаръ поспѣшно укрыться въ ворота крѣпости. Нашъ авангардъ удачно дебучировалъ на Арское поле.

Планъ защиты, придуманной татарамъ, гдѣ же отличался большою энергіею и предусмотрительностію. Помѣстивъ въ городъ до 30,000 отборнаго войска, татары выслали до 30,000 кавалеріи и 25,000 погайцевъ въ окрестности и особенно въ Арскій зѣсъ, чтобы эти легкіе отряды непрерывно бѣлоскили насъ съ тыла. Въ особенности ихъ нападеніямъ подвергался центръ, состоявшій изъ войска Большаго Полка, подъ начальствомъ Боротанскаго. Нашето войска подъ Казанью было до 150,000 и при немъ значительный отрядъ кавалеріи. Изъ того, что при одномъ дѣлѣ подъ Казанью было зведено въ бѣгу 30,000

(1) Въ этой жбности и шибъ находится Царено Озеро, вѣкомъ отъ Стекольного завода. Получило ли это озеро свое имя отъ Казанскихъ царей, которые вѣдывали сюда на шибъ сабиль или отъ Царскаго лагеря—рѣшить трудно.

конницы, можно заключить, что русская кавалерия при осаде Казани составляла $\frac{1}{2}$ часть осадного корпуса, т. е. почти то самое число, которое применяется в настоящее время действующими армиями. Но вероятно, из это число введена было не вся паша кавалерия. Кроме того Царский отряд состоял из 20,000 кавалерии, (1) состоявшей из болгарских джиды и татарских родов, отличавшихся расторопностью, прекрасным вооружением и навыком в ратном дѣлѣ. (2) У русскихъ подъ Казанью было 150 осадныхъ орудій и впродѣ того много пушекъ стояло при Царской стѣнѣ. (3) Мы видели выше, что о лѣвѣйшей артиллеріи нельзя имѣть особенно высокаго мнѣнія. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ, что осада Казани шла очень продолжительно и все-таки окончилась штурмомъ. Штурмъ былъ очень упорный, а это всепуще доказываетъ, что артиллерія мало подготовила его успѣхъ. Кроме того мы должны были прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, какъ подвижная башня, производили работы въ деревянной крѣпостной стѣнѣ на брешь-батареи, какъ это дѣлалось въ XV и XVI вѣкахъ въ Европейскихъ арміяхъ, (4) а подкопками и взрывами. Городъ былъ деревянный, но мы не могли въ немъ дѣйствиельно артиллеріи и защитными снарядами произвести ни одного пожара. Царственикъ вѣнча упоминаетъ здѣсь о горѣннѣ вѣнчанскихъ мостовъ чрезъ рѣку и о горѣннѣ деревянной вѣнчанской стѣнѣ. (5) Около конца Августа городъ былъ обложенъ русскими войсками въ слѣдующемъ порядкѣ. Большой Полкъ Воротынского и Передовой Провскаго занимали линію отъ Валака до Федоровскаго монастыря на Арскому полю. Права Рука Шеняева и Курбскаго стояла противъ города, за Казанской, начиная отъ вѣнчанскаго Казанскаго моста до Казанскаго Богородицкаго монастыря. Отъ монастыря до Арскаго поля стоялъ Эр-

(1) Курб. стр. 28-я.

(2) Царств. кн. стр. 251-я.

(3) Курб. стр. 25-я.

(4) Курб. Фортификаціи Ласковскаго и Болдырева. 1864 г., стр. 23.

(5) Царств. кн. стр. 296.

тоуль Шемакана. На устьях Булака и вверх по нему стояла Сторожевой Полк Князя Серебряного, а от него влево по Булаку Ляны Рука ип. Минусинского.

Осаду Казани можно раздѣлить на два периода.

I. Въ первые три недѣли Казанской осады войска наши терпѣли значительный уронъ, въ слѣдствіе системы обороны, принятой неприятелемъ. Оборона Казани была чисто атаканая. Вылазки изъ Казани на нашъ лагерь поддерживались нападеніями на нашъ тылъ, которыя производились татарскою конницею, высланною изъ Казани передъ осадой. Слѣдствіемъ обоимъ осадѣ вообще очень коротки и отрывочны, но собиравъ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ и принявъ во вниманіе, что законы тактики, видоизмѣняющіеся сообразно требованіямъ времени, способъ вооруженій и приблизительно же известны другимъ арміямъ, въ существѣ своемъ остаются неизмѣнными, мы должны заключить, что послѣ обложенія крѣпости наши войска, отчасти для защиты себя отъ вылазокъ, произвели, впереди своего фронта нѣкоторыхъ приспособленій, имѣвшихъ родъ траншей или параллелей и укрѣпленій ихъ шанцевымъ и турями—иначе сказать—уступая духу времени и тактикѣ своего вѣка, устроили то, что называется контрвалляціонною линіею. Видно, что осадой руководили люди, знакомые съ тогдашнюю Европейскою фортификаціею. Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей и по соображенію всего хода осады Казани можно положительно заключить, что ходомъ осады руководили иностранные инженеры. Въ Казани даже сохранилось преданіе, что одному изъ этихъ инженеровъ, англичанину Бутчеру Царь послѣ осады и взятія Казани подарилъ обширную землю въ Казанскомъ уѣздѣ. Разумѣется, при осадѣ Казани не могло быть и рѣчи о сдѣлкахъ апрошей (подступовъ), такъ какъ ономъ крѣпости не было настолько огненъ, чтобы дѣлать ихъ необходимыми. Выѣстъ съ тѣмъ указаніе, что на нашъ тылъ дѣйствию нападенія отражались кавалеріею, заставляеть предполагать, что при взятіи Казани не было сдѣлано, такъ называемой, циркуль-валляціонной линіи, хотя ее устройство неминуемо требовалось тогдашнюю тактикою и фортификаціею. Подъ именемъ циркуль-валляціонной линіи въ XV и XVI вѣкахъ разумѣлась задняя или вторая линія вокругъ крѣпости, устро-

наемная осаждающими, которая служила защитой лагерю изъ съ шаш, со стороны неприятеля, могущаго прорваи на поночь осаждаемому пункту: она укрѣпилась точно также, какъ и передняя или контрваллаціонная, орудіями. Первый періодъ осады ограничивался вылазками изъ крѣпости, нападениемъ татаръ на наши лагери съ тыла и изъ отряженіемъ. Все это держало въ напряженіи наши войска, порождая болѣзни и производило крайнее утомленіе войскъ. Курбскій рассказываетъ, что не было у солдатъ ни времени поить, ни времени уснуть.⁽¹⁾ Не смотря на численныя перевѣсы нашихъ силъ надъ войсками противника, въ первый періодъ осады Казани мы не только не приобрѣли никакого фактическаго преимущества, но напротивъ, изъ сѣдствіе случившейся массы войскъ передъ верками крѣпости и беспрестанныхъ вылазокъ, поочері русской осадной арміи были очень значительны. Въ военномъ совѣтѣ, собранномъ Царемъ, были приняты слѣдующія мѣры. Армію раздѣлили на двѣ части, одна половина ея оставлена въ шашкахъ подъ Казанью, а другая была отвѣдена въ лагерь, гдѣ находился самъ Царь; эту половину рѣшились употребить, смотря по обстоятельствамъ, т. е.—говоря современнымъ языкомъ—рѣшили не держать въ траншеяхъ излишняго числа войскъ, наприсно подпоравившихся истощеніемъ и изъясъ опасностямъ траншейной службы, отдѣлили часть войскъ, сколько нужно было, въ осаждающей корпусъ, а для остальныхъ вѣсшихъ засѣдную службу придумали болѣе полезное употребленіе—именно скакать,—образовали для корпусъ осаждающей и прикрывающей осаду. Слѣдствіемъ этого была битва съ татарами на Арскомъ полѣ, окончившаяся совершеннымъ ихъ пораженіемъ, причемъ 1000 человекъ взято въ плѣнъ; число мѣсяца значительное, если приравнять во вниманіе ожесточеніе обѣихъ сторонъ, при которомъ не могло быть много пленныхъ. Во-вторыхъ, слѣдствіемъ этого распоряженія былъ походъ русскихъ на Арскъ, отстоящій отъ Казани 30 верстъ, при чемъ была взята приступомъ засѣдка въ Арскомъ лѣсу. Отрядъ Курбскаго

⁽¹⁾ Слова Курбскаго: (стр. 26, 27) «три недѣли толъ бѣди было, лею и брашна нашъ оного, изъю нужаго, не дади приватити многыжды.»

и все Правая Рука перешла на левый берегъ Казаши, Сторожевой Поля, стоящей у устья Вулды, переишь на правой сто берегу, или правой и левый фланги соединилась, для окончательнаго приступа быть избранъ самый доступный фронтъ кружности, возвышеннаго с Арсеналомъ поля. Выборъ для подхода и обвала башни около Царскихъ воротъ должно признавать вполне соответствующимъ требованіямъ военной науки, что и подтвердилось впоследствии успешною штурмомъ. Сильная мина, взорвавшаяся съ западнаго фронта Казаши, хотя и имѣла своимъ главною цѣлью дать возможность проникнуть штурмующимъ колоннамъ во-внутрь Казаши (1) съ двухъ сторонъ, но все-таки имѣла отчасти характеръ ложной демонстраціонной атаки, доказательствующей отъѣздъ значительнаго Казашинскаго гарнизона отъ пункта, сторожаемаго въ действительности. На самомъ дѣлѣ атака началась на возвышенности Баскросской гряды съ двухъ сторонъ. При несовершенствѣ русской артиллеріи въ XVI вѣкѣ и при командованіи крѣпостницъ верховъ нашею позиціею, къ послѣднимъ днямъ осады нанесено весьма ограниченное вредъ осадительнымъ линиямъ въ послѣднее время подвижная башня, поставленная около Царскихъ воротъ на возвышенномъ мѣстѣ, нанесла сильную убыль осадителямъ. Но чѣмъ болѣе приближалась осень, тѣмъ болѣе и болѣе затруднительнымъ становилось «оложеніе нашихъ войскъ. Дожди, начавшіеся въ Сентябрѣ, превратили все Казашискую равнину въ сплошное болото; доставленіе продовольствія Волгою становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Между тѣмъ въ Казаши оставалось еще болѣе полковъ ии запашкиныхъ. 3-го Сентября русскіе взорвали часть стѣны у Арскихъ воротъ и заняли башни надъ воротами. Нѣкоторые изъ русскихъ войскъ заняли также нахъ приступъ, но по отдаленности войскъ, по неподготовленности ихъ къ штурму, который требовалъ многочисленныхъ предварительныхъ расчистокъ, штурмъ отложился на 2-е Октября и войска, хотя съ трудомъ, отстояли отъ города. Но вслѣдствіе случившейся этой поминки принесла намъ огромную пользу тѣмъ,

(1) Царств. кн. стр. 299-я.

что сильно ослабила юго-восточную фронт крѣпости: удерживая на собой Арскую башню, мы стали твердою ногою на юго-восточномъ углу крѣпости. Татары повели на этомъ мѣстѣ временныя укрѣпленія или *траверсы*, но эти укрѣпленія, востроенымъ насъ, и слабый ихъ профиль естественно не представляли какъ преграды защитѣ, и войска наши, справившись на близкомъ разстоянн и выйдя на своей сторонѣ численныя перевѣсы, нанесли имъ до самаго 2-го Октября сильныя вредъ, чѣмъ ослабили защиту ими юго-восточнаго фаса крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ обеспечили успѣхъ приступа. Сѣбѣ имѣя по явотныхъ вѣстахъ была уничтожена, а рвы засыпаны.

Приступъ къ Кавала 2 Октября 1562 года назначенъ былъ, вопреки обычаямъ нашимъ, въ воскресный день, только потому, что весь Кавалскій походъ имѣлъ характеръ крестоваго похода. Царь и войска приближились съ Тамъ въ лагерныхъ деревняхъ Прен, Сергя, Арх, Михаила и Ся, Великомъ, Блатерны. На приступъ войска шли съ святымъ священникомъ ибсеи, попадали на татаръ съ крикомъ «Съ нами Богъ». Главная атака повелена была съ Арскаго поля, подъ начальствомъ предводителя центра, князя Веротыскаго: каждому военачальнику назначены для атаки отдѣльныя ворота, у штурмующихъ колонъ были резервы: кавалорскіе отряды посланы были для наблюденія за путями, ведущими къ городу со стороны Арскаго поля, по Вог-иской (отъ Каб на) и по Галицкой (или Наревонской) дорогамъ. При Царѣ остался отрядъ въхохранителей въ 20,000 человекъ, въ смислѣ гвардіи или главнаго боеваго резерва. Царь не участвовалъ лично въ битвѣ, даже не было назначено общаго главнокомандующаго, по штурмовымъ колониямъ действовали отдѣльно, начальники ихъ только обязаны были подавать другъ другу попомъ. Одно обланіе Нарскаго присутствія действовало благотворно на войска. Царемъ лично было сдѣлано назначеніе начальниковъ штурмовыхъ колонъ и распределена роль каждой колонны въ общемъ приступѣ крѣпости. Предъ началомъ приступа Царь вышелъ въ черномъ и когда шла обѣда, во время чтеія *Евангелія* и стужбой эстенія взорвало подкомъ одинъ *защитникъ*. Войска тотчасъ же двинулись на городъ и тѣмъ же вторгнулись внутрь его. Около 10-ти

часовъ утра дѣло было въ сѣдучившемъ положеніи. Наши лошади овладѣли ближнею стѣною съ юго-востока и отогнали Кашина. Императоръ IV приблизился къ городу и сдѣлалъ около Наревскихъ воротъ, татары съ Удичеремъ съ одной стороны (сѣверной) заперлись на Царевомъ дворѣ, съ другой стороны стали на Тевискоякъ оврагѣ, гдѣ въ битву участвовало и мусульманское духовенство. Изъ это время воиска наши начали мародерствовать. И при современномъ состояніи военного искусства трудно управлять войсками, внушаемыми на приступъ, потому что они при этомъ усвоиваются, а въ виду непосредственнаго наблюдения офицерами. Видя ретивый походъ въ городъ, а знамена на стѣнахъ, вся лагерная чета бросилась въ городъ грабить, чѣмъ еще болѣе разстроила наши раздѣленные преступнымъ отрядамъ, потому что за этою самою бросилась грабить городъ и часть войскъ, бывшихъ въ стѣнѣ. Татары, видя, что ряды русскихъ войскъ рѣдѣютъ, сами перешли въ наступленіе. Тогда только быть введенъ въ дѣло царскій отрядъ или главный нашъ резервъ, — онъ двинулся въ Казань чрезъ Царевы ворота, причемъ изъ фактической точки присоединена была приватная — самъ Царь двинулся въ городъ со знаменемъ. Находясь въ Царевомъ дворѣ татары сначала выставили на дворѣ всѣхъ женскихъ гаремъ, они предприняли и присоединившихся осаждаемыхъ, по словамъ Курбскаго около десяти тысячъ, *) чтобы отвѣчать русскимъ и задержать наступленіе войскъ, но въ началѣ вѣговъ Порогискаго: съ другой стороны завели переговоры съ Курбскимъ, которые должны были имѣть одинъ цѣль — спасти городъ отъ разрушенія, потому выдали Царя и привлекли за собою всю массу нобъ доносныхъ враговъ, перебросились чрезъ стѣну, подвигались по кучамъ труповъ и перешли Казань, гдѣ болѣею частью и погибли.

Протоіерей *Ил. Заринскій*.

1-го Мая, 1877 года.
Г. Казань.

(*) Курб. стр. 40-я.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.		Искю читать.
Стр.	Слов.	
2	16	восточные
22	5	лучших
21 апреля	9	Битон
24	23	во время
24	26	Михайлова
25	3	Безымянно
28 апр. 1 стр.	19	предлага
	13	предоставля
34	25	были предложены
36	9	вдвину
41	24	всего
42	23	эта же
43	28	преж
46	31	предоставлять
49	7	предлага
	11	предостав
73	10	суть и планы
76	31	были бы
111	28	между ними
116	12	были были
128 апреля	2	Рыбачини
131	28	Благодаря сообщению...
		охранение
132	9	судьи
139	2	судья
146	8	Зубов
147	20	молчали
150	6	1822
158 стр.	29	двух
172	6	восточных

ПЛАНЪ
СОВРЕМЕННОЙ КАЗАНИ,
 съ означеніемъ на немъ направленія
 ТАТАРСКОЙ КРѢПОСТНОЙ СТѢНЫ и РАСПОЛОЖЕНІЯ
РУССКОЙ АРМІИ
 ПРИ ОСАДѢ КАЗАНИ въ 1552 ГОДУ.
 Масштабъ
 въ Английскіе дюймы 200 саж.

200 160 120 80 40 0 200 400 саж.
 ЦѢНОВИКЪ № 19 Іюль 1877 Казань. Лито К. П. Воскобойникова

**ЦЕРКВИ
СОВРЕМЕННОЙ КАЗАНИ:**

- 1 Благовѣщенскій Соборъ.
- 2 Церковь Покрова и Златицы.
- 3 Спасскій монастырь.
- 4 ———— Спаса Нерукотворимаго.
- 5 Иванскій монастырь.
- 6 Церковь Николая Лаврова
- 7 ———— Николая Магистратскаго (Воробейскій)
- 8 ———— Николая Гостиницаго
- 9 ———— Божьей Матери.
- 10 ———— Николая Винокува.
- 11 ———— Клепцкая.
- 12 ———— Войковская.
- 13 ———— Петра и Павла.
- 14 ———— Воскресенская.
- 15 ———— Покровская.
- 16 ———— Пятницкая (Николай Зарайскій)
- П Теплая Церковь въ Казанской Богородицкой монастырь (Николай Туркскій)
- Б Оксеровскій монастырь (Триерскіе герцоги)

**БОРОТА
ТАТАРСКОЙ КАЗАНИ XVIII ВѢКА:**

- I Мураевы.
- II Злугины.
- III Звояливы.
- IV Кайбатскія.
- V Арскія.
- VI Царевы.
- VII Ногайскія.
- VIII Крымскія.
- IX Аталыковы.
- X Тюменскія.